



Икона «Святой Андрей Первозванный»
Начало XVIII в.

Звезда и крест ордена Святого апостола Андрея Первозванного, принадлежавшие Петру I



Ордена Российской Империи: Орден Святого апостола Андрея Первозванного

«ОДНИМ ЗА ВЕРНОСТЬ И ХРАБРОСТЬ, А ДРУГИМ ДЛЯ ОБОДРЕНИЯ К БЛАГОРОДНЫМ ДОБРОДЕТЕЛЯМ»

ВЫСШЕЙ наградой в Российской Империи был старейший из русских орденов – орден Святого апостола Андрея Первозванного. Это был орден царей, высших сановников и генералитета. Петр I учредил его предположительно в 1698 году после возвращения из Англии, где он получил лестное предложение от короля – вступить в орден Подвязки. Предложение было отклонено, так как русский царь не намеревался становиться одним из рыцарей иноземного государя. Но оно подтолкнуло Петра к созданию собственного русского ордена. Однако с самого начала он понимал, что орден будет не союзом рыцарей, а знаком царской милости. Там же, в Англии, Петр набросал рисунок ордена, решив заняться деталями на досуге. Досуга не оказалось, и потому в России возник орден без статута и без разработанной символики.

В качестве патрона ордена был избран апостол Андрей, который почитался святым патроном русской земли еще со времен киевских князей. В свое время подвижничество Андрея, одного из ближайших учеников Христа, который проповедовал балканским и причерноморским народам, было использовано Константинополем. Русь – преемница Византии – также пыталась утвердить истинность своей государственной религии ссылками на древность. Скифы, которые внимали проповедям Андрея Первозванного, были отождествлены со славянами, сложилось даже предание о том, что Андрей проделал путь «из греков в варяги», т.е. прошел все русские земли с юга на север. При этом он водрузил крест на берегу Днепра и посох на берегу озера Ильмень, где впоследствии были основаны Киев и Новгород.

Апостол принял мученическую смерть: был распят на кресте, брусья которого были скреплены наискось (Андреевский крест). Так как Андрей всю жизнь провел в странствиях, его считали также покровителем путешественников и мореплавателей. Не только сам факт учреждения русского ордена, но и выбор его небесного покровителя был в тех условиях важной политической акцией. В ней сказались стремление Петра всеми средствами укреплять престиж Российского государства, продемонстрировать его право на равных стоять в ряду прочих европейских держав, подчеркивая древность христианства на Руси.

Публикацию подготовил капитан 3 ранга В.Г. КИКНАДЗЕ

Иллюстрации из кн.: Морским судам быти! К 300-летию Российского флота. Альбом / Авт.-сост. В.Ю. Матвеев. Калининград: ГИПП «Янтарный сказ», 1996. 63 с., ил.; Дуров В.А. Русские награды XVIII — начала XX в. М.: Просвещение, 1997. 160 с., ил.; Польза. Честь. Слава. Награды России. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004. 300 с., ил.



▲ Компас с изображением Св. Андрея Первозванного
Изготовлен Петром I. Петербург, «Токарня» Петра I. 1-я четверть XVIII в.



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2
1-80 2006

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».



Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2006 года — 26 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 157-84-50

Электронные версии «Военно-исторического журнала» и интернет — приложений «Военно — исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.



Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

февраль
№ 2
2006 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Войсковая противовоздушная оборона в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Артиллерия резерва Верховного Главнокомандования в годы Великой Отечественной войны

«Когда Польша нападет на Чехословакию»

К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В.Колчаком

Становление военной контрразведки Российской Империи

Правда об аресте Гимmlера

ISSN-0321-0626

Военно-исторические фаришеты Отечества



Обер-офицер и унтер-офицер Гвардейского экипажа с 1824 по 1825 год

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

**23 февраля — День защитника Отечества
День воинской славы России
В 1922—1993 гг. отмечался как День Советской армии
и Военно-морского флота**

Военно-исторический журнал № 2 февраль 2006

РАТНАЯ СЛАВА РОССИИ



▲ В.М. Сибирский в работе над полотном диорамы «Штурм Берлина» 1979 г.

▲ Фрагмент диорамы «Штурм Берлина»
Художники В.М. СИБИРСКИЙ,
Е.И. ДАНИЛЕВСКИЙ.
1980 г.



▲ Туркестан советский. 1920 год
Художник В.М. СИБИРСКИЙ.
1982 г.

НАИБОЛЕЕ значительными в творчестве художника Студии военных художников имени М.Б. Грекова В.М. Сибирского представляются произведения, посвященные событиям Великой Отечественной войны, главной работой из которых является диорама для Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве — «Штурм Берлина». В диораме отражены все стороны этого вида художественного искусства: историческая достоверность, широкий охват событий, декоративная зрелищность и убедительность пред-

метного плана. Новаторством авторского решения отличаются росписи в аванзале диорамы, изображающие бои на улицах Берлина. Главным композиционным центром диорамы выбрана северо-восточная часть парка Тиргартен с рейхстагом. Сюда 30 апреля 1945 года после упорных и кровопролитных боев, сломив сопротивление отборных частей противника, вышли передовые части 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии — 150-я стрелковая дивизия генерал-майора В.М. Шатилова и 171-я стрелковая дивизия полковника А.И. Негоды.

Полотно воспроизводит не только завершающий этап войны, но и отдельные героические подвиги советских воинов. В глубине траншеи мы видим полковника Ф.М. Зинченко с сержантом М.А. Егоровым и младшим сержантом М.В. Кантария. В руках одного из них Знамя Победы. Сюжет олицетворяет все знамена и флаги, установленные в фашистском логове советскими воинами, среди которых лейтенант Т.К. Кошкарбаев, младшие сержанты М.В. Еремин и П.Д. Щербина, сержант П.С. Смирнов, рядовые Г.К. Савенко, Н.Т. Беленков и Л.Ф. Со-

«БЕСПРИМЕРНАЯ САМООТВЕРЖЕННОСТЬ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ПОРЫВ...»

2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943)
День воинской славы России

СТАЛИНГРАД. Осенью 1942 года название этого советского города не сходило со страниц газет всего мира. Народы земли следили за тем, как разворачивалась одна из самых кровавых битв в истории человечества, которая происходила здесь, на берегах Волги. Как и годом раньше под Москвой, судьба нашего государства и, возможно, исход всей Второй мировой войны решались в гигантском противостоянии Красной армии и вермахта теперь уже в приволжских степях и на улицах города. Так же, как и в Битве под Москвой, враг был разбит наголову. Лучшие дивизии вермахта, как в гигантской мясорубке, перемалывались одна за другой. 330 тыс. генералов, офицеров и солдат попали в окружение, 90 тыс. из них повезло — они не погибли под гусеницами советских тридцатьчетверок и КВ, не были уничтожены во время артиллерийских налетов, их не убили наши пехотинцы в стремительных атаках. Обмороженными, полуголодными они были взяты в плен. Остальные навсегда остались под стенами Сталинграда. Не зря этот город (ныне г. Волгоград) называют Каннами XX века.

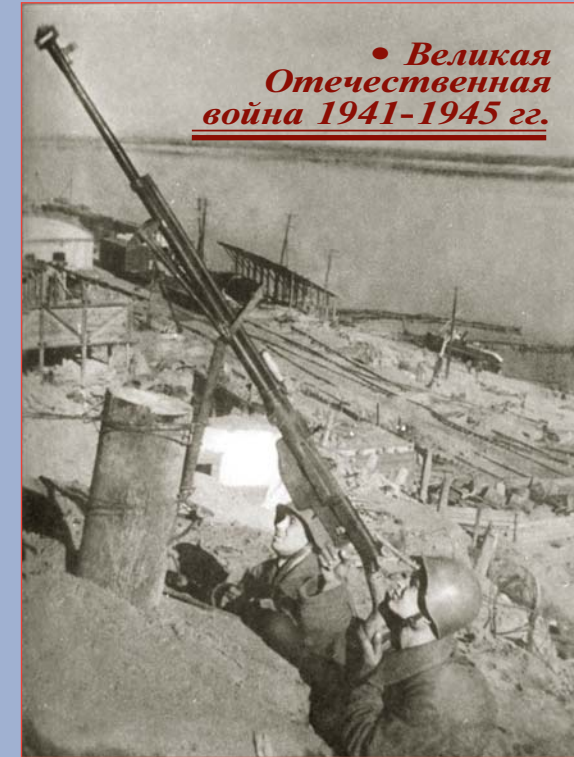
Сталинград — это не только символ мужества и стойкости советского солдата (707 тыс. человек были награждены медалью «За оборону Сталинграда»), но и символ триумфа нашего военного искусства.

Публикацию подготовила
Т.Л. ДЬЯЧЕНКО

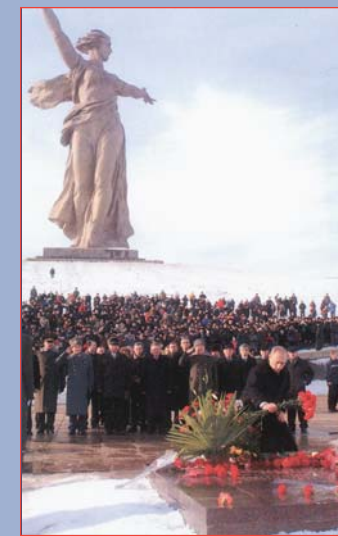
Иллюстрации из кн.: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Память о Сталинграде. Сталинград в немецкой и русской памяти. Каталог немецко-русского музея Берлин-Карлхорст. Германия: СН. LINKS VERLAG, 2003.



▲ Прославленные снайперы Сталинградского фронта Герой Советского Союза старшина Н. Ильин (слева) и его напарник Я. Лапа



▲ Противотанковое орудие, приспособленное для отражения воздушной атаки противника 62-я армия, Сталинград, сентябрь 1942 г.



Президент России В.В. Путин возлагает цветы на Мамаевом кургане по случаю 60-летия Сталинградской битвы
Волгоград,
3 февраля 2003 г.

▲ Мемориал «Солдатское поле» — братская могила десятков тысяч погибших солдат
Волгоград



• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

РАЗРАБОТАННЫЙ в Институте военной истории Министерства обороны РФ труд* «Как создавался атомный подводный флот Советского Союза» широко и многопланово раскрывает роль и значение атомного подводного флота нашего Отечества в условиях ядерного противостояния двух великих держав периода «холодной войны» (50–80-е годы XX столетия).

В работе показан большой вклад советской академической науки, видных ученых и конструкторов, многочисленных коллективов кораблестроительных предприятий, академика А.П. Александрова в создание атомного подводного флота и подготовку для него квалифицированных кадров. Работа над рукописью, авторы широко использовали многочисленные архивные документы, дневниковые записи и воспоминания ветеранов атомного подводного флота.

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

Немалый интерес у читателя

вызуют основанные на личном опыте рассказы о рискованных плаваниях атомоходов подо льдами Арктики, о переходах вокруг света и длительных походах в удаленные просторы Мирового океана, о борьбе личного состава с радиационной опасностью и других драматических ситуациях, возникших во время освоения сложной боевой техники. Отличительной особенностью этого труда является его историзм и научная объективность.



Эту книгу получат в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 78–79).

Основен
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Февраль
№2 (550)
2006 год

- ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 3 **MILITARY ART**
А.М. ШАВЕЛКИН — Войсковая противовоздушная оборона в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
A.M. SHAVELKIN — Army antiaircraft defense in operations of the Great Patriotic War of 1941—1945
- М.А. БОБРОВ — Организация и ведение воздушной разведки в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 7 **M.A. BOBROV — Organizing and conducting of air reconnaissance during the days of the Great Patriotic War of 1941—1945**
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** 12 **FROM HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
А.В. ЛОБАНОВ — Артиллерия резерва Верховного Главнокомандования в годы Великой Отечественной войны
A.V. LOBANOV — Artillery of the reserve of the General Headquarters during the days of the Great Patriotic War
- МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ** 16 **BETWEEN THE TWO WORLD WARS**
С.В. МОРОЗОВ — «Когда Польша нападет на Чехословакию»
S.V. MOROZOV — "When Poland attacks Czechoslovakia"
- ЗАБЫТОЕ ИМЯ** 20 **FORGOTTEN NAME**
В.Г. КИКНАДЗЕ — «Мария Бочкарева. Зовущая на смерть»
V.G. KIKNADZE — "Maria Bochkareva. Callind to the death"
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 21 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
В.В. КАПИСТКА — «Раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба»
V.V. KAPISTKA — "Large-scale spy and diversion organization of the Japan General Staff has been disclosed"
- ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ** 28 **POINTS OF VIEW, OPINIONS, VERSIONS**
Д.Ю. КОЗЛОВ, Е.Ф. ПОДСОБЛЯЕВ, В.Ю. ГРИБОВСКИЙ — «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние»
D.Yu. KOZLOV, E.F. PODSOBLYAEV, V.Yu. GRIBOVSKY — "I must admit... that Kolchak had great influence on the matter of the Navy strength development"
- АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. КОНФЕССИИ** 37 **ARMY, SOCIETY, RELIGIONS**
«Мы, военные священники, всем сердцем приветствуем обновление Родины нашей на началах политической, гражданской и религиозной свободы...»
(Публикация М.А. БАБКИНА)
"We, chaplains, from the bottom of our hearts welcome the renovation of our Motherland on the principles of political, civil and religious freedom..."
(Publication of M.A. BABKIN)
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 42 **UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE**
Н.В. ГРЕКОВ — Деятельность контрразведки «Смерш» по пресечению измены и дезертирства в войсках в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
N.V. GREKOV — Activities of the counterespionage organization of «Smersh» on suppression of treason and desertion in the army during the days of the Great Patriotic War of 1941—1945
- Н.С. КИРМЕЛЬ — Становление военной контрразведки Российской Империи 50 **N.S. KIRMEL — Formation of the military counterintelligence of the Russian Empire**
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА** 55 **WORLD WAR I: TRAGEDY OF THE CAPTIVITY**
И.Н. НОВИКОВА — «Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...»
I.N. NOVIKOVA — "Russia is a country of contrasts, and this property is nowhere so clear manifested as in the captivity..."
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЫСЛИ** 59 **HISTORY OF THE MILITARY THOUGHT**
Е.Ф. ПОДСОБЛЯЕВ — Создание теории господства на море
E.F. PODSOBLYAEV — Creation of the theory of supremacy in the sea
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 63 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.В. САВИНКОВ — Февральская революция
(Публикация В.А. АВДЕЕВА)
V.V. SAVINKOV — The February revolution
(Publication of V.A. AVDEEV)
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 68 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
П.И. ВЕЩИКОВ — Важнейший фактор Великой Победы
P.I. VESHCHIKOV — Most important factor of the Great Victory
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** * * **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ** 69 **AGAINST A LIE AND FALSIFICATION**
А.И. СИМОНОВ — Правда об аресте Гимmlера
A.I. SIMONOV — The truth about Himmler's putting under arrest
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 74 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.М. ДОГАДИН — В Николаевском инженерном училище
(Публикация З.Д. ЯСМАН)
V.M. DOGADIN — At Nicolas engineer school
(Publication of Z.D. YASMAN)
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 78 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «Адмирал П.С. Нахимов»
A.S. ZHDANOVSKY — The cryptogram "Admiral P.S. Nakhimov"

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 6, 11; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 20; ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ — 27, 49; ХРОНОГРАФ — 44; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 49, 68; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80

SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 6, 11; THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 20; THE MEMORABLE DATE — 27, 49; CHRONOGRAPH — 44; THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN — 49, 68; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

2 (550) 2006 February

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

Локальные войны и вооруженные конфликты XX века

Воздушно-наземные
действия войск
в операции «Буря в
пустыне». 1991 г.

Военное искусство Эволюция огневого поражения противника. Конец XIX — начало XXI века

Безопасность России: в прошлом, настоящем и будущем

Двойная дипломатия
японских спецслужб
в годы Второй
мировой войны

За кулисами «третьего рейха»

Стратегическое
развертывание ВВС
фашистской Германии
накануне нападения
на СССР

Между мировыми войнами

«Заблаговременно...
разработать
необходимые
мероприятия,
гарантирующие
сохранение военной
тайны»

Точки зрения. Суждения. Версии

Офицерские семьи
в обход закона.
Вторая половина
XIX века

Военно- патриотическое воспитание

«Потешные роты»
в Смоленской
губернии

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, доктор экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофото документов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор Историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Ю.А. ГЛУШКОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;

Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:

Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ВОЙСКОВАЯ ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА В ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

Автор предлагаемой вниманию читателей статьи провел значительную работу по поиску и систематизации данных, в том числе архивных, по малоизученному аспекту боевого применения войсковой противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны. Редакция надеется, что публикация вызовет интерес не только ветеранов и специалистов войсковой ПВО, но и широкого круга читателей, поскольку в системном научном материале исследуется широкий спектр количественных и качественных данных по наращиванию сил и возможностей войсковой противовоздушной обороны, итогов ее боевых действий.

ХАРАКТЕРНОЙ особенностью Великой Отечественной, как и всей Второй мировой войны, явилось небывалое до этого времени массовое применение авиации. Так, немецкое командование считало последнюю одним из решающих средств молниеносного достижения стратегических целей и придавало первостепенное значение ее действиям в интересах сухопутных войск и морского флота при обязательном господстве в воздухе.

Вероломное нападение Германии на СССР поставило советские войска в крайне тяжелые условия. Многие запланированные мероприятия по укреплению противовоздушной обороны осуществлены не были, хотя опыт боевых действий в Испании, на реке Халхин-Гол, Советско-финляндской войны показал, что имеющееся в Красной армии зенитное вооружение уже устарело и не может обеспечить эффективной борьбы с современной авиацией.

Следует отметить, что в 1938—1940 гг. многое было сделано не только для усовершенствования организационной структуры войсковой ПВО, но и для ее технического оснащения. В эти годы создавались и поступали на вооружение новые зенитные орудия (76,2- и 85-мм полуавтоматические пушки 1938 и 1939 г. соответственно и 25-мм автоматические 1939 и 1940 г.), прибор управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО-3), 12,7-мм зенитный крупнокалиберный пулемет ДШК (1938 г.), 4-метровый стереоскопический дальномер, радиолокационные станции обнаружения (РУС-1 «Ревень» и РУС-2 «Редут»). Все эти образцы зенитного вооружения и боевой техники не уступали лучшим иностранным образцам, а некоторые и превосходили их.

До войны в стрелковых и кавалерийских корпусах, а также в резерве Главного Командования имелись отдельные зенитные артиллерийские дивизионы среднего калибра. В 1939—1940 гг. подобные подразделения, но смешанного состава, были введены в штаты дивизий Сухопутных войск, состоявшие, как правило, из одной батареи орудий среднего и двух батарей малого калибра. Они, являясь основным средством войсковой ПВО в довоенный период, были укомплектованы орудиями малого калибра только частично (1382 вместо 4900 положенных по штату)¹. Значительное количество 85-мм зенитных пушек

шло на вооружение соответствующих частей, прикрывавших объекты тыла, а также противотанковых артиллерийских бригад РВГК и полков, находившихся на стадии формирования. Ощущалась острая нехватка боеприпасов, недоставало звукоулавливателей и прожекторных станций, дальномеров для артиллерии среднего калибра.

В КОНЦЕ 1941 ГОДА зенитные артиллерийские дивизионы стрелковых дивизий были заменены отдельными батареями 6- и даже 4-орудийного состава. Поэтому в начальный период войны абсолютное большинство дивизий прикрывалось только одной зенитной батареей, которая была беспомощна в борьбе с многочисленной авиацией противника, особенно с пикирующей. Значительные потери в самолетном парке в первые дни войны привели к тому, что оставшаяся часть истребительной авиации использовалась в основном для сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков, а также для прикрытия аэродромов и нанесения ударов по войскам противника. Для непосредственной противовоздушной обороны войск у нее почти не оставалось сил, что еще больше усложняло условия выполнения задач зенитной артиллерией по прикрытию войск от ударов с воздуха.

Слабость нашей войсковой противовоздушной обороны позволяла противнику относительно безнаказанно наносить удары по нашим войскам, их тыловым объектам и коммуникациям и являлась одной из причин наших неудач в первый период войны. И.В. Сталин в своей переписке с президентом США и премьер-министром Великобритании, оценивая в этот период роль противовоздушной обороны войск, писал: «Практика войны показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха»².

Несмотря на все трудности и некоторые ошибки, допущенные в организации и ведении противовоздушной обороны войск в сложившихся условиях (стремление прикрыть как можно больше войск и объектов хотя бы и малым количеством зенитных средств, что приводило к снижению и без того незначительных боевых возможностей зенитной артиллерии), войсковые части и подразделения ПВО за первый год уничтожили 3569 самолетов противника³, нанеся военно-воздушным силам фашистской Германии ощутимый урон.

Опыт боевых действий в первые месяцы войны требовал совершенствования форм и способов ведения противовоздушной обороны. В июне 1942 года была осуществлена коренная реорганизация системы ПВО войск. Приказом наркома обороны все части и подразделения ПВО, действовавшие в составе фронтов, были подчинены начальнику артиллерии Красной армии, начальникам артиллерии фронтов, армий и общевойсковых соединений с возложением на них всей полноты ответственности за противовоздушную оборону войск. Одновременно началось формирование зенитных полков РВГК, первоначально названных армейскими полками ПВО. Каждый полк состоял из трех батарей 37-мм зенитных пушек

(12 единиц) и двух зенитных пулеметных рот (20 ДШК). К июлю в действующей армии их насчитывалось 34, к ноябрю — 104⁴.

Уже с августа 1942 года армии, действовавшие на направлении главного удара, начали получать на усиление от трех (20-я армия Западного фронта в Ржевско-Сычевской операции)⁵ до шести армейских полков ПВО (1-я гвардейская армия Сталинградского фронта в частной наступательной операции 18—23 сентября)⁶, что позволило создавать плотность зенитного огня до 6—7 орудий на 1 км участка прорыва, в 2—3 раза превышавшую этот показатель в операциях первого года войны.

ПОЯВЛЕНИЕ на фронтах армейских полков ПВО заставило авиацию противника увеличить высоту полета и бомбометания, ограничить время пребывания в зоне зенитного огня, снизило ее эффективность, в то же время повысило надежность противовоздушной обороны наших соединений и частей, избавило войска от непрерывных и изнуряющих вражеских воздушных ударов. Так, если в 1941 году зенитная артиллерия ежемесячно уничтожала 316 самолетов (около 11 в сутки), то во второй половине 1942-го — 420 (около 14 самолетов в сутки)⁷.

И все же существенных недостатков в боевом применении новых формирований, в управлении как ими, так и противовоздушной обороной войск в целом было немало. Особенно проявились они в ходе проведения летних и осенних операций 1942 года. Устранению этих недостатков во многом способствовала разработка и издание в сентябре этого года инструкции по боевому применению армейских полков ПВО. Не меньшую роль сыграл приказ НКО от 22 октября, который явился первым наиболее детальным документом по вопросам тактики войск противовоздушной обороны. В нем была резко осуждена практика распыления зенитных средств, содержалось требование решительного перехода к массированному применению зенитной артиллерии на главных направлениях действий войск. Для этого рекомендовалось создание зенитных групп с включением в них от половины до двух третей всех войсковых зенитных средств фронта (армии) независимо от их штатной принадлежности вплоть до зенитных батарей и зенитных пулеметных рот стрелковых и других соединений. Командование создаваемой зенитной группой армии возлагалось упомянутым приказом на заместителя начальника артиллерии армии по ПВО, в распоряжение которого штаб армии должен был выделять необходимые средства связи. Акцент также делался на возможность маневра и перегруппировок в интересах концентрированного применения зенитных средств там и тогда, где и когда ожидалось массированное применение авиации противника.

13 ноября 1942 года начали формироваться зенитные артиллерийские дивизии РВГК, чем была создана материальная основа для осуществления разработанных еще в довоенное время, а в ходе боевых действий уточненных и усовершенствованных основополагающих принципов боевого применения зенитной артиллерии. В числе этих принципов назывались такие: массирование ЗА на главных направлениях действий войск и воздушного противника, широкий и решительный маневр ею на направлениях сосредоточения усилий вражеской авиации, централизованное управление зенитной артиллерией, временно объединенной в зенитные артиллерийские группы, непрерывное и тесное ее взаимодействие как с прикрываемыми войсками, так и с истребительной авиацией ВВС.

За четыре месяца 1942 года численность зенитной артиллерии малого калибра на фронте возросла почти в два раза⁸, что позволило проводить формирование артиллерийских полков ПВО и зенитных артиллерийских дивизий РВГК быстрыми темпами. Так, уже в период контрнаступления под Сталингра-

дом Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты в общей сложности имели 707 зенитных орудий и 907 крупнокалиберных зенитных пулеметов, сосредоточенных в 5 зенитных артиллерийских дивизиях, 20 армейских полках ПВО, 15 отдельных зенитных артиллерийских дивизионах и 31 отдельной батарее МЗА⁹. Таким образом, летом и осенью этого года в относительно короткие сроки были созданы условия, позволившие впервые противопоставить массированным ударам авиации противника массированное применение зенитных средств.

ЗЕНИТНЫЕ артиллерийские дивизии РВГК предназначались для прикрытия от ударов с воздуха главной группировки войск армии как в период подготовки, так и в ходе операции, и вместе с приданными им зенитными частями, а иногда и без них образовывали зенитные артиллерийские группы или подгруппы, возглавляемые командирами этих дивизий. Показательными могут служить действия 1-й зенитной артиллерийской дивизии РВГК, преобразованной в сентябре 1943 года во 2-ю гвардейскую зенитную дивизию РВГК. Сформированная под Москвой и имевшая в своем составе 1068, 1085, 1090 и 1116-й армейские полки ПВО, она была направлена в распоряжение 21-й армии Юго-Западного фронта. В соответствии с планом операции армия получила из средств РВГК еще четыре армейских полка ПВО и два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона 76-мм орудий. Она имела также в своих войсковых соединениях дивизион МЗА и три отдельных батареи. Всего же в 21-й армии насчитывалось 127 зенитных пушек и 155 зенитных пулеметов (без пулеметов стрелковых дивизий) на фронте в 40 км и при прорыве обороны на 12-км участке. Примерно такое же усиление получила и 5-я танковая армия — соседка 21 А справа. Подобная мощная группировка зенитной артиллерии создавалась впервые за время войны.

Все зенитные части начальник артиллерии 21-й армии объединил в армейскую зенитную артиллерийскую группу (АЗАГ) с целью хотя бы до начала наступления централизовать управление их огнем. Вместе с тем из плана ПВО армии было видно, что прикрытию подлежат стрелковые войска с артиллерией и подвижные соединения — 3-й гвардейский кавалерийский и 4-й танковый корпуса, которые вводились в прорыв для развития успеха наступления. Поэтому было решено разделить АЗАГ на две подгруппы. С началом наступления им предстояло действовать самостоятельно.

Всего в ожесточенных боях зенитчики-гвардейцы 1-й зенитной артиллерийской дивизии РВГК (2-й гв. РВГК) сбили 431 немецкий самолет. Обгоревшие остовы «юнкерсов» и «хейнкелей», «мессершмитов» и «фокке-вульфов», условно по одному на каждые пять километров, обозначали пройденный дивизией на линии Сталинград — Берлин долгий и победный путь к рейхстагу.

БОЕВОЙ ПОРЯДОК соединения первоначально строился в один эшелон, а зенитных полков, входивших в него, — обычно в три линии батарей, удаленных одна от другой как по фронту, так и в глубину до 2 км, что обеспечивало надежную огневую связь между ними и взаимное прикрытие от ударов с воздуха. В дальнейшем, начиная с Курской битвы, боевой порядок зенитной артиллерийской дивизии строился, как правило, в два эшелона. Максимальное удаление батарей первой линии от переднего края в большинстве случаев было равным: в наступлении — 2—3 км для среднекалиберной и 1—1,5 км для малокалиберной зенитной артиллерии, 300—500 м для зенитных пулеметов; в обороне — до 3,2 км и до 700 м соответственно.

Чтобы противник не вскрыл главную группировку войск по огню зенитной артиллерии, действовало ограничение на ведение ею огня в период подготовки операции. До начала массированных ударов авиа-

ции противника огонь по его отдельным самолетам-разведчикам и мелким группам бомбардировщиков вели специально выделенные зенитные батареи с временных позиций, выбираемых в районах, в которых зенитная артиллерия вела огонь и раньше.

Опыт наступательных операций выявил необходимость увеличения штатной зенитной артиллерии в танковых, механизированных и кавалерийских корпусах, поскольку они являлись важными объектами ударов с воздуха не только при вводе в сражение и действиях в оперативной глубине, но и при их выдвигании на рубеж ввода в сражение. Поэтому весной 1943 года в их штат были дополнительно введены полки МЗА.

Для создания условий прикрытия войск от ударов авиации во всем диапазоне высот самостоятельно, без усиления дивизионами СЗА РВГК, с февраля этого года зенитная артиллерийская дивизия РВГК вместо четырех полков МЗА 3-батареинного состава включала в себя три полка МЗА и один полк СЗА, причем все 4-батареинного состава. Значительно повысило ее возможности по управлению огнем и маневром появление в ней батареи управления со взводами разведки, проводной и радиосвязи.

Общий характер боевых действий войсковой ПВО в то время обуславливался количественным и качественным наращиванием ее возможностей, совершенствованием ее структуры и способов применения, а также изменением соотношения сил ВВС в пользу советской авиации и вынужденным переходом вооруженных сил Германии со второй половины 1943 года к оборонительной стратегии.

Армии, действовавшие на главных направлениях, вскоре стали усиливать одной-двумя, а иногда тремя-четырьмя зенитными артиллерийскими дивизиями (в Курской битве), что позволило создавать на решающих направлениях плотности до 2 орудий среднего и до 8 орудий малого калибра на 1 км фронта в обороне и до 4 и 14 орудий соответственно в наступлении. Противопоставление массированного огня зенитных средств массированному удару авиации противника позволило войсковой ПВО уничтожить в 1943 году 6374 самолета, т.е. в среднем по 531 за месяц и по 18 за день¹⁰.

Между тем авиация противника была по-прежнему способна за счет решительного маневра нанести на отдельных направлениях весьма чувствительные удары по нашим войскам, в организации противовоздушной обороны которых возникли трудности из-за огромных масштабов наступательных операций, следовавших одна за другой на широком пространстве при одновременном участии нескольких фронтов и почти всех армий во фронте. В связи с уменьшением воздушной угрозы нашим тыловым объектам было решено основные силы войсковой ПВО сосредоточить на прикрытии главных группировок войск в наступательных операциях. Этому способствовало и дальнейшее повышение надежности противовоздушной обороны подвижных групп за счет мощного усиления последних зенитной артиллерией, централизации управления ЗА путем обязательного объединения приданных и штатных соединений и частей в зенитные группы и подгруппы, а также возложения задач прикрытия подвижных групп при вводе в сражение на войска ПВО общевойсковых армий, в полосе которых те вводились. Все эти меры позволили зенитной артиллерии подвижных групп следовать без развертывания в походных или предбоевых порядках прикрываемых войск, сохраняя полностью свои возможности, в том числе и боеприпасы, для автономных боевых действий в оперативной глубине.

Всестороннее обобщение накопленного боевого опыта по организации ПВО войск позволило в мае 1944 года издать инструкцию, которая узаконила способы взаимодействия между зенитной артилле-

рией и истребительной авиацией, основанные на распределении их усилий по времени, районам (зонам), целям (с предоставлением приоритета атаки цели с воздуха) и высотам. Документ конкретизировал порядок назначения коридоров пролета своей авиации, сигналов взаимодействия, взаимного опознавания и целеуказания и разработки плана взаимодействия.

ОСНОВНЫМ средством сбора данных о воздушном противнике являлась визуальная разведка. Она осуществлялась наблюдателями войсковых, армейских и фронтовых постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и разведчиками зенитных подразделений, частей и соединений. Разведчики и наблюдатели обнаруживали и опознавали воздушного противника на слух и визуально с помощью бинокля, а в зенитных батареях — с помощью ТЗК (труба зенитного командира), оптических устройств ПУАЗО, зенитных орудий, дальномеров.

Армейские и фронтовые роты ВНОС, каждая из которых могла развернуть 16 наблюдательных и 1 главный пост, создавали, как правило, три полосы наблюдения, удаленных от переднего края на 4—10, 20—30 и 40—50 км. Первые две линии наблюдения развертывались армейскими ротами, третья — фронтовой ротой ВНОС, последующие — соединениями Войск ПВО страны.

Не стали основными средствами разведки, несмотря на относительно высокие разведывательные возможности, радиолокационные станции из-за их малочисленности. Организационно оформленные в отдельные взводы ВНОС и расположенные на расстоянии 15—25 км от переднего края, они (в основном типа «Редут») дополняли фронтовую систему визуальной разведки воздушного противника.

В период решительного наступления Красной армии по всем фронтам ее войска прикрывало почти 11 тыс. зенитных орудий, из которых около 8000 принадлежали войсковой ПВО¹¹. Это позволило значительно увеличить их плотность на участках прорыва на 1 км фронта с 2—3 (Московская операция, декабрь 1941 — апрель 1942 г.), 4—6 (Ржевско-Сычевская операция, август 1942 г.) и 10—14 (контрнаступление под Сталинградом, ноябрь 1942 — февраль 1943 г.) до 24—33 орудий (Берлинская операция, апрель—май 1945 г.). Значительно возросли и огневые возможности войсковой ПВО.

Опыт войны подтвердил, что успех в бою и операции возможен при разгроме не только наземного, но и воздушного противника. По боевому составу, роли и месту в операциях Великой Отечественной войны, характеру и способам выполняемых задач, части и соединения войсковой ЗА из вида артиллерии, в составе которой они оставались, фактически переросли в самостоятельный род войск, а осуществляемая ими противовоздушная оборона приобрела все черты и свойства, преобразующие ее из вида боевого обеспечения, каким она формально считалась в войну, в важную составную часть общевойскового боя и операции.

ПО МЕРЕ развития форм и методов ведения боев и операций сухопутными войсками, действий ВВС противника, количественного и организационного роста средств противовоздушной обороны менялись формы и способы их боевого применения. Основными из них стали: сосредоточение усилий на прикрытии важнейших группировок войск и объектов тыла, решительный маневр с целью усиления прикрытия войск, имевших наибольший успех в наступлении или обороняющихся на направлении выявленного главного удара противника в обороне, привлечение основной массы зенитной артиллерии соединений и объединений первых эшелонов на покрытие танковых армий и конно-механизированных групп, вводившихся в сражение в их полосах, широкое применение «кочующих» подразделений

зенитной артиллерии на период подготовки операций в целях дезориентирования противника о группировке войск и направлении главного удара, решение задач по воздушной блокаде окруженных группировок противника одновременно с прикрытием своих войск, осуществляющих уничтожение этих группировок, выдвижение зенитной артиллерии к водным рубежам за передовыми отрядами общевойсковых соединений с таким расчетом, чтобы организовать систему огня до подхода главных сил прикрываемых войск к районам форсирования.

Наиболее слабыми сторонами ПВО войск в ходе войны помимо ограниченности боевого состава средств были: отсутствие самоходных зенитных установок и неудовлетворительные средства тяги зенитной артиллерии, что приводило к отставанию ее от войск; крайне ограниченное количество радиолокационных средств разведки воздушного противника и неспособность визуальной разведки и средств связи обеспечить своевременное обнаружение самолетов противника и передачу данных о них зенитным подразделениям, частям и соединениям; малочисленность аппарата заместителя командующего артиллерией фронта (армии) по противовоздушной обороне, отсутствие у него штаба и необходимых средств управления, а у командиров общевойсковых соединений — органов управления силами и средствами ПВО.

Опыт организации противовоздушной обороны в Великой Отечественной войне стал фундаментом послевоенного технического и организационного совершенствования войск ПВО, развития способов их боевого применения в различных видах боевых действий. Результатом его изучения и исследования явилось широкое внедрение радиолокации для разведки воздушного противника, создание нового эффективного средства борьбы с воздушным противником — зенитных управляемых ракет, переход на самоходные зенитные ракетные (артиллерийские) установки и радиолокационные станции, введение в штаты общевойсковых частей, соединений и объединений эффективных средств ПВО и соответствующих органов управления, применение смешанных группировок зенитных средств.

В современных условиях войсковая противовоздушная оборона все более приобретает значение фактора регионального сдерживания возможной агрессии и создания условий для проведения операций (боевых действий) группировками Сухопутных войск. Одной из форм борьбы с воздушным противником сейчас является комплексное его поражение в воздухе и на земле различными силами и средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 421.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 32.

³ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 36. Оп. 12559. Д. 474. Л. 15.

⁴ Там же. Д. 478. Л. 79, 80.

⁵ Там же. Д. 476. Л. 82—85, 161.

⁶ Там же. Д. 10. Л. 226.

⁷ Там же. Л. 67—69.

⁸ Там же. Д. 476. Л. 13, 14, 41, 44; Д. 478. Л. 79, 80.

⁹ Воен.-истор. журнал. 1976. № 3. С. 32.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 12559. Д. 207. Л. 226.

¹¹ Там же. Оп. 12552. Д. 103. Л. 180, 244, 245, 310; Д. 144. Л. 70, 110, 156, 333.

Полковник А.М. ШАВЁЛКИН

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ «НА ЛУБЯНКЕ»

В МОСКВЕ состоялись исторические чтения «На Лубянке». Открыл чтения президент общества по изучению истории отечественных спецслужб кандидат исторических наук генерал-лейтенант запаса А.А. Зданович.

Заседания проходили под руководством А.А. Здановича, доктора исторических наук, профессора М.Н. Петрова, доктора исторических наук, профессора В.Н. Хаустова, доктора исторических наук, профессора В.С. Измозика, доктора исторических наук, профессора Б.А. Старкова, доктора исторических наук, профессора Н.Б. Барановой, доктора исторических наук, профессора В.А. Иванова, доктора исторических наук, профессора А.М. Плеханова.

С докладами выступили: доктор исторических наук, профессор С.А. Овчинников (г. Саратов) — «Борьба с подрывной деятельностью разведки фашистской Германии 1941—1942 гг. (Донской, Юго-Западный и Сталинградский фронты)»; доктор медицинских наук А.П. Горячевский (Москва) — «Медицинская служба пограничных войск СССР в Великой Отечественной войне»; кандидат исторических наук Ю.Ф. Овченко (Москва) — «Борьба органов госбезопасности с вооруженным подпольем в годы Великой Отечественной войны»; А.Е. Белов (Москва) — «Выпускники-офицеры Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД в Великой Отечественной войне»; доктор исторических наук А.И. Вольхин (г. Екатеринбург) — «Деятельность органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны (по материалам НКВД Свердловской области)»; кандидат исторических наук В.В. Каплюков (г. Екатеринбург) — «Розыск государственных преступников на завершающем этапе Великой Отечественной войны (из опыта работы органов госбезопасности Среднего Урала)»; кандидат исторических наук А.В. Козаков (г. Нальчик) — «Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны»; П.А. Смирнов (Москва) — «Загадка генерала Гульева (начальник войск НКВД по охране железнодорожных сооружений)»; доктор юридических наук В.И. Лазарев (Москва) — «К вопросу об эффективности деятельности контрразведывательных органов в годы Великой Отечественной войны»; В.И. Жилиев (Москва) — «Органы государственной охраны в годы Великой Отечественной войны»; кандидат исторических наук В.Л. Загайнова (г. Екатеринбург) — «Взаимодействие органов государственной безопасности Среднего Урала в годы Великой Отечественной войны»; кандидат юридических наук А.Ю. Попов (Москва) — «Организационно-правовые вопросы деятельности органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны»; доктор исторических наук, профессор Б.Н. Ковалев (г. Великий Новгород) — «Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны»; доктор исторических наук, профессор М.Н. Петров (г. Великий Новгород) — «Тайная война на территории Новгородской области в годы Великой Отечественной войны»; кандидат исторических наук Ф.Л. Севостьянов (Санкт-Петербург) — «Предпосылки формирования института административной высылки в Российской Империи (XIX в.)»; кандидат исторических наук А.В. Седунов (г. Псков) — «Организация политического сыска в Северо-Западных губерниях Российской Империи (1827—1917 гг.)»; доктор исторических наук Н.А. Шубин (Москва) — «Джунковский: штрихи к портрету»; кандидат исторических наук Е.Н. Лещев (Москва) — «Деятельность Военного министерства по обеспечению пограничной безопасности Российской Империи в Средней Азии (1867—1917)»; аспирант А.А. Шляхтер (г. Чикаго, США) — «Борьба с экономической контрабандой в советской России (1918—1936)»; кандидат исторических наук Я.В. Леонтьев (Москва) — «Покушения на Я. Блюмкина»; кандидат исторических наук О.П. Капчинский (Москва) — «Сотрудники центрального аппарата ОГПУ — участники троцкистской оппозиции»; Н.В. Петров (Москва) — «И. Серов — первый председатель КГБ»; кандидат исторических наук В.П. Суворов и М.В. Суворов (г. Тверь) — «Некоторые аспекты деятельности органов безопасности Тверской области»; кандидат юридических наук А.И. Пожаров (Москва) — «Советские спецслужбы и первый берлинский кризис»; доктор истории М. Уль (г. Берлин, ФРГ) — «Н.С. Хрущев, советские спецслужбы и второй берлинский кризис»; кандидат исторических наук С.Г. Бандурин (Москва) — «Деятельность руководителей пограничной службы (1893—1993). Социологический аспект»; кандидат исторических наук, кандидат юридических наук В.И. Михеев (Москва) — «Органы ОГПУ в период коллективизации»; кандидат исторических наук В.А. Авдеев (Москва) — «Борьба с германской разведкой (1920—1930 гг.)»; кандидат исторических наук Н.С. Плотникова (Москва) — «Противоборство спецслужб СССР и Германии (1922—1941)»; кандидат исторических наук И.В. Панченко (Москва) — «Исторический опыт борьбы КГБ с терроризмом»; О.М. Хлобустов (Москва) — «Борьба с терроризмом в России (конец XIX в.).»

В дискуссиях принимали участие С.М. Штутман, В.Ф. Некрасов, В.П. Сидоренко и др.

*О.А. ЗНАМЕНСКАЯ,
студентка Московского
гуманитарно-экономического института*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЕДЕНИЕ ВОЗДУШНОЙ РАЗВЕДКИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны воздушная разведка занимала важное место при ведении боевых действий и осуществлялась в тесном взаимодействии с другими видами разведки. Важнейшими задачами разведывательной авиации (РА) были: вскрытие системы обороны противника (размещения его огневых средств, организации ПВО, пунктов управления и узлов связи, определение местоположения и состава войск и резервов); выявление характера работы вражеских коммуникаций, интенсивности перевозок сил и средств, начало и направление движения, обнаружение мест погрузки и выгрузки войск и боевой техники; установление местонахождения чужих аэродромов и определение состава базирующейся на них авиации; контроль за результатами действий своей авиации и артиллерии, а также проверка маскировки своих войск и объектов тыла.

КНАЧАЛУ Великой Отечественной войны разведывательная авиация организационно подразделялась на армейскую, находившуюся в прямом подчинении командующего армией (общевойсковой, танковой), и корпусную — командира стрелкового (танкового) корпуса. Армейская состояла из отдельных разведывательных авиационных полков (орап), включавших в себя четыре разведывательные авиационные эскадрильи (раэ), располагавшие 12 самолетов-разведчиками типа СБ и Як-4 каждая, и одну эскадрилью связи (12 У-2). В корпусную разведывательную авиацию входили отдельные разведывательные авиационные эскадрильи (оэа; по 9 самолетов-корректировщиков и разведчиков и по 6 самолетов связи).

Всего к июню 1941 года были сформированы и находились в стадии формирования 10 разведполков и 63 отдельные эскадрильи (около 400 самолетов устаревших типов — СБ, Р-З, Р-10, Р-5). Хотя СБ в разведывательных частях и считался новинкой, советская авиация все же не располагала специальными самолетами-разведчиками, а в большинстве корпусных авиационных эскадрилий вообще не было ни материальной части, ни летного состава. Так, в семи разведывательных авиационных полках западных приграничных округов укомплектованность самолетами к началу войны

составляла 38 проц. штата; на 60 проц. от потребности разведывательные части были укомплектованы фотоаппаратурой; повсеместно отсутствовали хорошо подготовленные кадры летчиков-разведчиков, так как в разведывательную авиацию направлялся наименее опытный летный состав. В аттестациях зачастую можно было прочесть: «Из-за плохой техники пилотирования и слабой общеобразовательной подготовки использовать в бомбардировочной или истребительной авиации не представляется возможным. Подлежит переводу в разведывательную авиацию»¹. Более того, накануне войны в некоторых штабах ВВС округов даже упразднили разведывательные отделы. В целом орап и оэа к началу боевых действий были укомплектованы только на 37,7 проц. личным составом и имели на вооружении 5,5 проц. самолетов от общего самолетного парка Военно-воздушных сил Красной армии.

В течение 1940—1941 гг. в связи с формированием и развертыванием новых училищ и авиационных соединений в них на руководящие должности был перемещен наиболее опытный летный состав разведывательной авиации. Прибывшее вместо него молодое пополнение из авиационных учебных заведений не имело ни соответствующей подготовки, ни даже элементарных навыков ведения воздушной разведки, скажем, пе-

редачи данных с борта самолета. Все это привело к тому, что качество подготовки специалистов разведывательной авиации резко снизилось.

БОЕВЫЕ действия войск Красной армии с началом войны потребовали конкретных, достоверных и оперативных сведений о противнике. Но состояние разведки, в том числе и воздушной, с учетом потерь в авиационной технике в первые дни нападения фашистской Германии на СССР практически вообще не позволяло решать стоявшие задачи, несмотря на беспримерный героизм и храбрость летного состава. Поскольку уже в первые месяцы войны разведывательная авиация понесла большие потери, то в октябре—декабре 1941 года почти все ее полки были расформированы. На 1 января следующего года количество самолетов-разведчиков составило всего лишь 94 единицы, а за зиму их удельный вес в составе Военно-воздушных сил равнялся 0,5 проц.²

В создавшейся обстановке принимались решительные меры по усилению воздушной разведки. Так, в конце 1941 — начале 1942 года были сформированы три разведывательных авиационных полка, которые вели воздушную разведку по заданию Генерального штаба и командующего ВВС, а также отдельный запасный разведывательный авиационный полк, осуществлявший подготовку квалифицированных экипажей разведчиков. В апреле 1942-го открылось соответствующее летное училище, а в мае по решению Государственного Комитета Обороны началось формирование отдельных полков того же профиля и корректировочно-разведывательных эскадрилий в каждой воздушной армии. Всего за время войны были созданы 16 разведывательных авиационных полков, удельный же вес РА в составе ВВС РККА к весне 1945 года достиг 5,2 проц. (459 самолетов)³.

Как эти, так и другие меры не только обеспечили увеличение машинного парка разведывательной авиации, но и оказали значительное влияние на выучку «де-

фицитных» специалистов, повысили качество подготовки штабных и командирских кадров, эффективность воздушной разведки в целом, ставшей, пожалуй, основным средством добывания оперативных данных в интересах фронтового командования. Правда, полностью удовлетворить эти интересы РА, не располагавшая специальными летательными аппаратами, не имела возможности. Например, при использовании самолета Пе-2 глубина ведения воздушной разведки, как правило, достигала 150—200, реже 300 км. При этом если данные в оперативной глубине добывала собственно разведывательная авиация, то в тактической зоне — и бомбардировочная, и истребительная, и штурмовая, осуществлявшие также наблюдение за полем боя. В связи с возникшей необходимостью более широкого привлечения для выполнения задач воздушной разведки других родов авиации командующий ВВС издал директиву, потребовавшую от командиров авиационных соединений выделения нештатных разведывательных подразделений. В некоторых воздушных армиях уже в 1942 году для ведения тактической воздушной разведки привлекалось до полка истребителей, по 1—2 эскадрильи штурмовиков и легких ночных бомбардировщиков, укомплектованных наиболее подготовленными летчиками. В дальнейшем этот опыт получил распространение во всех воздушных армиях, благодаря чему многие летные экипажи истребительной и штурмовой авиации, прошедшие соответствующую подготовку, зарекомендовали себя умелыми воздушными разведчиками поля боя и ближайших тылов противника.

ОДНИМ из примеров умелой организации слежения за вражескими оперативными перевозками являются действия 4-й и 8-й воздушных армий на Северном Кавказе и под Сталинградом в конце ноября — начале декабря 1942 года. Так, воздушные разведчики первой из них (командующий генерал-лейтенант авиации К.А. Вершинин⁴) установили станции погрузки войск и техники противника в железнодорожные эшелоны и непрерывным наблюдением вскрыли переброску танковых дивизий противника с Северного Кавказа в район Сальска. Добытые данные были доложены в Ставку ВГК и переданы командованию Сталинградского фронта. В то же время авиаторы 8-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант авиации Т.Т. Хрюкин⁵) вели непрерывное наблюдение за железной дорогой. Несмотря на очень сложные метеосоусло-

вия, они вскрыли движение вражеских эшелонов из Сальска на Котельниково, установили, что в районах Зимовники, Котельниково противник производил выгрузку войск, танков и автомашин, которые затем следовали к линии фронта. Четкая организация воздушной разведки и тесное взаимодействие при этом двух соседних ВА обеспечили своевременное вскрытие переброски неприятелем двух танковых дивизий с одного фронта на другой, дали возможность Ставке ВГК и командованию Сталинградского фронта принять необходимые меры по разгрому котельниковской группировки противника.

За годы войны на воздушную разведку было израсходовано 11 проц. всех самолетовылетов ВВС РККА, причем если в 1941 году этот показатель равнялся 9,2 проц., то в 1944-м он доходил до 14,2, а в операциях по разгрому Квантунской армии (1945 г.) до 24 проц. В выполнении задач воздушной разведки активное участие приняли все рода авиации (истребители произвели 44,7, бомбардировщики 23,3 и штурмовики 13,2 проц. вылетов); доля же собственно разведывательной авиации в этой статистике составила 18,8 проц. всех самолетовылетов.

Поскольку штатные силы разведки авиационных объединений в основном использовались по планам и задачам штабов фронтов, то единственным средством штабов воздушных армий являлись подразделения нештатных самолетов-разведчиков. Уместно напомнить, что перед войной проектировались и строились опытные образцы специализированных самолетов-разведчиков. Например, в ОКБ С.А. Кочеригина (ЦКБ-27) создавался скоростной разведчик СР; Харьковский авиационный институт (ХАИ) разрабатывал двухместные Р-10 (ХАИ-5), ХАИ-51, ХАИ-6; под условным названием «Иванов» проектировались три летательных аппарата этого класса в ОКБ Н.Н. Поликарпова, И.Г. Немана и П.О. Сухого. Но все эти изделия (кроме Р-10, который к началу войны уже безнадежно устарел и был снят с производства) не пошли в серию по ряду причин, в основном конструктивных. В период боевых действий насущная потребность в подобном рода самолетах заставила строить разведчики на базе уже имевшихся бомбардировщиков. Так, в ОКБ В.М. Петлякова в 1944 году был построен трехместный самолет-разведчик Пе-2Р с дальностью полета до 2000 км, но выпущен он был небольшой серией; в ОКБ А.Н. Туполева с 1943-го разрабатывался фоторазведчик боль-

ших высот Ту-2Р (Ту-6, Ту-2Ф), который до конца был доведен только в 1946-м, к тому же в серию так и не пошел, поскольку производство Ту-2 вступило в завершающую стадию⁶. Словом, в 1941—1945 гг. массового самолета-разведчика на вооружение ВВС РККА так и не поступило.

При принятии тех или иных решений в ходе боевых действий командиры и штабы, обязательно учитывая данные всех видов разведки, предпочтение отдавали сообщениям воздушной разведки, без участия которой не приводился в исполнение план ни одной из разрабатывавшихся операций, а зачастую только на основе ее сведений принимались новые и уточнялись ранее принятые решения. Например, 15 сентября 1943 года воздушной разведкой 14 ВА в районе западнее Тарту было вскрыто интенсивное движение автомашин, пехоты и артиллерии противника в западном и юго-западном направлениях. Правильная оценка этих данных позволила командованию Ленинградского фронта изменить ранее принятое решение и нанести удар левым флангом в северо-западном направлении, в результате чего 22 сентября была освобождена столица Эстонии — Таллин.

ПРИ ПОДГОТОВКЕ некоторых операций (Выборгской, Львовско-Сандомирской, Витебско-Оршанской, Инстербургско-Кёнигсбергской, Венской и др.) на воздушную разведку воздушными армиями затрачивалось от 25 до 30 проц. и более всех производившихся самолетовылетов. Так, в ходе подготовки к Львовско-Сандомирской операции (проводилась с 13 июля по 29 августа 1944 г.) из 8955 самолетовылетов, произведенных за май, июнь и 12 дней июля, более 3 тыс. было затрачено на воздушную разведку. На подготовительных же этапах Бобруйской, Висло-Одерской и Берлинской операций удельный вес разведывательных вылетов, совершенных 16 ВА, был еще выше — от 40 до 47 проц. Летчики этой армии при подготовке к Берлинской операции совершили 2600 самолетовылетов на воздушную разведку, что составило 41,6 проц. от всех произведенных в тот период боевых вылетов⁷.

Обработкой, систематизацией и представлением командованию в удобном виде для принятия последующих решений собранного разведывательного материала занималась созданная в каждом полку аэрофотослужба, от правильности, точности и быстроты работы которой зависело очень многое. Анализ деятельности аэрофотослужбы в частях 15 ВА показывает,

что выполненные этими специфическими подразделениями работы были необычайно содержательны и объемны.

На разборе Львовско-Сандомирской операции командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И.С. Конев так отозвался о действиях РА: «Благодаря хорошо организованной воздушной разведке, мужеству и настойчивости экипажей-разведчиков мы имели возможность упреждать противника во всех его действиях. Умелое использование разведчиками радиосвязи давало возможность своевременно принять меры для противодействия или истребления противника»⁸.

Наряду с совершенствованием сил и средств разведывательной авиации шло непрерывное совершенствование организационной структуры органов разведки во всех звеньях, которые осуществляли непосредственное руководство практической деятельностью. Непосредственными же организаторами этой деятельности являлись штабы фронтов и воздушных армий. К началу войны в штабах ВВС фронтов в составе оперативного отдела имелось по одному-два офицера-специалиста, а в составе оперативного отдела ВВС Красной армии было лишь отделение разведки, насчитывавшее всего несколько офицеров. В начале 1942 года в штабах ВВС фронтов, а затем, после их преобразования, в штабах ВА были созданы самостоятельные разведывательные отделы, в штабе ВВС — разведывательное управление в составе четырех отделов.

Для обеспечения четкого управления и взаимодействия РА с другими родами боевой авиации и сухопутными войсками начиная с 1944 года на КП командующего воздушной армии выделялась оперативная группа из разведотдела (РО) штаба ВА. В ее задачи входили: организация управления воздушными разведчиками по радио и прием от них разведанных; поддержание непрерывной связи с РО штабов наземных армий и стрелковых корпусов, сообщение им разведанных; отработка полученной с борта самолета-разведчика информации, нанесение новых сведений на рабочую карту разведки и своевременный доклад о них командующему; получение информации из РО штабов наземных армий и стрелковых корпусов; допрос военнопленных.

Опыт войны показал, что там, где такая организация не соблюдалась, снижалась оперативность в управлении и в сборе данных воздушной разведки.

СФОРМИРОВАННЫЕ органы разведки были укомплектованы высокоподготовленными офицерами-разведчиками. Так, в разведывательном управлении ВВС Красной армии 50 проц. генералов и офицеров имели высшее военное образование. Важным было решение Ставки ВГК о закреплении офицеров разведки за разведывательными органами, что в дальнейшем в полной мере себя оправдало. Прекратился уход опытных специалистов в другие службы. Разведка противника, отслеживание и анализ его действий стали вестись непрерывно, с должным качеством и в полном объеме. Значительную роль играли руководящие документы по организации и ведению воздушной разведки, которые отработывались, создавались и проверялись непосредственно в боях. В числе других можно назвать «Руководство по воздушной разведке (1941 г.)» и «Наставление по боевым действиям разведывательной авиации (НРА-44)». В последнем, к примеру, отмечалось, что воздушная разведка организуется «штабами фронта и воздушных армий, которые получают указания по организации разведки от своего командования»⁹.

Воздушная разведка в годы войны велась двумя способами: визуальным наблюдением и воздушным фотографированием (по современному определению — инструментальными средствами разведки). Представляет интерес рост удельного веса второго из них. Если в 1941 году он составлял всего 10,3 проц., в 1942-м — 25,8, 1943-м — 39,6, 1944-м — 50,3, то в 1945-м уже 86,8 проц.¹⁰. Такой рост указывает прежде всего на повышение роли документированных данных разведки в планировании боевых действий. Например, в 1941 году было сфотографировано 140 тыс. км² и изготовлено 20 тыс. снимков, а в 1944-м — уже 2,5 млн. и 37,7 млн. соответственно. Всего же за время войны сфотографированная площадь составила 6 575 246 км² при обработке 169 227 фильмов, изготовлении 8 963 173 отпечатков и 295 903 фотосхем для штабов сухопутных войск и авиации¹¹.

В ходе боевых действий повысилась значение непрерывности воздушной разведки, которая достигалась повторностью вылетов днем и ночью для наблюдения за одними и теми же объектами. Особую роль этот принцип играл при разведке подвижных сил противника, а также его авиации. На фотографирование вражеской обороны в основном выделялись самолеты Пе-2 с фотоаппаратами АФА-3с или АФА-33, -50, -75, -100.

Фотографирование различных объектов (аэродромы, ж.-д. станции, порты, склады, мосты и переправы, населенные пункты с сооружениями военного значения и местами дислокации войск) в интересах воздушных армий велось согласно указаниям их командования, преимущественно с последующим воздействием на наиболее важные цели боевой авиацией¹².

Значительно вырос удельный вес разведки в темное время суток с аэрофотосъемкой местности специальными ночными фотоаппаратами НАФА-19, НАФА-33 и использованием фотобомб ФОТАБ-35. Немаловажная роль отводилась и визуальному наблюдению с помощью светящихся авиабомб САБ-25 и САБ-50. Как правило, ночная разведка выполнялась исключительно одиночными самолетами.

Увеличение фокусного расстояния аэрофотоаппаратов позволило увеличить высоты воздушной съемки, что было вызвано активизацией и возросшей эффективностью средств ПВО противника. Высоты стратегической разведки возросли до 10, оперативной — до 6—7, тактической — до 4—5 км, причем вторая и третья осуществлялись как в ходе подготовки, так и при проведении наступательных операций фронтов. Оперативная разведка велась в интересах командования фронта и воздушной армии, при этом ее глубина определялась характером задач фронта и глубиной эшелонирования группировки противника, а основными объектами являлись вражеские крупные оперативные резервы, тыловые оборонительные рубежи, железнодорожные и автомобильные коммуникации, аэродромы и станции снабжения, промышленные предприятия военного назначения. С ростом ударной силы фронтов и увеличением глубины их наступательных операций возрастала и глубина оперативной разведки. Если в первом и во втором периодах войны она велась на удаление 200—250 км, то в третьем периоде достигла 300—350 км.

ТАКТИЧЕСКАЯ воздушная разведка осуществлялась в интересах командования фронта, общевойсковых (танковых) армий, соединений сухопутных войск, а также авиационного командования. Она преследовала цели: вскрыть систему обороны, огневые средства, группировки войск, ближайшие резервы, пункты управления, аэродромы базирования авиации, пути сообщения и др. По опыту большинства операций удельный вес тактической воздушной разведки составлял 70—72, что было закономерным, поскольку ос-

новые группировки войск, наиболее развитая система обороны, огневые средства и другие объекты противника располагались преимущественно на глубине до 30—45 км¹³. Вместе с усилением значения ее глубина со временем также возрастала, увеличившись с 1941 по 1945 г. от 30—60 до 100 км.

Кроме оперативной и тактической, как уже отмечалось, велась и стратегическая воздушная разведка, которая осуществлялась на глубину 500—600 км специальными разведывательными полками и отдельными экипажами Aviации дальнего действия в интересах проводивших стратегические операции групп фронтов. Ее организаторами являлись Генеральный штаб и штаб ВВС, а добытые ею данные (о расположении и маневре вражеских стратегических резервов, коммуникациях в глубоким тылу, базах флота и авиации, предприятиях военного назначения и др.) использовались помимо Ставки ВГК командованием фронтов и воздушных армий.

Большой интерес представляет опыт аэрофоторазведки в интересах танковых и механизированных войск, когда на направлении предстоявшего наступления с их участием выполнялось перспективное воздушное фотографирование маршрутов. Из полученных аэроснимков монтировали панораму заснятой местности, которую в виде фотосхем или проекций на экран демонстрировали механикам-водителям танков. Это давало возможность наглядно изучать рельеф местности, естественные преграды, огневые точки противника и т.д. Такие фотопанорамы высоко ценились командирами и штабами соединений и частей.

Учитывая, что с борта самолета не всегда удавалось передавать исчерпывающую информацию, возникла необходимость так организовать опрос экипажей после полета, чтобы обеспечивалась быстрая передача данных разведки заинтересованным штабам. Например, когда готовилась и проводилась Яско-Кишиневская наступательная операция (20—29 августа 1944 г.), разведчики после посадки немедленно доставлялись на КП авиационного полка, откуда по прямому проводу лично докладывали результаты своих наблюдений начальнику разведывательного отдела, а в особо важных случаях — начальнику штаба воздушной армии. Кроме того, в штабах всех наземных соединений имелись приемники, которые настраивались на соответствующую радиоволну. Подобная организация полностью удовлетворяла запросы войск в данных воздушной разведки¹⁴. В ходе этой же операции разведчики 5 и 17 ВА, сфотогра-

фировав местность площадью 104 913 км², вскрыли оборонительные рубежи и другие объекты противника на глубину более 60 км. В Висло-Одерской (12 января — 3 февраля 1945 г.) с помощью аэрофотосъемки были вскрыты 7 подготовленных немцами оборонительных полос, расположенных на глубину до 500 км, 6 противотанковых рвов, районы сосредоточения резервов, огневые позиции артиллерии. Были сфотографированы все переправы через р. Вислу от Модлина до Влоцлавека и через р. Пилицу от Варки до Томашува, а также аэродромы противника. В интересах Выборгской операции (осуществлялась с 10 по 20 июня 1944 г.) для фотографирования намеченных объектов использовали 610 самолетовылетов, засняв в течение 20 дней местность площадью 87 тыс. кв. км¹⁵.

Во всех крупных наступательных операциях 1944—1945 гг. быстрота передачи и получения данных воздушного наблюдения достигалась назначением воздушным разведчикам специальной частоты в радиосетях, бесперебойной работой радиосвязи, наличием радиоприемников во всех штабах общевойсковых соединений, высокой степенью подготовки экипажей к выполнению задач воздушной разведки и четкой передачей ее данных по радио.

Весьма важным элементом являлась оперативность прохождения разведывательных данных. За годы войны разведывательное управление ВВС обработало более 150 тыс. документов, т.е. ежедневно около 100, причем в 1943—1945 гг. практически вся разведывательная документация поступала по назначению в установленные сроки, что отвечало требованиям боевой обстановки.

УСПЕШНОЕ решение ответственных задач существенно зависело от степени подготовки летного состава. Так, за годы войны были воспитаны талантливые организаторы воздушной разведки. Это начальники разведывательного управления ВВС РККА и разведотделов ВА генералы Г.Д. Банковский, А.В. Васильев, Д.Д. Грендадь, Г.К. Прусаков, полковники И.И. Сидоров, В.А. Воронов и другие; пять разведывательных авиационных частей удостоены почетного звания гвардейских. За героизм, проявленный при выполнении боевых заданий командования, 130 авиаторам-разведчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, в числе которых А.В. Анохин, А.А. Баршт, В.М. Вишенков, И.П. Голубничий, Л.П. Иванов, В.В. Кибалко, В.И. Кононенко, В.К. Лялин, А.И. Мирович, Ю.В. Моргунов, Н.Ф. Смирнов, В.П. Соколов, Р.Д. Ящук.

Опыт войны подтвердил целесообразность закрепления за отдельными разведывательными авиачастями и подразделениями постоянных полос или районов разведки, а за отдельными экипажами — определенных объектов. Хорошо зная особенности местности и расположение противника в своей полосе, воздушные разведчики быстро вскрывали новые объекты, своевременно фиксировали все происшедшие изменения в районе разведываемого объекта. Кроме этого, можно было меньше внимания уделять ориентировке и пилотированию, а больше — разведке военных объектов.

Таким образом, активная, непрерывная, хорошо организованная воздушная разведка позволяла достоверно и своевременно раскрывать планы и замыслы противника, определять состав и расположение группировок сухопутных войск и авиации, вскрывать систему обороны. Она помогала фронтовому и армейскому командованию быстро и целенаправленно принимать правильные и обоснованные решения в операциях, лучше организовывать боевые действия, полнее использовать боевые возможности соединений и объединений сухопутных войск и авиации. Безусловно, ее эффективность значительно возросла бы при наличии специальных летательных аппаратов, которые приходилось замещать не всем приспособленными для этих целей машинами. Да и количество последних, т.е. штатных самолетов-разведчиков, в ходе всей войны оставалось на недостаточном уровне — всего 5—5,5 проц. от общего состава боевой авиации. Вместе с тем перечень задач, решавшихся воздушными разведчиками, постоянно увеличивался, что объяснялось не только количественным и качественным ростом советских ВВС, но и расширением размаха наступательных операций, повышением уровня боевой подготовки экипажей разведывательной авиации, полностью использовавших боевые возможности вверенной им техники, усилением обороны противника с возрастанием подвижности его войск и более тщательной маскировкой объектов по сравнению с началом войны.

ВСОВРЕМЕННЫХ условиях роль и значение воздушной разведки для обеспечения успеха войск еще более возрастают. В силу своей высокой мобильности, быстроты действий, охвата большого разведываемого пространства, возможности использования на борту летательного аппарата самых современных технических средств она способна в короткие сроки выявить жизненно

важные для противника объекты, особенно подвижные и малоразмерные, и оперативно передать данные по радиоканалам на наземные пункты управления для дальнейшего огневого или информационного воздействия по ним. Опыт Великой Отечественной войны убеждает также в том, что наряду с развитием средств передачи данных воздушной разведки с борта самолета на наземные приемные пункты в масштабе времени, близком к реальному, по-прежнему будут иметь большое значение и обычные фотосхемы, получаемые в интересах определения полос прорыва обороны противника общевойсковыми частями и соединениями, при определении маршрутов движения войск, при планировании операций. Следовательно, и этот вид подготовки личного состава органов разведки ВВС ни в коей мере себя не изжил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы XXII юбилейной военно-научной конференции в Военно-воздушной академии. Труды КВВА. Мононо. 1958. С. 186.

² Там же. С. 188.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 124569 сс. Д. 2. Л. 55.

⁴ **Вершинин Константин Андреевич** (1900—1973). — главный маршал авиации (1959). В годы Великой Отечественной войны командовал ВВС Южного (1941—1942), Закавказского (1942—1943) фронтов и 4 ВА (1943—1945). Герой Советского Союза (1944).

⁵ **Хрюкин Тимофей Тимофеевич** (1910—1953) — генерал-полковник авиации (1944). В годы Великой Отечественной войны командовал ВВС 12 А, Карельского и Юго-Западного фронтов, 8 и 1 ВА. Дважды Герой Советского Союза (1939, 1945).

⁶ **Шафров В.В.** История конструкций самолетов в СССР (1938—1950 гг.). М.: Машиностроение, 1978. С. 38—48, 157, 169.

⁷ **Тимохович И.В.** Оперативное искусство Советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 122.

⁸ Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Материалы IX военно-научной конференции ВВС. М.: Изд. ВВИА им. Н.Е. Жуковского, 1986. С. 108.

⁹ Наставление по боевым действиям разведывательной авиации (НРА-44). М.: Воениздат, 1944. С. 18.

¹⁰ Воен.-истор. журнал. 1973. № 11. С. 31, 35.

¹¹ Материалы XXII юбилейной военно-научной конференции в Военно-воздушной академии. С. 189.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 174154 сс. Д. 9. Л. 245.

¹³ **Тимохович И.В.** Указ. соч. С. 124.

¹⁴ Роль Военно-воздушных сил Красной Армии в победе в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Материалы научно-практической конференции ВВС. Мононо. Изд. ВВА, 2001. С. 128.

¹⁵ **Тимохович И.В.** Указ. соч. С. 127.

Полковник М.А. БОБРОВ

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

В МОСКВЕ, в Культурном центре Российской армии, состоялось отчетно-выборное собрание Академии военных наук (АВН), посвященное перспективам военного строительства и актуальным проблемам развития военной науки. Активное участие в работе собрания приняли члены академии, представители ведущих военных вузов страны, Министерства обороны РФ и других силовых ведомств, общественные и политические деятели. С основным докладом «Итоги деятельности АВН за период с 1999 по 2005 год и задачи на последующий период» выступил президент АВН генерал армии М.А. Гарев.

О вопросах военной науки, требующих пристального внимания в условиях объективных потребностей обеспечения безопасности современной России, в своих выступлениях говорили: начальник Генерального штаба Вооруженных сил — первый заместитель министра обороны РФ генерал армии Ю.Н. Балуевский; главнокомандующий Военно-морским флотом адмирал В.В. Масорин; главный военный прокурор генерал-полковник юстиции А.Н. Савенков; заместитель начальника Тыла Вооруженных сил РФ генерал-лейтенант П.А. Ярославцев; заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по безопасности генерал армии А.С. Куликов; помощник председателя Правительства РФ, президент Ассоциации героев Герой России генерал-лейтенант В.А. Шаманов и др.

Участниками собрания было принято соответствующее постановление о совершенствовании военно-научной работы, избраны руководящие органы академии. Президентом Академии военных наук избран доктор военных и исторических наук генерал армии М.А. Гарев.

* * *

ВЫСТАВКА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

СЕГОДНЯ терроризм обрел характер мировой проблемы номер один. Только за последние пять лет вследствие террористических актов погибли десятки тысяч людей. Чтобы бороться с терроризмом, необходимо знать его истоки и историю. Это и есть главная задача цикла выставок «Генезис терроризма», организаторами которых являются Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ и Государственная общественно-политическая библиотека.

Несколько ранее были организованы выставки, посвященные истории терроризма, терроризму в зарубежных странах — США и Европе. В настоящее время проходит выставка «Террор и антитеррор в России в первой половине XX века (1900—1946 гг.)».

Экспонатами выставок являются исторические документы (кодексы экстремистов, тайные записки и пр.) и книги, посвященные терроризму. Впервые широкой публике предоставляется возможность ознакомиться с секретными материалами тайной полиции, антитеррористическими учебными пособиями, с зафиксированными переговорами членов экстремистских организаций, тюремными письмами революционеров, программами радикальных партий, увидеть фотографии из розыскного альбома, памятную книжку социалиста-революционера, листовки, плакаты, обращения. Также вниманию посетителей предлагаются зарубежные публицистические издания, освещающие социально-политическую жизнь России первой половины XX столетия. На выставке представлено художественное творчество террористов (повести, рассказы, стихи), а также мемуары, рассказывающие о жизни политзаключенных, их борьбе и идеях, послуживших основой для их активной политической деятельности.

В.В. БОРИСОВ,
студент Московского гуманитарно-экономического института

* * *

ВЫСТАВКА В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ Артиллерии, инженерных войск и войск связи



В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ музее артиллерии, инженерных войск и войск связи проведена выставка «Кортики, ножи, кинжалы» из собрания петербургского коллекционера Д.А. Федурин — президента инвестиционно-строительной корпорации «АЗЪ» и генерального директора издательства «Атлант». Собирая холодное оружие много лет, он с самого начала четко обозначил программу и очертил круг интересов — морское холодное оружие, а также кортики всех стран мира. Коллекция пополнилась также ножами, кинжалами, тесаками и даже парадными штыками различных ведомств. На выставке демонстрировалась только часть собрания Д.А. Федурин — около 200 кортиков, ножей, кинжалов и тесаков из 34 стран. Хронологические рамки охватывают конец XVIII — начало XXI века, включая новейшие образцы, появившиеся в 2003 году. Экспозиция позволяет проследить историю развития этих видов короткокалиберного оружия как неотъемлемого элемента не только военного мундира, но и униформы полиции, пожарной службы, гражданской авиации и некоторых других ведомств. Подавляющее большинство иностранных образцов экспонируется впервые. Построение выставки наглядно демонстрирует взаимное влияние и копирование образцов кортиков Великобритании, Германии, Дании и России.

Д.А. НУРЕВА,
студентка Московского гуманитарно-экономического института

Артиллерия резерва Верховного Главнокомандования в годы Великой Отечественной войны

В ходе сражений Великой Отечественной войны важнейшим инструментом создания ударных группировок Советских Вооруженных Сил являлись резервы Верховного Главнокомандования (РВГК), которые включали в себя части, соединения и объединения всех видов и родов войск. И одной из важнейших их составляющих являлись части и соединения артиллерии.

В СОВЕТСКИХ Вооруженных Силах перед Великой Отечественной войной артиллерия РВГК была представлена 74 артиллерийскими полками, 10 артиллерийскими противотанковыми бригадами, 11 отдельными минометными батальонами (по 48 120-мм минометов в батальоне), отдельным пушечным артиллерийским полком большой мощности (4 дивизиона 152-мм пушек Бр-2 и Бр-19, в полку 24 орудия), 2-мя отдельными пушечными артиллерийскими батареями особой мощности (в батарее по 2 152-мм пушки Бр-2), 8 отдельными гаубичными артиллерийскими дивизионами особой мощности (по три батареи 280-мм мортир; в дивизионе 6 орудий), 5 отдельными гаубичными дивизионами особой мощности (по три батареи 305-мм гаубиц; в дивизионе 6 орудий) и отдельным дивизионом особой мощности (шесть 210-мм пушек)¹. Удельный вес артиллерии РВГК не превышал 8 проц.²

14 пушечных артиллерийских полков РВГК по штату должны были быть вооружены 122-мм пушками А-19 (48 орудий в полку). Из 60 гаубичных полков РВГК 33 полка были оснащены 203,2-мм гаубицами (по 24 гаубицы в полку), а 27 — 152-мм гаубицами-пушками (по 48 орудий МЛ-20 в полку)³.

Противотанковые артиллерий-

ские бригады включали в себя два артиллерийских полка, в каждом из которых полагалось иметь: два дивизиона 76,2-мм пушек (24 орудия), два дивизиона 85-мм зенитных пушек (24 орудия), дивизион 107-мм пушек (12 орудий) и дивизион 37-мм автоматических зенитных пушек (8 орудий). Но к началу войны ни одна противотанковая бригада не имела положенного по штату количества артиллерии. Кроме того, надо отметить, что артиллерийские части и соединения РВГК, обладая значительной огневой мощностью, были громоздкими и трудноуправляемыми, особенно если учитывать катастрофическую нехватку средств радиосвязи. Испытывался также острейший недостаток автомобильного транспорта, специализированных артиллерийских тягачей, передвижных мастерских по ремонту и техническому обслуживанию материальной части, тягачей и автотранспорта.

Летом и осенью 1941 года советскому командованию удалось в значительной мере сохранить артиллерийские части РВГК, прежде всего артиллерию большой и особой мощности. Численно артиллерия РВГК в 1941 году была также увеличена за счет передачи в ее состав гаубичных артиллерийских полков дивизий и артиллерийских полков упраздненных стрелковых корпусов. При этом было произведено разукрупнение — перевод полков на 2-, 3-дивизионный состав и 2-орудийные батареи, прежде всего частей, оснащенных 122-мм пушками и 152-мм гаубицами-пушками МЛ-20, 152-мм пушками обр. 1910/30 и 1934 гг., а также полков и дивизионов большой и особой мощности. Пушечный (тяжелый пушечный) артиллерийский полк стал включать в себя три дивизиона по три 2-орудийные батареи. Гаубичный (тяжелый гаубичный) артиллерийский полк — два дивизиона, в дивизионе три батареи по четыре

орудия. Осенью 1941 года вместо громоздких противотанковых бригад началось формирование противотанковых артиллерийских полков, имевших на вооружении 16—20 пушек калибра 45 или 76,2 мм. Всего к концу 1941 года в составе артиллерии РВГК имелось 223 полка, в том числе 8 гвардейских минометных, а также 73 отдельных дивизиона гвардейских минометов.

В 1942 году артиллерия РВГК получила дальнейшее развитие и структурное оформление. В начале лета был введен единый штат истребительно-противотанкового артиллерийского полка: 5 батарей по 4 орудия калибра 45 или 76,2 мм. Минометный полк имел пять батарей по четыре 120-мм миномета в каждой. Легкий артиллерийский полк — три дивизиона по две батареи, в полку 24 76,2-мм дивизионные пушки. Зенитный артиллерийский полк — три батареи 37-мм или 25-мм автоматических зенитных пушек или 85-мм зенитных пушек (всего 12 орудий) и зенитно-пулеметную роту — 16 7,62-мм счетверенных зенитно-пулеметных установок «максим» или 12,7-мм ЗПУ ДШК. Организация и штаты пушечных (тяжелых пушечных) артиллерийских полков и гаубичных (тяжелых гаубичных) артиллерийских полков сохранилась неизменной.

Чуть особняком стояла артиллерия большой и особой мощности. Как уже упоминалось, она практически сохранила свой состав: 203,2-мм гаубицы находились на оснащении гаубичных артиллерийских полков большой мощности, 305-мм гаубицы, 280-мм мортиры и 152-мм пушки входили в артиллерийские дивизионы особой мощности, насчитывавшие по 6 орудий. 210-мм пушки были сведены в дивизионы по 4 орудия.

К 19 ноября 1942 года в составе артиллерии РВГК насчитывалось: истребительно-противотанковых артиллерийских полков — 161,

легких артиллерийских полков — 79, корпусных артиллерийских полков, пушечных и тяжелых пушечных — 198, гаубичных и тяжелых гаубичных артиллерийских полков — 128, минометных полков — 73, минометных дивизионов и батальонов — 10, гаубичных полков большой мощности — 64, дивизионов особой мощности — 19, реактивных полков — 98, отдельных реактивных дивизионов — 119, зенитных артиллерийских полков — 159, отдельных зенитных артиллерийских дивизионов — 94⁴.

В октябре—ноябре 1942 года были сформированы первые 11 артиллерийских дивизий (АД) в составе 8 полков каждая, насчитывавших по 168 орудий. Дивизия имела: три истребительно-противотанковых артиллерийских полка (60 76,2-мм пушек ЗИС-3 и 45-мм противотанковых пушек), три гаубичных полка (72 122-мм гаубицы), два пушечных артиллерийских полка (36 122-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек)⁵. Переход к артиллерийским дивизиям обусловливался тем, что наличие в армиях и фронтах большого количества артиллерийских частей чрезвычайно усложняло управление ими и массированное применение артиллерии и ее огня на главных направлениях. Однако первый же опыт применения выявил ряд недостатков. Так, неудачным оказалось стремление возложить на артиллерийские дивизии решение двух разнородных задач — огневое обеспечение прорыва обороны противника и осуществление противотанковой обороны, поэтому в конце 1942 года для усиления органов управления и повышения самостоятельности в артиллерийских дивизиях вводится промежуточное звено управления — бригада, а также дивизионные органы тыла.

Легкие артиллерийские бригады состояли из двух—трех легких артиллерийских полков (48—72 76,2-мм пушек), гаубичные бригады включали в себя два—три гаубичных артиллерийских полка (56—84 122-мм гаубиц); гаубичные артиллерийские полки, входившие в состав бригады, включали в себя два дивизиона, один из которых был 3-батарейным, а другой — 4-батарейным, в дивизионе насчитывалось 12 или 16 122-мм гаубиц.

Пушечные и тяжелые пушечные бригады, как правило, формировались на базе объединения двух пушечных или тяжелых пушечных артиллерийских полков и имели

36 орудий (122-мм пушки или 152-мм гаубицы-пушки). Впоследствии эти бригады организационно стали состоять из трех огневых (12 орудий в дивизионе) и разведывательного дивизионов.

Минометные бригады включали в себя три полка и первоначально насчитывали 60 120-мм минометов. Но в конце 1942 года организация минометной бригады претерпела значительные изменения: бригада стала включать в себя три полка, полк — три дивизиона по 12 минометов в каждом. Всего в минометной бригаде стало насчитываться 108 120-мм минометов.

В декабре 1942 года, в связи с введением бригадного звена, была изменена организация артиллерийской дивизии. В ее состав включили 4 бригады: легкую (48 76,2-мм пушек), гаубичную (56 122-мм гаубиц), пушечную (36 122-мм пушек) и минометную (108 120-мм минометов). Всего в артиллерийской дивизии стало насчитываться 248 артиллерийских орудий и минометов⁶.

К июлю 1943 года в составе артиллерии РВГК имелось:

88 артиллерийских дивизий (11 артиллерийских дивизий прорыва, 10 артиллерийских дивизий 4-бригадного состава и 4 дивизии 3-бригадного состава; 7 дивизий реактивной артиллерии; 56 зенитных артиллерийских дивизий) и 5 управлений артиллерийских корпусов (4 на фронте и 1 формируемый);

70 отдельных артиллерийских бригад (27 истребительно-противотанковых, 10 реактивных, 4 тяжелых гаубичные бригады разрушения, 15 артиллерийских и 14 минометных);

164 отдельных истребительно-противотанковых полка;

156 отдельных пушечных и тяжелых пушечных (в том числе армейских), гаубичных, в том числе тяжелых, артиллерийских полков;

114 отдельных реактивных артиллерийских полков;

138 отдельных минометных полков;

42 отдельных артиллерийских полка большой мощности;

19 отдельных артиллерийских дивизионов и 2 отдельные артиллерийские батареи особой мощности;

178 зенитно-артиллерийских полков.

ДЛЯ артиллерийских дивизий прорыва были сформированы 13 тяжелых гаубичных бригад разрушения и 2 такие же отдельные бригады⁷. По штату в бригаде полагалось иметь 32 152-мм гаубицы, она должна была состо-

ять из четырех дивизионов по две батареи в каждом. Но из-за дефицита 152-мм гаубиц часть тяжелых гаубичных бригад оснащалась более мощными 152-мм гаубицами-пушками. В этом случае бригада имела 4 дивизиона по четыре 2-орудийные батареи в каждом⁸.

Для комплектования артиллерийских дивизий прорыва часть гаубичных полков большой мощности весной 1943 года была специально переформирована в 11 гаубичных бригад большой мощности по 24 203,2-мм гаубицы в каждой.

По мере формирования тяжелых гаубичных бригад разрушения и гаубичных бригад большой мощности артиллерийские дивизии 4-бригадного состава преобразовывались в артиллерийские дивизии прорыва (АДП). В их состав дополнительно вводились тяжелая гаубичная бригада и гаубичная бригада большой мощности. Кроме того, вместо пушечной артиллерийской бригады дивизия прорыва получала тяжелую пушечную бригаду. Таким образом, артиллерийская дивизия прорыва имела 6 бригад: легкую (72 76,2-мм пушки), минометную (108 120-мм минометов), гаубичную (84 122-мм гаубицы), тяжелую гаубичную (32 152-мм гаубицы или гаубицы-пушки), тяжелую пушечную (36 152-мм гаубиц-пушек), гаубичную большой мощности (24 203,2-мм гаубиц). Всего в АДП насчитывалось 356 артиллерийских орудий и минометов⁹, в том числе 92 артиллерийских орудия калибром 152-мм и более.

Реактивная артиллерия первоначально была представлена гвардейскими минометными полками (по 24 боевых машины) и отдельными дивизионами (по 8—12 боевых машин). С лета 1942 года формируются отдельные гвардейские минометные дивизионы, которые имели на вооружении 96 пусковых рам для стрельбы 300-мм реактивными снарядами М-30. В том же году дивизионы начали сводиться сначала в полки, а затем в бригады (в бригаде 288 пусковых рам). В мае 1943 года были сформированы 7 гвардейских минометных дивизий, каждая из которых была оснащена 864 пусковыми рамами для снарядов М-30 (впоследствии — 432 пусковыми рамами для снарядов М-31). За один залп дивизия обрушивала на врага 3456 реактивных снарядов М-30 или М-31¹⁰.

В конце весны 1943 года артиллерийские дивизии начали сводить в еще более крупные соединения — артиллерийские

корпуса прорыва. В середине 1943 года в корпус входили две артиллерийские дивизии прорыва и одна гвардейская минометная дивизия. Но в конце того же года для повышения мобильности этих соединений в корпусах были оставлены только две артиллерийские дивизии.

В это же время были сформированы истребительно-противотанковые соединения. Полки сводились в бригады. В бригаде имелся один полк, оснащенный 45-мм ПТП, и два полка, оснащенные 76,2-мм пушками ЗИС-3. Всего в бригаде полагалось иметь 60 артиллерийских орудий. Хотя первоначально не все бригады имели по три полка. Полки, оснащенные 45-мм ПТП, перевооружались на 45-мм пушки М-42 образца 1942 года, имевшие более высокую бронепробиваемость, чем их предшественницы — 45-мм ПТП 53-К образца 1937 года. К июлю 1943 года в связи с появлением у противника танков «Тигр» и «Пантера» некоторые истребительно-противотанковые полки, как и в 1941 году, переоснастили 85-мм зенитными пушками. Если же брать в целом истребительно-противотанковую артиллерию РВГК, то к лету 1943 года до 75 проц. артиллерийских орудий в ее составе составляли 76,2-мм пушки ЗИС-3.

В июне 1943 года также началось формирование пушечных артиллерийских дивизий РВГК. Пушечная дивизия включала в себя 3—4 пушечные (тяжелые пушечные) бригады по 36 орудий в каждой. Всего пушечная артиллерийская дивизия РВГК насчитывала 108 или 144 122-мм пушки А-19 и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Основным предназначением пушечных артиллерийских дивизий являлась борьба с артиллерией противника, поражение пунктов управления, резервов и других важных целей в глубине обороны противника. В бою и операции пушечные артиллерийские дивизии обычно составляли основу армейских артиллерийских групп или так называемых контрбатареинных групп.

В 1942—1943 гг. была создана армейская артиллерия. В состав общевойсковых армий были последовательно введены тяжелый пушечный (18 152-мм гаубиц-пушек), минометный (20—36 120-мм минометов) и истребительно-противотанковый (20 76,2-мм пушек ЗИС-3) артиллерийские полки¹². Было также сформировано более 80 армейских зенитных артиллерийских полков (12 37-мм автома-

тических зенитных пушек, 12 12,7-мм зенитных пулеметов, 8 7,62-мм счетверенных зенитных пулеметных установок)¹³. При этом все эти артиллерийские полки продолжали оставаться в составе артиллерии РВГК и в любой момент могли быть переброшены на другие направления. Считалось, что при таком положении исключалось резервирование артиллерии на второстепенных направлениях, а Ставка ВГК освобождала себя от мелкой опеки по отношению к так называемым армейским полкам.

Большое внимание уделялось войсковой ПВО. С ноября 1942 года зенитные артиллерийские полки РВГК начали сводиться в дивизии. Первоначально дивизия имела 4 зенитных артиллерийских полка малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА), всего в дивизии имелось 48 37-мм (иногда и 25-мм) автоматических зенитных пушек (АЗП) и 80 зенитных пулеметных установок ДШК. Затем в полках МЗА стало по 16 автоматических зенитных пушек, а один из полков дивизии перевооружался на 85-мм зенитные пушки. С весны 1943 года в составе зенитной артиллерийской дивизии РВГК стало три полка зенитной артиллерии малого калибра и один полк орудий среднего калибра, всего дивизия имела 16 85-мм зенитных пушек, 48 37-мм автоматических зенитных пушек и 52 зенитные пулеметные установки ДШК калибра 12,7-мм¹⁴.

Созданные к июню 1943 года артиллерийские части и соединения РВГК позволяли осуществлять массирование артиллерии на направлениях главного удара, усиливать стрелковые соединения как количественно (частями 76,2-мм пушек или 120-мм минометов), так и качественно (частями и соединениями 122-мм и 152-мм гаубиц, 122-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек, 203,2-мм гаубиц).

Во второй половине 1943 года и в 1944 году наращивание численности артиллерии РВГК продолжалось, и к концу 1944 года в результате проведенных организационных мероприятий в артиллерии РВГК насчитывалось¹⁵:

105 дивизий¹⁶ (31 артиллерийская дивизия прорыва, в том числе 20 были сведены в 10 артиллерийских корпусов прорыва, 2 тяжелые пушечные, артиллерийские, 1 пушечная артиллерийская и 3 артиллерийские дивизии, 7 дивизий реактивной артиллерии, 61 зенитная артиллерийская дивизия);

147 отдельных артиллерийских бригад (43 пушечные армейские, 11 реактивной артиллерии, 56 истребительно-противотанковых, 8 минометных, 29 тяжелых гаубичных, гаубичных и легких);

2 отдельных артиллерийских полка большой мощности;

19 отдельных артиллерийских дивизионов и 2 отдельные артиллерийские батареи особой мощности;

60 отдельных артиллерийских полков (пушечных, тяжелых пушечных и гаубичных);

78 отдельных истребительно-противотанковых полков;

77 отдельных минометных полков;

11 отдельных горно-вьючных минометных полков;

114 полков и 38 отдельных дивизионов реактивной артиллерии;

195 отдельных зенитных артиллерийских полков.

ИЗ ИМЕВШЕЙСЯ к концу 1944 года 31 артиллерийской дивизии прорыва 9 были сформированы во второй половине 1944 года. Они имели 7 бригад: легкую (48 76,2-мм пушек), минометную (108 120-мм минометов), гаубичную (84 122-мм гаубицы), тяжелую гаубичную (32 152-мм гаубицы или гаубицы-пушки), тяжелую минометную (32 160-мм миномета¹⁷), гаубичную большой мощности (24 203,2-мм гаубиц) и тяжелую реактивную (36 боевых машин реактивной артиллерии БМ-31-12). Всего в дивизии насчитывалось 364 артиллерийских орудия, миномета и боевых машин реактивной артиллерии¹⁸. По сравнению с ранее сформированными в этих дивизиях уменьшилось количество 76,2-мм пушек, была исключена тяжелая пушечная бригада, замененная тяжелой минометной бригадой реактивной артиллерии.

Хотя 160-мм миномет и уступал 152-мм гаубицам-пушкам в дальности, огневой маневренности и скорострельности, но при ведении огня по переднему краю и ближайшему тылу 48,87-кг мины этих минометов имели не меньшее разрушающее действие, чем 152-мм снаряды. А в походном положении 160-мм минометы весили не более 1300 кг, что позволяло успешно использовать в качестве тягачей полноприводные ленд-лизские грузовики «студебекер» US-6, «Интернационал» и GMC CCKW-353. Таким образом, мобильность тяжелых минометных бригад была выше, чем мобильность тяжелых пушечных артиллерийских бригад, где по большей части тягачами были тракто-

ры с максимальной скоростью не более 13 км/ч.

Боевые машины реактивной артиллерии БМ-31-12 тоже значительно, в 4 раза, уступали гаубицам-пушкам МЛ-20 в дальности, тем не менее имели снаряды с мощнейшим зарядом ВВ (28,9 кг), обладавшим огромной разрушительной силой. Кроме того, реактивная бригада обеспечивала высочайшую плотность огня, обрушивая в течение нескольких секунд на передний край противника и его ближайший тыл 432 тяжелых реактивных снаряда. По сравнению же с бригадами реактивной артиллерии М-30 или М-31 бригада с установками БМ-31-12 многократно превосходила их в маневренности.

В 1944 году были реорганизованы и зенитные артиллерийские дивизии. Полки МЗА были переведены на 6-орудийные батареи и стали насчитывать по 24 орудия. Всего в дивизии состояли на вооружении 72 зенитных орудия калибра 37 и 25 мм, 16 85-мм пушек и 76 12,7-мм зенитных пулеметов.

Продолжала усиливаться истребительно-противотанковая артиллерия. Большая часть истребительно-противотанковых полков была сведена в 50 бригад. Количество орудий в истребительно-противотанковых бригадах увеличилось с 60 до 72 (три полка по 24 орудия). В 1944 году несколько истребительно-противотанковых бригад были введены в состав фронтов как штатные соединения. Часть бригад полностью оснащалась 76,2-мм пушками, часть бригад имела один полк, перевооруженный с 45-мм на 57-мм противотанковые пушки, имевшие высокую эффективность при ведении огня по вражеским танкам. Некоторые бригады вместо одного истребительно-противотанкового полка получали самоходно-артиллерийский, вооруженный САУ СУ-85 или СУ-100. Во второй половине 1944 года на вооружение отдельных полков истребительно-противотанковой артиллерии начали поступать 100-мм пушки БС-3, поражавшие на большой дальности любые типы вражеских танков.

Реактивная артиллерия к концу 1944 года насчитывала 7 дивизий, 11 отдельных бригад, 114 отдельных полков и 38 отдельных дивизионов¹⁹. Этот вид артиллерии являлся мощным и высокоомобильным средством резерва ВГК.

Артиллерия большой мощности состояла из артиллерийских гау-

бичных бригад и полков большой мощности (24 203,2-мм гаубицы в бригаде и 12 гаубиц в полку, итого по штату полагалось иметь 768 орудий, в наличии имелось 760). Всего было сформировано 30 таких бригад, входивших в состав артиллерийских дивизий прорыва, и 4 отдельных полка²⁰.

АРТИЛЛЕРИЯ особой мощности включала в себя: четыре отдельных пушечных артиллерийских дивизиона и две отдельные батареи, оснащенные 152-мм пушками Бр-2 и Бр-19 (по 6 орудий в дивизионе, по 2 орудия в батарее, всего 28 пушек); два отдельных пушечных артиллерийских дивизиона, оснащенных 210-мм пушками Бр-17 (по 4 орудия в дивизионе, всего 8 пушек); восемь отдельных артиллерийских дивизионов, оснащенных 280-мм мортирами Бр-5 (по 6 мортир в дивизионе, всего 48 мортир); пять отдельных гаубичных артиллерийских дивизионов, оснащенных 305-мм гаубицами (по 6 орудий в дивизионе, всего 29 305-мм гаубиц)²¹.

В 1944 году была значительно усилена армейская артиллерия. Вместо армейских пушечных и минометных полков в состав большинства общевойсковых армий вводятся пушечные артиллерийские бригады (36 122-мм пушек или 152-мм гаубиц-пушек), но при этом все эти пушечные бригады продолжали оставаться в составе артиллерии РВГК. К концу 1944 года было сформировано 43 таких бригады. Часть армейских зенитных артиллерийских полков была развернута в зенитно-артиллерийские дивизии. В состав танковой армии была введена артиллерийская бригада из двух легких артиллерийских полков (48 76,2-мм пушек) и пушечного артиллерийского полка (20 100-мм пушек БС-3).

Формирование армейских пушечных бригад продолжалось и зимой 1945 года. Всего в составе армейской артиллерии к 1 мая 1945 года имелось²²: 57 пушечных артиллерийских бригад и 6 артиллерийских бригад танковых армий, насчитывавших 111 100-мм пушек БС-3, 372 122-мм пушки и 1697 152-мм гаубиц-пушек.

В целом к концу 1944 года советская артиллерия РВГК (с учетом зенитной артиллерии) насчитывала в своем составе более 50 проц. всей артиллерии Сухопутных войск. Ее количественный и качественный состав позволял создавать на направлениях главных ударов мощнейшие группир-

ровки артиллерии, способные в короткие сроки сокрушить вражескую оборону и проложить дорогу наступающим пехоте и танкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Широкопад А. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000. С. 616—688.

² Советские Вооруженные Силы. История строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 238—239.

³ Шунков В. Н. Красная Армия. Организация, структура, вооружение. Справочник. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2003.

⁴ Медведев Н. Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны // <http://www.rkka.ru/org/art/argk.html>.

⁵ Отечественная артиллерия. 600 лет / Под ред. маршала артиллерии Г. Е. Перedelьского. М.: Воениздат, 1986. С. 187.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ Действующая армия. М.: Кучково поле, 2005. С. 554—556.

⁸ 50 лет Советских Вооруженных Сил. М.: Воениздат, 1968. С. 335—336.

⁹ Брагинский Р. Б. и др. Тактика артиллерии в боевых примерах. М.: Воениздат, 1977; Перedelьский Г. Е., Токмаков А. И., Хорошилов Г. Т. Артиллерия в бою и операции. М.: Воениздат, 1980. Схема-таблица № 3 столбец 4, раздел 36 гв. ск.; схема-таблица № 4, столбец ААГ-8 (раздел подгр. 4 гв. ск.);

¹⁰ Перedelьский Г. Е., Токмаков А. И., Хорошилов Г. Т. Указ. соч. С. 188.

¹¹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1985. С. 65—68.

¹² Отечественная артиллерия. 600 лет; Советские Вооруженные Силы. История строительства. С. 318.

¹³ Противовоздушная оборона Сухопутных войск / Под общ. ред. П. Г. Левченко. М.: Воениздат, 1979. С. 44.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Состав артиллерии РВГК приводится по: Великая Отечественная война. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1985. С. 65—68; Действующая армия. М.: Кучково поле, 2005. С. 565—566.

¹⁶ К сожалению, в различных изданиях данные о количестве артиллерийских дивизий и бригад противоречат друг другу. В монографии «Советские Вооруженные Силы. История строительства» приводятся иные данные: 89 артиллерийских дивизий прорыва, пушечных артиллерийских дивизий, артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии; 138 артиллерийских, минометных, истребительно-противотанковых и реактивных артиллерийских бригад.

¹⁷ Перedelьский Г. Е., Токмаков А. И., Хорошилов Г. Т. Указ. соч. Схема-таблица № 4, столбец ААГ-8 (раздел: подгруппа 29 гв. ск.);

¹⁸ Отечественная артиллерия. 600 лет. С. 253.

¹⁹ Великая Отечественная война. Энциклопедия. С. 65—68.

²⁰ Все гаубичные бригады большой мощности входили в состав артиллерийских дивизий прорыва РВГК, однако некоторые дивизии прорыва не имели ГАБр БМ, в частности 16-я Кировоградская АДП.

²¹ Широкопад А. Указ. соч. С. 616—688.

²² Там же. С. 636—637.

Подполковник А. В. ЛОБАНОВ

«КОГДА ПОЛЬША НАПАДЕТ НА ЧЕХОСЛОВАКИЮ»

Деятельность польских диверсионных отрядов во время Чехословацкого кризиса в сентябре 1938 года

СЕНТЯБРЬСКИЙ кризис 1938 года в Чехословакии был следствием так называемой политики умиротворения агрессора, с помощью которой реакционные круги западных держав, с одной стороны, подталкивали нацистскую Германию к войне против СССР, а с другой — разрушали фронт миролюбивых европейских государств. Кризис в сопредельном государстве пришелся на руку тогдашнему польскому руководству, которое уже в течение длительного времени выжидало момент для отчуждения у Чехословацкой Республики (ЧСР) пограничной области — Тешенской¹ Силезии. Когда стали известны результаты мюнхенской конференции о мирной передаче чехословацких территорий, населенных немцами, «третьему рейху», режим «санации»² решил продемонстрировать несогласие с ее итогами и заявить о своих претензиях на обладание Тешенской Силезией, на землях которой проживало значительное количество поляков.

30 сентября 1938 года в 23 ч 40 мин польский посланник в Праге Казимеж Папее вручил ультиматум министру иностранных дел ЧСР Камилу Крофте, в котором Польша требовала до полудня 1 октября начать поэтапную, в течение 10 дней, передачу Польше районов Чешский Тешен и Фришта³. Насильственным отторжением Заользья⁴ Польша желала продемонстрировать Западу свой протест против мюнхенского сговора, а Гитлеру напомнить о линии Варшавы в отношении Берлина в 1933 году в период обсуждения проекта Пакта четырех⁵. Этот аспект был отражен в донесениях британского посла в Варшаве Г.-В. Кеннарда от 5 октября, германского посла Ганса Мольтке от 6 октября 1938 года, а также в воспоминаниях министра иностранных дел Польши Юзефа Бека⁶. За час до истечения срока Прага приняла польский ультиматум, проинформировав польского посланника, что правительство ЧСР вынуждено принять ультиматум под давлением обстоятельств⁷.

У Бека были серьезные основания праздновать успех своей по-

литики на чехословацком направлении, но было бы несправедливо обойти вниманием других участников тех осенних событий. Теперь достоверно известно, что наряду с дипломатами тешенский вопрос активно решало еще одно государственное ведомство Польши. С весны 1938 года II отдел (разведка и контрразведка) главного штаба Войска Польского под присмотром МИД начал подготавливать «восстание» польского населения в Заользье. Сотрудничество двух ведомств началось еще в 1934—1935 гг., когда была создана подпольная организация «Поготовя молодых поляков за границей». Весной 1938 года возник «Орден рыцарей Пяста»⁸. Тогда вблизи чехословацкой границы на польской территории были развернуты организационные подразделения, занимавшиеся созданием нелегальных подрывных центров в ЧСР. К середине марта 1938 года начал действовать филиал № 2 «Ордена рыцарей Пяста» в Бельске, а также пункты связи в Висле и Тешене⁹. К концу марта 1938 года для осуществления связанных функций были созданы три перевалочных пункта в Истебной, Устрони и Зебжидовицах, которые получили в помощь офицеров и унтер-офицеров пограничных войск¹⁰. Наряду с этим началось формирование так называемого Силезского легиона, для чего гражданину Сойке¹¹ предоставались необходимые средства и право назначать на должности офицеров вплоть до командиров дружин. Одновременно предусматривалось создание легальной гражданской организации, которая бы координировала деятельность существующих общественных организаций, таких, как Комитет помощи полякам в Чехословакии, Польский западный союз, Польская военная организация Силезии (ПОВ Силезии) и т.д. Для формирования необходимых идей и воздействия на более широкие слои общества предполагалось привлекать в орден влиятельных людей¹².

КЛЕТУ можно было подвести первые итоги этой подпольной деятельности, направленной против ЧСР. 26 июля 1938

года прошло собрание тайного костяка «Поготовя», так называемого Комитета семи¹³, на котором сотрудник II отдела майор Феликс Анкерштейн доложил, что на театре предполагаемых боевых действий создано 10 территориальных организаций (звеньев), каждая из которых состояла из 3 дозоров по 5 человек в каждом, 2 звена находятся в начальной стадии формирования, принято в организацию и приведено к присяге 150 человек, из которых 67 прошли обучение, ведением общественно-политической деятельности среди местного населения занимаются 11 человек, из которых двое получили соответствующую подготовку. Кадровый костяк Тешенского легиона составляли три командира взвода, три командира отделений в каждом взводе, а также 3—5 бойцов в каждом отделении¹⁴. Личный состав легиона подбирался и размещался таким образом, чтобы в случае необходимости можно было быстро провести его мобилизацию¹⁵.

На основании результатов наблюдений и собранной информации Комитет семи начал разработку различных сценариев развития событий и подготовку для этого необходимых структур в Силезском воеводстве и Тешенской Силезии. Предусматривалось три варианта: а) по сигналу из Польши польское население Тешенской Силезии возьмется за оружие и после нескольких дней борьбы получит вооруженную помощь Польши — на этот случай следовало подготовить военные подразделения в Силезском воеводстве, которые бы пришли ему на помощь; б) население Заользья будет протестовать против существующего положения, осуществляя демонстрационные и террористические акты — для этого следовало подготовить на складах соответствующее количество оружия и снаряжения; в) Заользье, занимаемое вооруженными силами Польши, окажет активную помощь польским вооруженным

силам, проводя диверсии в тылах чешской армии¹⁶.

К середине сентября 1938 года на территории Тешенской Силезии были сосредоточены следующие польские диверсионные силы: общественно-политическая группа из 11 приведенных к присяге человек; боевые группы общей численностью 140 человек, принявших присягу и прошедших обучение. На территории Силезского воеводства находились боевые отряды Тешенского легиона в составе 120 человек. В фазе формирования находился легион «Заользье», состоящий из 4 групп: рыбацкой, пщинской, бельской и тешенской¹⁷. В приграничных тайных пунктах хранилось 150 револьверов, 400 ручных гранат, 200 кг взрывчатки, а в Варшаве — 800 карабинов, некоторое количество автоматического оружия и ручных гранат. Для пропагандистских целей была подготовлена радиостанция¹⁸. Кроме того, на всем протяжении заминировали железнодорожную ветку Зебжидовице — Богумин¹⁹. Развивалась и подпольная политико-пропагандистская работа, направленная на создание общественной организации — Комитета борьбы за права поляков в Чехословакии, который состоял из трех секций — пропагандистской, финансовой и организационной. Пропагандисты популяризировали идеи самостоятельности польского меньшинства в Чехословакии, выдвигая лозунг: «Вернуть Заользье Отчизне». В задачу финансовой секции входило изыскание средств для ведения подпольной борьбы на территории ЧСР, а также для покрытия расходов пропагандистского и организационного секторов. Особо отмечалась психологическая значимость сбора общественных пожертвований вне зависимости от величины их сумм. Организационный сектор обеспечивал техническую и материальную помощь руководству движения, создание филиалов в Тешенской Силезии и в крупных городах Польши, например в Варшаве, опеку над политическими беженцами (организация лагерей и обеспечение питанием)²⁰. Впоследствии эта организация была переименована в Комитет борьбы за Силезию за Ользой с отделениями в Рыбнике, Пщине, Бельске и Тешене. Председателем комитета стал маршал силезского сейма Гжесик, а его заместителями — вице-маршал силезского сейма Домбровский и адвокат Михейда²¹.

КАК ТОЛЬКО стало известно о встрече в Берхтесгадене Чемберлена с Гитлером, который помимо прочего потребо-

вал безотлагательной передачи Германии Судет, пилсудчики, так называли тогда политических сторонников Ю. Пилсудского — представителей наиболее реакционных националистических слоев польской буржуазии, развернули подготовку к вооруженному выступлению подполья. 15 сентября 1938 года в Катовице для координации действий подпольщиков на территории ЧСР приехал член Комитета семи чиновник МИДа В. Залеский (псевдоним — Юзеф Саноцкий). Руководителем боевого участка был назначен все тот же майор Ф. Анкерштейн, получивший при этом псевдоним инженер Феликс Мальский. 17 сентября 1938 года его откомандировали в Силезское воеводство²² со штаб-квартирой в Бельске с целью подготовки и ведения демонстрационной, диверсионной и повстанческой деятельности. Непосредственное руководство боевыми отрядами на территории Тешенской Силезии осуществлял из Моравской Остравы капитан В. Липиньский (псевдоним — Болеслав Беньковский)²³. В самом начале операции территориальная организация пополнилась членами Объединения организаций польской молодежи из Тешенской Силезии. Связь осуществлялась специальными женскими дозорами.

Параллельно с подготовкой беспорядков в Заользье в самой Польше развернулась широкая пропагандистская кампания. 19 сентября временный поверенный в делах СССР в Польше Чебышев сообщал в НКВД: «Польская пресса продолжает кампанию за автономию поляков в Тешенской Силезии. Требуют те же права, которые будут предоставлены немцам. Сегодня Комитет борьбы за права поляков²⁴ совместно с польскими организациями начал организовывать митинги в Катовицах»²⁵.

Шумиха, поднимаемая в правительственных органах массовой информации, была рассчитана на то, чтобы подготовить сознание обывателя к принятию военных мер со стороны польского правительства. 20 сентября ряд изданий, в том числе «Газета польская», «Курьер варшавский», «Экспресс поранный», «Польска збройна», «Гонец варшавский», «Варшавский дзенник народowy», опубликовал правительственное сообщение о военных мероприятиях у чехословацкой границы. Одновременно состоялись крупные военные маневры на границе с Советским Союзом, после которых в Луцке прошел семичасовой, «крупнейший в истории независимой Польши» парад войск²⁶.

21 сентября 1938 года маршал Э. Рымдз-Смиглый издал приказ о формировании Отдельной оперативной группы «Силезия» («Шльонск»)²⁷. Командиром группы был назначен бригадный генерал Владислав Бортновский, начальником штаба — подполковник Чеслав Копаньский. Местом дислокации командования «Силезии» с 24 сентября стал г. Скочув. Перед В. Бортновским ставилась задача достичь состояния боевой готовности к 1 октября. На завершающем этапе формирования в группу входили 28 236 человек рядовых, 6208 — младших командиров, 1522 — офицера, 112 танков, 707 грузовых автомобилей, 8731 лошадь, 176 радиостанций, 459 мотоциклов²⁸.

ПЛАН вооруженного вторжения в Чехословакию предполагал нанесение удара силами 21-й пехотной дивизии и 10-й кавалерийской бригады в направлении Тшиньца с охватом районов Хнойник — Тошоновиц — Фридек. Со стороны Яблонкова прикрытие обеспечивала великопольская бригада кавалерии и отдельный батальон «Ружан». Одновременно 23-я пехотная дивизия, усиленная несколькими батальонами Национальной обороны и артиллерией, должна была атаковать в лоб и с севера чешскую часть Тешена. Третий удар предполагалось нанести с севера в направлении Карвины и Фриштата силами национальной обороны²⁹.

Видя, что решение чехословацкого вопроса входит в финальную стадию, польское правительство приступило к активизации деятельности подпольных структур на сопредельной территории, задачей которых было поднять или создать видимость восстания в ЧСР. Когда подразделения Отдельной оперативной группы «Силезия» выдвигались на исходные позиции для вторжения, в действие вступили так называемые краевые боевые отряды³⁰. На территории Силезского воеводства находилось 5 таких отрядов под командованием гражданина Сойки: «Тешенский», «Устронь», «Зебжидовицкий», «Скочув» и «Прухна»³¹, а также группа «Карвина» из Германии³². В их задачу входило нападение на военные, государственные и транспортные объекты и доставка оружия боевым группам в Тешенской Силезии. В ночь на 23 сентября часть отряда «Зебжидовице — Кашице» приняла участие в переброске оружия на чехословацкую территорию, а 23 сентября был издан приказ о начале ведения диверсионной деятельности³³. Схема действий краевых отрядов была следующей:

они пересекали границу, напали на посты чешской армии, жандармерии, школы, вокзалы, почты, а затем возвращались назад. Характер деятельности территориальных групп зависел от того, получили ли они оружие. Например, во Фриштате полиция арестовала несколько человек из отряда «Карвина», захватив при этом 16 мешков с оружием, из-за чего часть подпольщиков вынуждена была скрываться, а некоторые перешли на польскую территорию³⁴. Если группа не имела оружия, ее члены громили полицейские участки, школы, взрывали в кинотеатрах петарды и т.д. После получения оружия характер деятельности менялся: совершались нападения на чешских жандармов, военные посты, уничтожались общественные и государственные здания и т.д.³⁵.

Чехословацкое руководство пыталось воздействовать на ситуацию с помощью Советского Союза. 22 сентября из Праги в НКВД СССР пришла телеграмма посланника Александровского: «Крофта просит передать дословно следующую: "Польша сосредотачивает на всем протяжении границы с Чехословакией войска в походном состоянии. Поэтому было бы хорошо, если бы Москва обратила внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию". 23 сентября 1-й замнаркома В.П. Потемкин в 4 утра вызвал временного поверенного в делах Польши в СССР Янковского и вручил ноту по Чехословакии на основании 2-й статьи пакта о неагрессии от 25 июля 1932 года. В 16 ч 10 мин поступил ответ: «1. Действия, связанные с оборотной государственности, зависят исключительно от польского правительства, которое ни с кем не обязано их обсуждать. 2. Польское правительство знает досконально тексты договоров, которые оно заключало»³⁶.

Деятельность польского подполья на чехословацкой территории сопровождалась также активной кампанией в польской официальной прессе, которая с 23 сентября начала печатать информацию с «заользинского фронта», пытаясь создать впечатление, что там идет упорная партизанская война³⁷. Однако, хотя деятельность краевых и территориальных отрядов произвела глубокое впечатление как в Тешенской Силезии, так и в Праге, она не вызвала массовых выступлений польского населения и не привела к вооруженному восстанию.

Поскольку чехословацкое правительство приняло польский ультиматум, оперативной группе «Си-

лезия» под командованием генерала Бортновского не пришлось выступить на помощь «повстанцам». 1 октября в 10 ч 30 мин военный атташе Польши подполковник Б. Нозль был вызван в чехословацкий генеральный штаб к генералу Крейчи, где и состоялось согласование графика эвакуации чехословацких войск из Тешенской Силезии. Руководить выводом военных подразделений поручалось генералу Грабчику, которому надлежало прибыть в этот же день к 16—17 ч на пограничный мост в Тешене. Предполагалось, что 5 октября польские войска войдут в южную часть Тешенского района и займут территории, лежащие на запад от железной дороги Мосты — Яблунков — Тшинец; 7 октября — в Домаславице; 8-го — в Фриштат и район, лежащий к востоку от р. Ользы; 10-го — в Блендовице, Карвину, Орлову, Дзечморовице; 11 октября до полуночи займут Богумин, Рыхвальд и Петвальд. В 13 ч 5 мин подполковник Банах II отдела Главного штаба сообщил, что на пограничном мосту в Тешене генерала Грабчика будет ожидать бригадный генерал Бортновский³⁸.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, 2 октября 1938 года, в 14 ч польские войска вошли в Тешенскую Силезию³⁹. В целом занятие территории происходило в соответствии с установленным графиком⁴⁰, однако польским дипломатам сразу же пришлось решать проблему, возникшую в связи с крупным железнодорожным узлом Богумин. На него претендовал также Гитлер, который собирался его использовать в качестве разменной монеты в решении польско-германских территориальных вопросов в связи с Гданьском, строительством экстерриториальной автострады и железной дороги через Поморье. Ситуация накалялась, так как и немецкие и польские жители Богумина готовились к встрече своих войск — первые вывешивали флаги со свастикой, а вторые их срывали. Чтобы предотвратить вывоз заводского оборудования, польские диверсанты взорвали железнодорожные мосты. В конце концов Гитлер предпринял тактический маневр и пошел на уступку⁴¹. 7 октября спор между Германией и Польшей по поводу железнодорожного узла Богумин был решен в пользу Польши. Из 2282 кв. км общеземельной территории Тешенской Силезии Польша получила 1871 кв. км⁴². После того как польские войска заняли определенную по графику территорию, 12—13 октября 1938 года туда спецпоездом прибыл маршал Рыдз-Смиглы⁴³.

Отторжение Тешенской Силезии у ЧСР должно было продемонстрировать, по мнению пилсудчиков, силу Польши, а также ее претензию стать великой державой. Однако это были лишь иллюзии. Вместо уважения со стороны западных держав и Советского Союза отношение к Польше на международной арене становилось все более настороженным, и вокруг нее постепенно образовался политический вакуум. Следует обратить внимание на то, что в польской историографии не принято писать о том, что этими действиями Польша добилась совершенно противоположного результата⁴⁴. Новые же факты подтверждают, что министр Ю. Бек, прикрываясь политикой «равноудаленности», на самом деле пытался реализовать за счет Чехословакии великодержавные амбиции режима «санации», о которых в последние годы склонны забывать некоторые польские историки, помнящие лишь об «имперских планах Гитлера и Сталина»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В правописании этого термина автор ориентировался прежде всего на отечественную энциклопедическую и историческую традицию.

² Под этим термином в историографии принято подразумевать режим власти в Польше, установленный после майского переворота 1926 г. Юзефом Пилсудским и просуществовавший до начала Второй мировой войны.

³ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. ИДА. Оп. 23. Портфель 1. С. 284; *Diariusz i teki Jana Szembeka (1935—1945)* (DiTJS). Londyn, 1972. T. IV. D. 446.

⁴ Территория, расположенная за р. Ользой. Заользье — один из синонимов Тешенской Силезии, который нередко используют в Польше.

⁵ Проект Пакта четырех или Директората четырех держав появился в марте 1933 г. и был направлен прежде всего против Советского Союза. В соответствии с ним Англия, Франция, Италия и Германия превращались в вершителей судеб Европы и могли приступить к ревизии территориальных границ. Его появление вызвало жесткую реакцию со стороны многих стран, в том числе и Польши. В частности, в апреле 1933 г. польские войска провели учения на границе с Восточной Пруссией, а средства массовой информации усиленно создавали атмосферу так называемой превентивной войны против Германии. Одновременно Варшава стала усиленно заигрывать с Москвой, демонстрируя Западу свою готовность к сближению с ней. В начале мая 1933 г. польский посланник в Берлине Альфред Высоцкий, сделав заявление в ультимативной форме, вынудил Гитлера подтвердить существовавшие польско-германские границы и пойти на переговоры с Польшей. В результате последовало польско-германское политическое сближение антисоветской направленности, оформленное в польско-германской декларации от 26 января 1934 г. и секретном польско-германском договоре от 25 февраля 1934 г., позволяющих

произвести совместное выступление против Советского Союза, на который первой проявила готовность напасть Япония. Подробнее см.: *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933—1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ, 2004.

⁶ Documents on British Foreign Policy (далее DBFP). Ser. III. Vol. III. P. 100—106; *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933—1938. Poznań, 1965. S. 494; *Beck J.* Final Report. New York, 1957. P. 160.

⁷ *Namier L.B.* Europe in Decay 1936—1940. A Study of Desintegration 1936—1940. London, 1950. P. 301—302.

⁸ Пясты — династия польских князей, которых в Польше нередко считают родоначальниками польской государственности. Орден рыцарей Пяста должен был объединить в своих рядах патриотов, стремящихся к воссозданию былого государственного величия Польши. См.: Записка об организации сети подразделений Ордена рыцарей Пяста. 13 марта 1938 г. [Катовице]. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 461к. Оп. 1. Д. 460. Л. 5—6.

⁹ *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. W., 1997. S. 57—59.

¹⁰ Донесение Максимилиана Шипровского о расширении структуры Ордена рыцарей Пяста [конец марта 1938 г., Бельско]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 460. Л. 7; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 62—63.

¹¹ Псевдоним офицера II отдела главного штаба Войска Польского Яна Сабели.

¹² Протокол заседания руководства южной секции «Подготовка молодых полков за границей». 18 марта 1938 г., Катовице. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 460. Л. 1—2; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 60—62.

¹³ Формально высшим ее органом являлся Совет тринадцати под председательством директора Консульского департамента МИД Виктора Томира Дрыммера. В соответствии с уставом организации шесть членов Совета должны были состоять из представителей зарубежных полков, а остальные семь — представлять «польскую общественность в Польше». На самом деле эти семь человек были из МИД и II отдела главного штаба Войска Польского, составляли Комитет семи, руководивший всей совокупностью мероприятий по организации «восстания» в Заользье. См.: *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 123.

¹⁴ К концу августа 1938 г. в Тешенском легионе насчитывалось 34 человека. Отчет Максимилиана Шипровского о текущем положении в Заользье. 23 августа 1938 г. [Бельск]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 52; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 65.

¹⁵ Отчет о деятельности тайной организации Комитета семи. Около 15 октября 1938 г. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 7—8; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 125—126.

¹⁶ *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 124.

¹⁷ Число его участников оценивается по-разному. Э. Длугайчик сообщает, что общее число добровольцев, записавшихся в легион «Заользье», составило 1400. В документах указывается, что на 30 сентя-

бря 1938 г. 1700 человек находились в первом эшелоне и 2800 добровольцев были в резерве. Отчет Л. Зыха о деятельности легиона «Заользье». См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 29; *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej. Wywiad i dywersja w latach 1919—1939. Katowice, 1993. S. 156; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 132.

¹⁸ Отчет о деятельности тайной организации Комитета семи. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 1—8; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 122—126.

¹⁹ Отчет Максимилиана Шипровского о текущем положении в Заользье. 23 августа 1938 г. [Бельск]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 51—52; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 63—66.

²⁰ Служебная записка о задачах и организационной структуре Комитета борьбы за права поляков в Чехословакии. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 459. Л. 127; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 117—118.

²¹ Уже во время операции на чехословацкой территории в качестве второго председателя комитета был доизбран председатель Союза поляков Заользья (Звонька поляков на Заользье) депутат Л. Вольф. Отчет о деятельности тайной организации Комитета семи. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 7; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 125.

²² Черновик письма Т. Пелчиньского силезскому воеводе о выезде Ф. Анкерштейна в Силезию. 17 сентября 1938 г., Варшава. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 466. Л. 1; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 74.

²³ Отчет о деятельности тайной организации Комитета семи. Примерно 15 октября 1938 г. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 7—8; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 125—126.

²⁴ Комитет борьбы за права поляков в Чехословакии, который был затем преобразован в Комитет борьбы за Силезию за Ользой.

²⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. XXI. С. 497.

²⁶ *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938. Poznań, 1964. S. 272.

²⁷ Эта дата приведена у Э. Длугайчика и Е. Куплинского. В отчете В. Бортновского днем основания группы «Силезия» названо 23 сентября 1938 г., а ее расформирование отнесено к 11 декабря 1938 г. См.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 280; *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej. S. 148; *Kupliński J.* Wojskowe aspekty rewindykacji Zaolzia w 1938 г. // *Wojskowy Przegląd Historyczny.* 1989. № 3. S. 72—73.

²⁸ РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 273, 278, 279, 280, 281; *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej. S. 148; *Kupliński J.* Wojskowe aspekty...

²⁹ *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej. Ibid.; *Kupliński J.* Wojskowe aspekty... S. 73—74.

³⁰ Т. е. те, которые были сформированы на территории Польши.

³¹ Рапорт командования легиона «Заользье» о ходе действий боевых отрядов за период 21—27 сентября 1938 г. [(27) сентября 1938 г., Бельск]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 463. Л. 9; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 105.

³² Отчет о ходе боевой операции групп боевых отрядов «Карвина». См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 467. Л. 95.

³³ Черновик отчета о деятельности боевых отрядов крайовых. [Октябрь 1938 г., Тешен]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 460. Л. 16; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 148.

³⁴ Отчет о деятельности боевых отрядов в Заользье. [1938 г., ноябрь, Варшава]. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 16; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 161.

³⁵ Например, боец Павел Кулиг с тремя соратниками разоружил под Яблунковом 29 сентября чешский отряд численностью 16 человек, захватив в виде трофеев 14 карабинов, 1 пулемет, 25 гранат, 1 ракетницу и 2 ящика амуниции. См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 461. Л. 17—18; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. S. 162—164.

³⁶ Я. Гришин сообщает, что Янковский доставил ответ не в 16 ч 10 мин, а в 7 ч утра 23 сентября. Указанное им время неверно, так как с момента вручения советской ноты прошло слишком мало времени для поступления ответа. См.: Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 516—517, 523; *DiTJS.* T. IV. D. 436; *Гришин Я.Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932—1939 гг. Казань, 1999. С. 114.

³⁷ *Gazeta Polska.* 1938. 24.09.; *Polska Zbrojna.* 1938. 24.09.

³⁸ Донесение военного атташе в Праге подполковника Ноэля подполковнику Банаху во II отдел главного штаба Войска Польского. 1 октября 1938 г. См.: РГВА. Ф. 308. Оп. 12. Д. 275. Л. 18; Телефонграмма подполковника Банаха подполковнику Ноэлю, 1 октября 1938. См.: РГВА. Ф. 308. Оп. 12. Д. 275. Л. 93.

³⁹ АВР РФ. Ф. Референтура по Польше. Оп. 22. П. 183. Д. 25. Л. 87. Первый населенный пункт, который заняли польские войска, был чешский Тешен, который был переименован в Западный Тешен. См.: *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej... S. 171.

⁴⁰ Историк В. Матерский сообщает, что, когда польские войска занимали территорию Тешенской Силезии, Советский Союз предпринял действия демонстрационного порядка — в районе Минска была произведена перегруппировка военных подразделений. См.: *Materski W.* Tarca Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918—1939. W., 1994. S. 324.

⁴¹ *Wojciechowski M.* Stosunki ... S. 484—488; *Długajczyk E.* Tajny front na granicy cieszyńskiej... S. 172.

⁴² *Kulski W., Potulicki M.* Współczesna Europa polityczna. Zbiór umów międzynarodowych 1919—1939. W. — Kraków, 1939. S. 298, 302; *Kozeński J.* Op. cit. S. 286.

⁴³ В честь этого события была также выпущена ограниченным тиражом почтовая марка. См.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 273. Л. 27.

⁴⁴ Максимальная критика, которую авторитетный польский историк М. Войчеховский допускает в отношении политики Бека, это замечание, что тот стремился навязать рейху свои предложения касательно нового регулирования двусторонних отношений осенью 1938 г., в то время как условия по сравнению с 1933 г. весьма изменились. См.: *Wojciechowski M.* Stosunki ... S. 493.

⁴⁵ *Дурачински Э.* Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 37.

«МАРИЯ БОЧКАРЕВА. ЗОВУЩАЯ НА СМЕРТЬ»

В БИБЛИОТЕКЕ-ФОНДЕ «Русское зарубежье» состоялся организованный киноklubом «Русский путь» премьерный показ фильма режиссера Ольги Дыховичной «Мария Бочкарева. Зовущая на смерть»*.

Перед показом фильма с информацией о деятельности и планах киноклуба «Русский путь» выступил его президент — кинорежиссер, лауреат премии Национальной академии кинематографии «Золотой орел» Сергей Зайцев, который отметил главную задачу киноклуба — всестороннее освещение произведений киноискусства, темой которых являются история России и проблемы ее духовного развития. Затем он предоставил слово режиссеру и автору сценария фильма. О. Дыховичная коротко рассказала о том, как снимался фильм, и поблагодарила коллег, работавших над ним — соавтора сценария Андрея Егорова, монтажера Елену Афанасьеву, музыкального оформителя Антона Королева, продюсера Антона Малышева, руководителя проекта Ивана Дыховичного.

Фильм повествует о столь же трагичной, как и судьба России, судьбе русской женщины. Крестьянка Мария Бочкарева, живя обыденной жизнью начала XX века, и не подозревая, что начавшаяся 1 августа 1914 года Первая мировая война перевернет жизнь не только страны, но и ее собственную. Именно эта война сделает М. Бочкареву одной из самых знаменитых женщин России.

Вся жизнь Бочкаревой — бег. Мария бежит из отцовской семьи к мужу, от мужа — к любовнику, от любовника — на войну. Но это бег от одной зависимости к другой. Женщина ищет подчинения и видит смысл своей жизни в самоотречении. Она готова приносить себя в жертву: сначала мужчинам, потом стране. На войне Мария Бочкарева будет не только жертвовать собой, но и научиться приносить в жертву стране жизни других людей.

Отправившись на войну рядовым солдатом, Мария Бочкарева дослужится до офицерского чина, за боевые отличия получит Георгиевский крест четырех степеней, организует первый и единственный «Женский батальон смерти». А.А. Брусилов, А.Ф. Керенский, Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, В. Вильсон, У. Черчилль — это далеко не все имена известнейших людей, встретившихся на жизненном пути этой женщины.

Зрители с искренним интересом смотрели фильм, а по окончании тепло приветствовали его авторов.

*«Мария Бочкарева. Зовущая на смерть» / Документальный фильм из цикла «Роковая война». Кинокомпания «АМА» по заказу Госкино, 56 мин.

Капитан 3 ранга В.Г. КИКНАДЗЕ



Мария Бочкарева

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Здравствуйте, уважаемая редакция
«Военно-исторического журнала»!

В июне 2005 года я за 12 дней прошел часть маршрута 57-й армии 3-го Украинского фронта от города Кировограда до села Марьевка. Меня интересовали боевые потери советских войск за период с 16 по 19 марта 1944 года в данном районе. Сообщаю вам результаты своих поисков. В селе Марьевка я обнаружил братскую могилу, где похоронено 119 человек, погибших в январе—феврале 1944 года. Из офицеров там похоронен капитан К.К. Сухотин. В городе Бобринце, освобожденном 16 марта, — братское захоронение на 41 человека, в селе Кирове — братское захоронение на 7 человек, погибших 17 марта и перезахороненных 5 августа 1944 года, среди которых младший лейтенант С.Н. Бадулян и 6 неизвестных солдат. Село Витезевка было освобождено 19 марта. Там захоронено 3 человека: старший сержант Ф.И. Евгений, рядовой Н.Д. Занченко и рядовой Ф.А. Слепцов.

Меня обрадовало, что в тяжелое в финансовом отношении время все братские захоронения находятся в очень хорошем состоянии.

Спасибо вам за вашу работу, за хороший и нужный журнал.

О.Н. БАБЕНКО
(п. Ханьмей Ямало-Ненецкого АО)

* * *

Здравствуйте, уважаемая редакция!

С 1966 года являюсь вашим постоянным читателем. Тогда я служил в Советской армии, а после демобилизации — 26 лет в органах МВД. И раньше участвовал в различных конкурсах, приобретая журналы в киосках «Союзпечать». Много лет подписываюсь на «Военно-исторический журнал», все номера сохраняю. Подписался и на первое полугодие 2006 года.

Хочу поделиться своей радостью — я стал победителем конкурса «Молодежного военно-исторического журнала»! Большое спасибо за подаренную книгу. В 10-м номере задание оказалось очень сложным, пришлось перелистать множество словарей. Еще раз благодарю за подарок.

С уважением,

Н.Г. ТВЕРДЫЙ,
майор милиции в отставке
(г. Брянск)

* * *

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

К вам обращается постоянный читатель журнала из города Заволжья. Выписываю ваш журнал уже 11 лет, оформил подписку и на 2006 год. Прочитываю его от начала до конца и узнаю много интересного. С большим удовольствием прочитал статьи генерала Е.И. Малашенко о командующих общевойсковыми, танковыми и воздушными армиями. Очень хотелось бы увидеть на страницах вашего издания материалы об истории Воздушно-десантных войск, тем более что не так давно этим войскам исполнилось 75 лет.

С уважением,

В.В. БОТНИКОВ
(г. Заволжье Нижегородской обл.)

* * *

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Я уже давно выписываю «Военно-исторический журнал» и почти в каждом его номере читаю сообщения о новых интересных книгах, но не всегда понятно, где можно их достать. Прошу помочь мне в этом вопросе. Я бы хотел приобрести несколько книг, если у вас имеются соответствующие адреса издательства.

С.В. КОЗИН
(п. Дмитрова Гора Тверской обл.)

ОТ РЕДАКЦИИ. Уважаемый Сергей Викторович! Напоминаем, что распространением изданий редакция «Военно-исторического журнала» не занимается. По многочисленным просьбам читателей, информация о том, где можно приобрести те или иные книги, печатается на страницах журнала в случае предоставления ее редакции авторами и издательствами.

**Подборка писем подготовлена студентами
Московского гуманитарно-экономического института
Ю.А. ГЛУШКОВОЙ, А.В. МЕДВЕДЕВОЙ
и Н.Н. ЧЕГОРСКИМ**

«РАСКРЫТА КРУПНАЯ ШПИОНСКО-ДИВЕРСИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»

В Российском государственном военном архиве (РГВА) рассекречен ряд документов Народного комиссариата по военным и морским делам (НКВД) СССР, а также Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР, позволяющих по-новому взглянуть на тайное противоборство советских и японских спецслужб в районе Дальнего Востока в начале 1930-х годов. В настоящей статье автор анализирует впервые публикуемые архивные документы, содержание которых отражает характер и общую динамику противостояния спецслужб двух стран в условиях весьма напряженной атмосферы советско-японских политических отношений тех лет.

АКТИВНОСТЬ разведывательных и контрразведывательных органов Страны Советов и Страны восходящего солнца в начале 30-х годов XX века, сопровождавшаяся, как это обычно водится, чередой взаимных шпионских разоблачений, была результатом обострения межгосударственных отношений в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Нарушая общепринятые нормы международного права, Советский Союз и Япония использовали друг против друга тайную дипломатию как средство достижения своих внешнеполитических целей. При этом, если советское военно-политическое руководство стремилось прежде всего приостановить реализацию агрессивных замыслов по отношению к СССР своего дальневосточного соседа, то японское вынаши-

Особенности тайного противостояния советских и японских спецслужб на Дальнем Востоке в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

вало планы широкомасштабной военной интервенции с оккупацией целого ряда регионов советской территории. Учитывая, что в Дальневосточном крае (ДВК)¹, где только что отгремела Гражданская война, и в сопредельной Маньчжурии осели многие из тех, кто был, мягко говоря, не совсем доволен советской властью, японские спецслужбы усиленно формировали из них «пятую колонну», сколачивали шпионско-диверсионные группы, снабжая их деньгами и оружием. Советские спецслужбы, естественно, тоже не сидели сложа руки и делали все возможное для раскрытия и нейтрализации враждебных элементов.

Эта невидимая война шла с переменным успехом. Еще в 1927 году в Москве от резидентур внешней разведки ОГПУ, действовавших в Сеуле и Харбине, а также от сотрудников военной разведки РККА стало известно о зловещем меморандуме премьер-министра Японии Г. Танаки², предусматривавшем установление в мире японского господства, в ходе реализации которого предполагалось включение в состав Японии всего Дальневосточного края. Это был неприкрытый вызов, и он требовал адекватного ответа.

Надо отметить, что советское руководство, прежде всего И.В. Сталин как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и К.Е. Ворошилов, нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР, были неплохо осведомлены о военных приготовлениях Японии. Так, согласно стратегическому плану генерального штаба Японии

под кодовым наименованием «Оцу» на территории Маньчжурии предполагалось дополнительно сформировать 30 дивизий, из которых 24 выделялись для ведения военных действий против СССР. Этим планом предусматривалось развертывание наступления в первые дни 1932 года. По линии особого отдела ОГПУ³ руководству систематически поступали также документы, свидетельствовавшие о ведении японской стороной целенаправленного шпионажа на территории СССР в русле подготовки Японией военной агрессии. Из этого перечня документов особого внимания заслуживают «Положение о военных резидентах за границей», введенное в действие военным министерством Японии в декабре 1931 года, и «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза»⁴, датированные 28 февраля 1932 года. О том, что И.В. Сталину был известен текст последних, свидетельствуют его собственноручные пометки на полях документа.

В конце мая 1932 года из особого отдела ОГПУ в секретариат К.Е. Ворошилова поступило с грифом «Совершенно секретно» три «Бюллетеня по СССР», разработанных генеральным штабом Японии в апреле того же года. Такая оперативность говорит не только о хорошо отлаженных методах работы ОГПУ, но и о том значении, которое придавалось советской стороной нарастающим угрозам со стороны Японии. Бюллетени содержали весьма важную информацию: сведения о численно-

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ 1372-9

Республика
Объединенное Государственное
Административное Управление
при СОВНАРКОМЕ

Только лично. —

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Р В С З —
тов. ВОРОШИЛОВУ. —

Препровождаю для сведения следующие документальные материалы:

- 1.- Телеграмма японского генконсула ЯМАГУЧИ из Владивостока Яп. послу в Москве.
- 2.- Телеграмма от МЦД¹ а КОСИКАВА из Токио Яп. послу в Москву.
- 3.- Телеграмма военного атташе в Москве НАСАХАРА на имя Пом. Нач. Генштаба Японии.
- 4.- Рапорт военного атташе шведской Миссии Статскому Советнику, Нач. Кор. Министерства обороны.

После ознакомления прошу Вашего распоряжения вернуть в ОО ОГПУ. —

НАЧАЛЬНИК ОБСЛУЖИВАНИЯ
О Г П У (ЛЕШЕВСКИЙ)

Первая страница документа (см. приложение 1)

новлено наличие террористического заговора. Седьмого числа [апреля 1932 г.] на квартирах у 9 лиц был произведен обыск и выяснено, что взрывчатые вещества были привезены злоумышленником из Пограничной с целью взрыва важнейших сооружений Харбинской [железнодорожной] станции. В Харбине в последнее время циркулируют слухи, что слу-

из СССР террористическая группа в составе 8 человек для убийства наиболее влиятельных харбинских белоэмигрантских деятелей»⁹.

Следует отметить, что термин «русский» достаточно часто встречался в донесениях японской агентуры той поры, на основании чего генштаб Японии делал вывод о причастности к секретной антияпонской деятельности советских спецслужб. Впрочем, это было недалеко от истины. Действительно, в те годы на территории Северной Маньчжурии для красных партизан, часть которых прошла военную подготовку в СССР, отправлялись продовольствие и оружие. Об этом хорошо знали японские спецслужбы. В частности, в «Военной сводке по СССР» № 29 от 12 апреля 1932 года, подготовленной 3-й секцией морского штаба Японии на основе сообщения, поступившего из штаба Квантунской армии, отмечалось следующее: «Согласно донесению тайного разведчика в составе антигиринской армии имеется отряд красных партизан численностью около 2000 человек, сформированный из китайцев и корейцев, присланных с советской территории. Оперирующая в последнее время в районе Цяндао армия защиты родины в большинстве своем состоит из корейцев и снабжается оружием из СССР»¹⁰.

Безусловно, скупые на подробную информацию строчки из старых архивных документов сегодня нуждаются не только в профессиональном комментарии, но, что более важно, в дополнении и подтверждении источниками. Однако, исходя даже из названных выше материалов, можно сделать вывод, что действия Японии вызвали в СССР обоснованную тревогу, результатом которой и становились меры превентивного характера, в том числе и на сопредельной территории.

ОСЕНЬЮ 1932 года из ДВК стала поступать все более тревожная информация. 26 ноября заместитель председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьев¹¹ и начальник Экономического управления (ЭКУ)¹² ОГПУ Л.Г. Миронов¹³ направили с грифом «Строго секретно» на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина докладную записку¹⁴ (приложение № 1), ознакомившись с которой, И.В. Сталин 29 ноября поручил заведующему секретным отделом (СО)¹⁵ ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышеву¹⁶

сти, составе и дислокации воинских частей и подразделений РККА и ОГПУ на территории ДВК. Подобная всесторонняя осведомленность возможного противника ничего хорошего не сулила в случае военного столкновения. Однако своевременная информация об этом давала возможность командованию РККА принять меры по передислокации войск на особо опасных участках.

ОБРАЩАЕТ на себя внимание и тот факт, что авторы документов, например «Бюллетеня по СССР» № 10 от 11 апреля 1932 года, указывали на весьма разветвленную сеть своих источников, откуда поступала в генеральный штаб Японии разведывательная информация. Подобными источниками, оказывается, являлись генеральные штабы Польши и Латвии, французский военный атташе в Турции, агент из Пограничной (железнодорожная станция на линии Уссурийск — Харбин, г. Пограничный), некие «путешественники» из Урги [Улан-Батор] и господин Кавасака — представитель японской фирмы «Кокусай-Унью» из Владивостока⁵.

Интересно, что в том же «Бюллетене» сообщалось о фактах, не имевших прямого отношения к ведоству Ворошилова: речь шла о террористических и диверсионных актах, совершенных якобы русскими на станции Харбин. В частности, в документе упоминалось о том, что «1 апреля [1932 г.] на станции Харбин был обнаружен русский с взрывчатыми веществами. В результате следствия уста-

жащие НКВД усиленно готовятся к тому, чтобы в случае объявления японо-советской войны провести решительное разрушение ж.-д. линии»⁶.

На этом перечисление фактов участия «русских» в диверсионной деятельности в Северной Маньчжурии не заканчивалось. «8 апреля [1932 г.] в 2 часа ночи, — сообщалось в «Бюллетене», — ж.-д. сторож-китаец заметил двух лиц, собиравшихся подложить динамит под 2-й Сунгарийский ж.-д. мост. Он пытался задержать злоумышленников, но был убит ими. Ж.-д. охрана стала немедленно преследовать их, задержав одного на месте, а другого в Тао-Лай-Чжоу. Оба злоумышленника оказались русскими»⁷. Были ли эти «русские» советскими гражданами, и кого на самом деле задержала железнодорожная охрана, сказать сложно, так как в открытых фондах российских архивов подобные сведения пока не обнаружены. Что же касается причастности советского генерального консульства, располагавшегося в Харбине, к разведывательной и диверсионной деятельности, авторы «Бюллетеня» об этом прекрасно знали: «За последнее время штаб советского генконсульства в Харбине пополнен партийцами. Генконсульство путем использования секретной агентуры антигиринской армии⁸ собирает сведения о положении в Манчжоу-го и белых. Кроме того, недавно в Харбин прибыла через Пограничную присланная

разослать строго секретные материалы В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Я.Б. Гамарнику¹⁷ и П.П. Постышеву¹⁸. В РГВА хранится третий экземпляр недавно рассекреченного документа, направленного тогда А.Н. Поскребышевым К.Е. Ворошилову.

Ворошилов обычно не оставлял многословных резолюций на подобном рода документах, а указания своим подчиненным, как правило, давал посредством сопроводительной записки или, возможно, в устном порядке. Поэтому и в этот раз на сопроводительной заведующего СО ЦК ВКП(б) он лишь оставил пометку «Моя особая папка», указав дату «2/1 33», означавшую «2 января 1933 года», и лаконично расплелся литерой «В»¹⁹. Как свидетельствуют многочисленные архивные материалы, наркомвоенмор достаточно часто прибегал к подобной форме подписи²⁰.

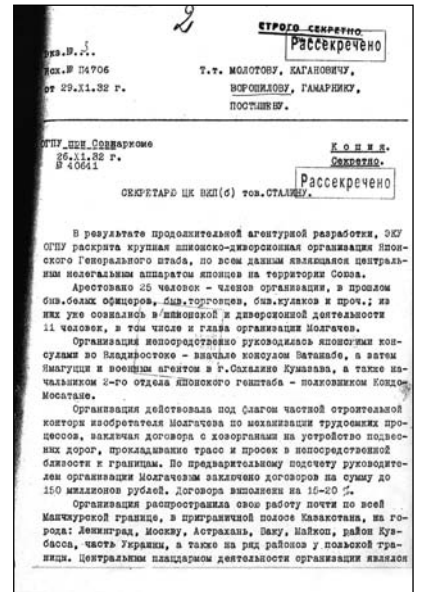
Тот факт, что строго секретный документ, как и многие другие подобные материалы, подготовленные в стенах ОГПУ, был впоследствии переадресован Ворошилову, свидетельствует не только о его важности с точки зрения обороны страны, но главным образом характеризует взаимоотношения двух ведомств, занимавших ведущее место в иерархии силовых структур государства. В 1930-е годы практика информирования органами госбезопасности руководителя военного ведомства по самому широкому спектру вопросов была вполне обычным явлением. Ворошилов, будучи наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета СССР (с 1934 г. — народным комиссаром обороны СССР), с 1925 по 1940 год входил в круг высших должностных лиц государства, участвовавших в принятии практически всех ответственных решений в области обороны страны. Второй причиной, по которой именно ОГПУ, а не Наркомат по военным и морским делам, информировало Ворошилова о вопросах, имеющих прямое отношение к военной безопасности, является то, что в начале 1930-х годов РККА не имела своих контрразведывательных органов. Как известно, еще в декабре 1918 года военная контрразведка была изъята из Регистрационного управления Полевого штаба и передана в Военный отдел ВЧК, в составе которой с января 1919 года контрразведывательные функции выполнял Особый отдел²¹. Решение о передаче контрразведывательной

работы в армии чекистам было следствием серьезной внутрипартийной борьбы в верхних эшелонах РКП(б). В те годы особые отделы не только выполняли контрразведывательные функции, но и надзирали за командным составом Красной армии. Лишь в 1943 году в составе Вооруженных Сил СССР были созданы собственные органы контрразведки «Смерш».

Стоит заметить, что со дня отправки Поскребышевым документа на имя наркома по военным и морским делам до появления на нем упоминавшейся буквы «В» прошло больше месяца. Этот факт, на мой взгляд, может свидетельствовать лишь об одном: строго секретная докладная оставалась все эти дни в работе в одном из органов военного управления, скорее всего в Штабе РККА, и находилась на особом контроле у Ворошилова. О чем же докладывали органы ОГПУ?

В документе на 8 листах речь идет о вскрытии органами ОГПУ совместно со Штабом РККА широкомасштабной, целенаправленной шпионско-диверсионной деятельности Японии на территории СССР. Для советского руководства сам факт шпионажа, как известно, уже не являлся неожиданным. Докладная, которую Сталин получил от ОГПУ, а наркомвоенмор Ворошилов — через Поскребышева, стала лишь очередным подтверждением того, что Японией на территории СССР осуществлялся военный шпионаж, проводились и готовились акции диверсионного характера.

Судя по докладной, японская шпионская организация охватывала огромные территории. В орбиту ее деятельности входили Москва, Ленинград, Баку, Астрахань, Майкоп, часть Украины, район Кузбасса, приграничная полоса Казахстана и практически вся советско-маньчжурская граница, а центральным плацдармом являлся советский Дальний Восток, на территории которого для проведения диверсионных актов намечался 21 объект. По устоявшейся практике оперативной работы тех лет к докладной прилагался поименный список 25 членов шпионско-диверсионной организации²². Судя по кратким справочным данным, в организации состояли русские, украинцы, белорусы, немцы, поляки, латыши из всех социальных слоев, причем многие из них в свое время служили в старой русской армии, а впоследствии — у



Вторая страница документа

адмирала Колчака (см. приложение № 2). Обращает на себя внимание и то, что в организации не оказалось ни одного представителя стран Центральной или Восточной Азии. Возникает вопрос: либо ОГПУ не за что было «зацепиться», либо японская военная разведка делала ставку исключительно на граждан СССР и лиц европейской внешности.

При внимательном изучении этих документов сегодня возникают и другие вопросы (трудно сказать, возникли ли они в то время у тех, кому были направлены эти секретные материалы).

Взять хотя бы факт «непосредственного руководства» шпионской организацией японскими консулами во Владивостоке Ватанабе и Ямагути (в других документах — Ямагути), а также начальником 2-го (разведывательного) отдела генштаба Японии полковником Кондо-Мосатане²³. Ограничиваясь лишь одной констатацией факта, заместитель председателя ОГПУ Прокофьев каких-либо конкретных доказательств не приводит, что наводит на определенные размышления. Вполне возможно, что руководители ОГПУ в устном порядке докладывали И.В. Сталину подробности этого дела, в том числе и о фактах тайной дипломатии Японии в отношении СССР. Но более вероятным представляется другое. Прокофьев не считал нужным излишне детализировать свой доклад, учитывая, во-первых, что следствие еще продолжалось и могли появиться дополнитель-

ные сведения, а, во-вторых, он наверняка был уверен в полной осведомленности Сталина (и Ворошилова) о фактах участия японских дипломатов в шпионской деятельности²⁴.

ВМЕСТЕ с тем факт «непосредственного руководства» Ватанабе, Ямагути и Кондо-Мосатане диверсионной деятельностью арестованных членов шпионской организации другими архивными материалами пока не подтверждается. Возникают и другие сомнения. Например, представляла ли действительно столь огромную реальную угрозу раскрытая шпионская организация? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Если принимать во внимание лишь содержательную сторону документа, то с учетом уже совершенных в 1929—1930 гг. членами организации двух диверсионных актов во Владивостоке и Благовещенске, о которых упоминается в докладной, сомневаться в ее чрезвычайно опасном характере не приходится. Однако привлекает внимание одна любопытная фраза: «Произведенной Штабом РККА экспертизой сведений, переданных членами организации японцам, установлено, что шпионаж, осуществлявшийся организацией, причинил огромный ущерб делу обороны ДВК»²⁵. Но этот вывод, на мой взгляд, плохо согласуется с содержанием докладной. Прежде всего, почему об «огромном ущербе» Штаб РККА узнал только после экспертизы полученных сведений, да и могла ли причинить «огромный ущерб делу обороны» ДВК группа людей, в составе которой находились лица, не имевшие ни влияния на общество, ни материальных, ни технических средств? Под силу ли им было решать инкриминируемые задачи? Вполне возможно, что, не сумев захватить реальных врагов и действительно опасных членов шпионско-диверсионных групп, ОГПУ поспешило отчитаться о проделанной работе, представив «стрелочников» в качестве «крупной шпионско-диверсионной организации». В подтверждение этой версии может также служить тот факт, что к докладной записке не был приложен упоминавшийся «План шпионско-диверсионной организации по ДВК».

Пока не ясна и роль Штаба РККА, прежде всего его Разведывательного управления, в добывании информации о ведении Японией военно-технического шпио-

нажа и подготовке ею военной интервенции против СССР. Из докладной следует, что «Штаб РККА указал на совпадение с его данными показаний обвиняемых о главных направлениях движения японских войск на ДВК при начале военных действий в СССР». Конечно, косвенно это может свидетельствовать о том, что военная разведка РККА располагала сведениями о готовящемся военном нападении Японии на СССР, но для подобного утверждения необходима куда более доказательная источниковая база.

Были ли официальные протесты или иные демарши со стороны советского правительства в связи с фактами шпионажа и диверсий, сказать сложно. Судя по всему, ни одна из сторон тогда открыто не стремилась к явному осложнению отношений. Интересно, что уже через год после инцидента военные ведомства двух стран подписали соглашение о взаимном обмене и подготовке военных кадров в военно-учебных заведениях и воинских частях Советского Союза и Японии. Соглашение подписали: со стороны РСФСР — начальник Отдела внешних сношений (ОВС) НКВМ Смагин, со стороны командования японской армии — военный атташе Японии в Москве подполковник Кавабэ²⁶. Практика обмена военными продолжалась и в последующие годы, причем по инициативе японской стороны. Например, 4 марта 1936 года в ответ на предложение японского военного атташе в Москве полковника Хата об обмене офицерами-стажерами начальник Разведуправления Штаба РККА С.П. Урицкий подготовил на имя К.Е. Ворошилова список из шести офицеров для стажировки в Японии, в число которых входил и сотрудник Разведуправления Штаба РККА²⁷. Считалось, что «пребывание наших командиров в Японии себя оправдывает: люди изучают страну, язык, получают правильные впечатления о методах боевой подготовки частей, их сильных и слабых сторонах, условиях быта и нравов»²⁸.

ИМЕЮТСЯ и более поздние документы, свидетельствующие о том, что Япония продолжала оставаться в зоне внимания советской военной разведки и что взаимный обмен офицерами-стажерами был далеко не единственным каналом добывания необходимой информации²⁹. То же самое следует сказать и о японской стороне. Так, довольно

продуктивной была шпионская деятельность капитана Сакамы, который изучил состав, численность и дислокацию сухопутных, авиационных, морских частей, а также подразделений ГПУ во Владивостоке, Хабаровске, Никольске, Раздольном, Барабаше, Шкотово, Посъете, на железнодорожной станции Гродеково. По всей видимости, Сакама являлся начальником военных резидентов и имел глубоко законспирированную разветвленную агентурную сеть, включавшую японцев, проживавших во Владивостоке³⁰.

Какие же можно сделать выводы из анализа документов, адресованных органами ОГПУ 74 года назад лично И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову? Следует прямо сказать, что в основе своей они весьма неутешительны и достаточно рельефно отражают напряженность, возникшую на дальневосточных рубежах СССР. Совершенно очевидно, что Япония задолго до событий в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол вела военный и экономический шпионаж на территории СССР с целью нанесения ущерба советской экономике и вывода из строя объектов военно-промышленного комплекса, стратегических коммуникаций военного и общегражданского назначения, выявления сил и средств РККА и ОГПУ в различных регионах страны, и прежде всего на территории ДВК. Все это свидетельствует о планомерной подготовке в начале 1930-х годов Японией военной интервенции против СССР. При этом в качестве плацдарма планировались Южный Сахалин, Северная Корея и Северная Маньчжурия. Работая в этих напряженных условиях, органы ОГПУ старались пресекать любую шпионскую деятельность, возможно, иногда причисляя к шпионам и диверсантам антисоветски настроенных обывателей. Однако нельзя не признать, что деятельность советских спецслужб, включая их превентивные меры против Японии, позволяла в целом успешно противостоять японским спецслужбам.

И наконец последнее. Уроки прошлого говорят о том, что какие бы проблемные вопросы ни возникали на межгосударственном уровне, они должны решаться исключительно мирными средствами, цивилизованным путем, за столом переговоров, в рамках общепринятых норм современного международного права.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Экз. № 3

Исх. № П4706
От 29.XI.32 г.**Строго секретно**т.т. МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ,
ВОРОШИЛОВУ, ГАМАРНИКУ,
ПОСТЫШЕВУОГПУ при Совнарком
26.XI.32 г.
№ 40641К о п и я
СекретноСЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
тов. СТАЛИНУ

В результате продолжительной агентурной разработки ЭКУ ОГПУ раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба, по всем данным являющаяся центральным нелегальным аппаратом японцев на территории Союза.

Арестовано 25 человек членов организации — в прошлом быв[ших] белых офицеров, быв[ших] торговцев, быв[ших] кулаков и проч.; из них уже сознались в шпионской и диверсионной деятельности 11 человек, в том числе и глава организации Молгачев.

Организация непосредственно руководилась японскими консулами во Владивостоке — вначале консулом Ватанабе, а затем Ямагуцци и военным агентом в г. Сахалине* Кумазава, а также начальником 2-го отдела японского генштаба полковником Кондо-Мосатане.

Организация действовала под флагом частной строительной конторы изобретателя Молгачева по механизации трудоемких процессов, заключая договора с хозорганами на устройство подвесных дорог, прокладывание трасс и просек в непосредственной близости к границам. По предварительному подсчету руководителем организации Молгачевым заключено договоров на сумму до 150 миллионов рублей. Договора выполнены на 15—20 проц.**.

Организация распространила свою работу почти по всей Маньчжурской границе, в приграничной полосе Казахстана [Казахстана], на города: Ленинград, Москву, Астрахань, Баку, Майкоп, район Кузбасса, часть Украины, а также на ряд районов на польской границе. Центральным плацдармом деятельности организации являлся Дальний Восток, на котором шпионской и диверсионной работой охвачен 21 пункт.

Работа организации представляет важнейшую составную часть японских планов по подготовке интервенции против Союза и должна была непосредственно обеспечить осуществление при открытии военных действий широко задуманного стратегического плана нападения японских войск на Советский Дальний Восток со стороны

3 районов: Южного Сахалина, Северной Кореи и Северной Маньчжурии.

В диверсионный план действий организации входило разрушение железнодорожных путей и мостов, в частности мостов крупнейшего стратегического значения: Амурский мост, Зейский мост, Уссурийский мост, Бурейский мост, [мост] через реку Левуха, мост через реку Раковку. Были намечены к разрушению: тоннели в районе Владивостока, Дальзавод с доками, портовые сооружения, аэродром, электростанция Владивостока, радиостанция.

При открытии военных действий диверсанты имели прямые поручения прервать всякую связь Владивостока с Хабаровском и другими пунктами. Членами организации осуществлено два диверсионных акта: поджог в 1929 г. складов Госрыбтреста во Владивостоке и поджог в 1930 г. большого склада машинных частей Госпароходства в гор. Благовещенске на Амуре, причинивших миллионные убытки.

Эти акты были произведены в виде пробного испытания для определения действенности низовой ячейки организации и проверки, удастся ли произвести диверсионные акты безнаказанно.

Члены организации проводили в самых широких размерах по непосредственным заданиям японского генштаба военный, политический и экономический шпионаж, непосредственно связанный с подготовкой военных мероприятий Японии против СССР. Членами организации были добыты и переданы японцам совершенно секретные географические карты (одноверстки, двухверстки) приграничных районов. По заданиям японцев производились топографические съемки важнейших стратегических пунктов, были составлены карты наиболее крупных промышленных пунктов с расположенными вблизи заводами, доками, портами. Членами организации производилось фотографирование мостов и сооружений военного значения. Организация широко собирала сведения о политических настроениях рабочих, о положении спецпереселенцев, продовольственном положении, положении с зарплатой, сведения о конском составе, мясном и тягловом поголовье, об обеспеченности предприятий оборонного значения металлом, ходе выполнения промфинплана на предприятиях военного значения.

Кроме этого, организация осуществляла под предлогом проведения строительных работ для хозорганов прокладку трасс, устройство просек в пограничных районах, что делало проходными для японских войск ряд важнейших стратегических пунктов (районы: Сидими, Суражевка, Гродеково и проч.).

Произведенной Штабом РККА экспертизой сведений, переданных членами организации японцам, установлено, что шпионаж, осуществлявшийся организацией, причинил огромный

ущерб делу обороны ДВК, а осуществление диверсионного плана должно было создать исключительные затруднения для отражения нападения японских войск.

Кроме этого, Штаб РККА указал на совпадение с его данными показаний обвиняемых о главных направлениях движения японских войск на ДВК при начале военных действий с СССР.

Приводим выдержки из экспертизы штаба РККА:

«Характер уже переданных японцам материалов по району Суражевка — г. Свободный Уссурийской ж.д. и подготовленных диверсионных актов в этом районе имеет исключительно важное военное значение в обороне ДВК для нас, так как с выходом японцев по Сунгари на Тихонья актом диверсий обеспечивается левый фланг действующих войск на коммуникациях Сунгари. Взрыв величайшего в СССР Амурского моста у Хабаровска создаст чрезвычайные затруднения в операциях Красной армии».

И далее:

«План шпионско-диверсионной организации по ДВК разработан с таким расчетом, что приведение его в исполнение ставит ДВК благодаря его географическим особенностям в своей большей части (Уссурийский край, часть Амурской области и Сев. Сахалин) в положение военной добычи японцам».

Следствие продолжается форсированным темпом. При сем прилагаются сведения об арестованных.

Зам. пред. ОГПУ ПРОКОФЬЕВ
Нач. ЭКУ ОГПУ МИРОНОВ

РГВА. Ф. 4. Он. 19. Д. 13. Л. 1-4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Список членов шпионской
и диверсионной
организации,
работавшей на территории
СССР в пользу Японии**

1. Молгачев Петр Константинович, 1886 г.р., лжеинженер и лжеизобретатель, быв[ший] активный член партии эсеров с 1905 г. по 1922 г., из дворян, быв[ший] гласный Петроградской гор[одской] думы в 1917 г., б[ывший] председатель комитета общественной безопасности в Омском правительстве в 1918—1919 гг., быв[ший] член делегации учредительного собрания в Сибири (т[ак] наз[ываемой] хлебной сибирской делегации).

2. Молгачев Григорий Петрович, 1907 г.р., лжетехник и лжеизобретатель, быв[ший] член ряда географических обществ в Приморье и, в частности, в Никольск-Уссурийске.

3. Окишев Сергей Васильевич, 1906 г.р., быв[ший] стрелок охраны НКПС [Народного комиссариата путей сообщения] на ст. Вятка, из кулацкой семьи, был милиционером, имел 2 при-

* Так в тексте. Возможно, имелся в виду остров Сахалин.

** В тексте указано знаком **.

вода и 3 судимости, до [строительной конторы] Молгачева работал на нефтяной базе во Владивостоке.

4. Аникин Дмитрий Иванович, 1878 г.р., из кулацкой семьи, г. Себеж Витебской губ., с 1907 г. жил на Дальнем Востоке и в Сибири, прораб и подрядчик на постройке Амурской железнодорожной магистрали.

5. Ножин Василий Иванович, 1883 г.р., слесарь-механик в гор. Томске, из кулацкой семьи, работал в районе Кузбасса на лесоперевалочных базах.

6. Шелестин Петр Иванович, 1884 г.р., Полтавской губернии, техник, быв[ший] работник ряда переселенческих управлений в Приморье и в Восточной Сибири, б[ывший] техник авиашколы у Колчака в 1919 г. в г. Спасске.

7. Комиссаров Леонид Николаевич, 1900 г.р., конструктор, б[ывший] волебноопределяющийся артиллерист в действующей колчаковской армии, впоследствии студент Владивостокского политехникума и Д[альне]-В[осточного] университета, радист при сооружении системы Молгачева.

8. Хавакиви Александр Матвеевич, 1886 г.р., эстонец, Лифляндской губернии, быв[ший] слесарь и механик ряда заводов (Сормовского, Путиловского и др. в империалистическую войну), в период интервенции в Сибири и ДВК [ДВК дописано от руки] имел свое частное дело по рыбным артелям как русским, так и японским, одно время занимался комиссионерством, в последние 3 года жил на территории СССР без прописки.

9. Беспалко Павел Иванович, 1893 г.р., быв[ший] офицер колчаковской армии (радист), скрывал это обстоятельство до ареста, был у Молгачева управляющим делами.

10. Черкавская Анастасия Игнатьевна, 1888 г.р., из мещан, жена быв[шего] офицера царской армии, в данное время замужем за Хавакиви.

11. Шредер Тамара Вильгельмовна, 1909 г.р., из немецкой семьи крымских колонистов, артистка балета, в последнее время учащаяся автокурсов в Москве.

12. Глаголев Борис Филиппович, 1904 г.р., техник-лесовод, работал техником и прорабом на лесоперевалочных базах. У Молгачева работал на Астраханской лесоперевалочной базе.

13. Сапунов Иван Петрович, 1889 г.р., б[ывший] лейтенант Черноморского царского флота и б[ывший] командир заградителя «Вел. князь Константин»; скрывался 7 лет под чужой фамилией, служил с 1920 по 1929 г. в ряде гидрографических организаций, вычислен как к[онтр]р[еволюционный] элемент. До [конторы] Молгачева работал морским лощманом в Новосибирске.

14. Говдзик Мясчслав Иванович, 1891 г.р., инженер-архитектор, сын инженера, б[ывший] поручик царской армии и офицер-преподаватель артиллерийской школы в армии Колчака, до работы с Молгачевым преподавал в ряде учебных заведений.

15. Яковлев Константин Семенович, 1884 г.р., г. Рославль, член партии эсеров с 1905 по 1922 г., занимал видное положение в Приморье, был предсе-

дателем городской думы в Хабаровске и один из руководителей эсеров хабаровской организации.

16. Янковский Макс Емельянович, 1894 г.р., белорус, б[ывший] моторист в царской армии, б[ывший] шофер и моторист по авиационным двигателям.

17. Тоцаев Алексей Семенович, 1890 г.р., г. Тула, б[ывший] фельдшер в мирное время и в империалистическую войну, из кулацкой семьи, имущество каковой было в 1925 г. ликвидировано, б[ывший] кондуктор автобусов и проводник жел[езных] дорог.

18. Мурашов Павел Андреевич, 1889 г.р., из Ленинграда, сын царского чиновника, б[ывший] инспектор мех[анических] лесотранспортных установок и б[ывший] сотрудник переселенческих партий в Приморье.

19. Левинский Вацлов*** Владиславович, 1878 г.р., поляк Люблинской губернии, сын мельника, последнее время стар[ший] научный сотрудник Всесоюзного института пром[ышленной] транспорта, все родственники и родители остались в Польше, б[ывший] золотискатель и б[ывший] завед[ующий] дорожно-мелиоративными работами Приморской переселенческой партии, при белых был в Охотске, Аяне и Нелькане, выдавал себя за инженера, будучи лишь техником по образованию.

20. Дашевский Борис Иванович, 1896 г.р., латыш, гор. Митава, офицер — командир батальона в царской армии, б[ывший] работник аэрофотосъемки и АРКОСА****, родные в Латвии.

21. Соколов Константин Андреевич, 1884 г.р., из гор. Благовещенка; техник, б[ывший] прораб на постройке Амурской, Черноморской жел[езных] дор[ог], жил два года в Маньчжурии, б[ывший] растратчик, был под судом.

22. Круглов Владимир Николаевич, 1894 г.р., б[ывший] секретарь зам[естителя] наркома НКТП [Народного комиссариата тяжелой промышленности] т. Гуревича, б[ывший] уполномоченный управления делами НКТП, в прошлом офицер-кавалерист царской армии.

23. Ревис Александр Григорьевич, 1886 г.р., б[ывший] зав[едующий] отделом снабжения Главного радиотехнического управления. В период нэпа занимался спекулятивными комбинациями.

24. Ячняковский Ричард Эдуардович, 1892 г.р., техник Белдорстроя, из зажиточной семьи, работал в ряде организаций в г. Минске.

25. Сорокин Петр Васильевич, 1889 г.р., из кулацкой зажиточной семьи в Анжерке.

Пом. нач. 1 отд. ЭКУ ОГПУ
ЖЕЛЕЗНИКОВ
В е р н о: СУХОВА

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 5-8.

*** Так в документе.

**** АРКОС — Англо-советское торговое акционерное общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дальневосточный край (ДВК) — административно-территориальная единица в РСФСР в 1926—1938 гг. с центром в г. Хабаровске. ДВК образован из Амурской, Камчатской, Приморской и части Забайкальской губерний. В него входили: Еврейская АО, Корякский и Чукотский национальные округа, Амурская, Камчатская, Сахалинская, Зейская, Нижнеамурская, Приморская, Хабаровская и Уссурийская области. В 1930 г. часть территории выделена в Восточно-Сибирский край, в 1937 г. — в Читинскую обл. Впоследствии ДВК был разделен на Приморский и Хабаровский края.

² Питти Танака (1863—1929) — японский генерал (1921), премьер-министр, министр иностранных дел и министр колоний в 1927—1929 гг., один из главных руководителей вооруженной интервенции на советском Дальнем Востоке. В 1918—1921 и 1923—1924 гг. — военный министр.

³ Тогда им руководил Леплевский Израиль Моисеевич (1896—1938), комиссар госбезопасности 2 ранга. Происходил из бедной еврейской семьи. В ЧК с 1918 г., с 1925 по 1929 гг. — в органах ГПУ УССР. С августа 1931 г. работал в Москве в центральном аппарате ОГПУ, с мая 1938 г. — глава НКВД УССР. В апреле 1938 г. арестован и впоследствии расстрелян.

⁴ Автором «Соображений» являлся подполковник кавалерии Касахара Юкио, бывший военный атташе посольства Японии в Москве, впоследствии высокопоставленный сотрудник японского генерального штаба, один из творцов антисоветской военной политики. Касахара, направляя документ вышестоящему начальству, развивал мысль о необходимости усиления пропаганды и разведки против СССР, установления контактов с западными разведслужбами. См.: Дамаскин И.А. Сталин и разведка. М.: Вече, 2004. С. 144.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 43, 45—49.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Гирин (Цзиньлинь) — провинция в Северо-Восточном Китае, административный центр — Чаньчунь, столица созданного в 1932 г. японцами государства Маньчжоу-го во главе с императором Пу И. Антигиринская армия — вооруженные отряды, воевавшие против армии Пу И, которые получали помощь из СССР.

⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895—1937) — комиссар госбезопасности 1 ранга, из дворян, один из организаторов и руководителей Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) ВЧК—ОГПУ. С ноября 1932 по 1934 г. — заместитель председателя ОГПУ и начальник Главного управления рабочекрестьянской милиции при ОГПУ. В 1934—1936 гг. — на ответственной работе в НКВД, в 1936—1937 гг. — заместитель наркома связи СССР. Арестован, расстрелян в августе 1937 г. Реабилитирован посмертно.

¹² ЭКУ ОГПУ контрразведывательной деятельностью не занималось, а вело борьбу с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве. 10 июля 1934 г. по постановлению ЦИК СССР оно было преобразовано в Экономический отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. 25 декабря 1936 г. Экономический отдел был расформирован, а на его базе и части Особого отдела создан Контрразведывательный (3-й) отдел (КРО) ГУГБ.

См.: *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* История специальных служб России. X—XX вв. М.: РИПОЛ классик, 2004. С. 537, 548, 552—553.

¹³ **Миронов Лев Григорьевич** (1896—1938) — комиссар госбезопасности 2 ранга. В органах ВЧК—ОГПУ—НКВД с 1924 г. В ВЧК—ОГПУ работал начальником Экономического управления ОГПУ — Экономического отдела ГУГБ НКВД СССР. С 1936 г. — начальник Контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР. Репрессирован.

¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 1—8.

¹⁵ После избрания в 1922 г. Генеральным секретарем ЦК РКП(б) И.В. Сталин приступил к созданию собственной секретной службы, скрытой внутри Секретариата ЦК. В начале 1920-х годов функции секретной службы выполняло бюро Секретариата ЦК, с 1926 г. — Секретный отдел ЦК, с 1934 г. — Особый сектор ЦК.

¹⁶ **Поскрёбышев Александр Николаевич** (1891—1965) — особо доверенное лицо И.В. Сталина. С 1922 г. работал в аппарате ЦК. В 1924 г. стал помощником Сталина, в 1931 г. — его личным секретарем. В 1929—1934 гг. — заместитель заведующего и заведующий Секретным отделом ЦК, в 1934—1952 гг. — заведующий Особым сектором ЦК.

¹⁷ **Гамарник Ян Борисович** (1894—1937) в это время исполнял должность заместителя наркома по военным и морским делам и заместителя председателя РВС СССР.

¹⁸ **Постышев Павел Петрович** (1887—1937) в 1932 г. был секретарем ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

¹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 9, 14, 18, 71, 116, 126, 171, 190.

²¹ *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* Указ. соч. С. 511.

²² РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 5—8.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Так, еще в январе 1932 г. начальник Особого отдела ОГПУ направил К.Е. Ворошилову совершенно секретные материалы, изобличающие внешнеполитическое ведомство Японии в неправомερных действиях в отношении СССР. В частности, речь шла о непосредственном участии в информационно-разведывательной деятельности на территории ДВК генерального консула Японии во Владивостоке Ямагучи, сотрудника МИД Японии Иосидзавы, военного атташе посольства Японии в Москве Касахара и даже самого японского посла. См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 171.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 15. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 48—49.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Группа Р. Зорге, резидента советской военной разведки, стала действовать в Японии с мая 1933 г. В конце 1920-х — начале 1930-х годов работа по освещению военных планов Японии проводилась Разведуправлением Штаба РККА главным образом с территории Китая. Кроме того, добытием сведений о японской армии занимался разведотдел ОКДВА под руководством В. Медведева и его заместителя Н. Лухманова. В архивных документах фигурируют также агенты разведотдела ОКДВА «Цай» и «Сема», погибшие во второй половине 1930-х годов при невыясненных обстоятельствах. См.: *Коллакуди А., Прохоров.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 187—188; РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 53. Л. 50.

³⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 27.

Полковник В.В. КАПИСТКА

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ●



В.А. Корнилов

«БУДЕМ ДРАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО»

*К 200-летию
со дня рождения вице-адмирала
В.А. Корнилова*

ВЛАДИМИР Алексеевич Корнилов, выдающийся русский военно-морской деятель, талантливый продолжатель прогрессивных направлений русской военно-морской школы, герой и один из главных организаторов героической Севастопольской обороны 1854—1855 гг., родился 1(13) февраля 1806 года в семье отставного морского офицера. Окончив учебу в Морском кадетском корпусе (1823), он получил чин мичмана и в 1824—1827 гг. служил на шлюпе «Смирный», затем в 20-м флотском экипаже на Балтике. В 1827 году В.А. Корнилов был назначен для прохождения военной службы на линейный корабль «Азов», которым командовал адмирал М.П. Лазарев, участвовал в историческом Наваринском сражении (в этом же году), где был разгромлен турецкий флот. В дальнейшем эта победа способствовала России в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и национально-освободительной борьбе греческого народа. После завершения войны В.А. Корнилов был произведен в лейтенанты, а спустя пять лет получил в командование бриг «Фемистокл», затем корвет «Орест», фрегат «Флора».

Командовавший в те годы Черноморским флотом адмирал М.П. Лазарев высоко ценил В.А. Корнилова и во многих походах назначал его начальником штаба. Высокие организаторские способности и деловые качества Владимира Алексеевича проявились и в период командования линейным кораблем «Двенадцать апостолов», принятым в 1839 году. Организация службы на этом корабле высшим военно-морским командованием была признана образцовой для всего русского флота.

Перу В.А. Корнилова принадлежит ряд написанных для личного состава флота руководств и наставлений. Неоценимое значение в деле повышения боевых возможностей кораблей имело введение на вооружение военно-морского флота пушек, стрелявших разрывными бомбами. Будучи высокообразованным человеком, В.А. Корнилов настойчиво добивался замены парусных судов винтовыми кораблями. Он создал в Севастополе образцовую военно-морскую библиотеку, сыгравшую большую роль в повышении знаний и воспитании офицерского состава флота. В 1848 году В.А. Корнилов был произведен в контр-адмиралы, а в 1849-м назначен начальником штаба Черноморского флота и портов. В 1852 году он получил чин вице-адмирала.

При назревании новой войны с Турцией (1853—1856 гг.) В.А. Корнилов, обладая широкими стратегическими дарованиями, был активным сторонником решения боевых задач русским Черноморским флотом путем высадки десанта в районе Босфора и блокады турецкого флота. Перед самым началом сражения с турецким флотом В.А. Корнилов лично выходил в море на разведку, благодаря которой были получены достоверные данные о расположении кораблей противника и разгадан замысел турецкого командования. Все это сыграло решающую роль в принятии решения П.С. Нахимовым атаковать турецкий флот в Синопской бухте (1853). В этом сражении В.А. Корнилов принимал непосредственное участие на последнем этапе, придя на помощь П.С. Нахимову с эскадрой паровых кораблей. Синопское сражение завершилось уничтожением всех вражеских кораблей и береговых батарей.

Победа русского флота у Синопа сорвала англо-турецкий план высадки десанта у Сухума и захвата Кавказа, вскрыла полное бессилие турецкой армии и флота самостоятельно осуществить свои планы на побережье Черного моря. Тогда против русской армии и Черноморского флота выступили объединенные вооруженные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии. К сентябрю 1854 года возникла прямая угроза Севастополю. В.А. Корнилов был назначен начальником обороны Северной стороны и вскоре стал во главе всей обороны города. Действуя с величайшей энергией, Владимир Алексеевич умело приспособлял инженерные сооружения к условиям местности, организовал систему артиллерийского и ружейного огня, которая, несмотря на более низкое, чем у англичан и французов, качество ручного оружия и артиллерии, причиняла противнику большой урон и он долго не решался на штурм главной оборонительной линии города. Севастопольский гарнизон при непосредственном участии населения города в короткий срок создал самые совершенные укрепления, о которые впоследствии разбились многочисленные атаки войск противника.

Воодушевляя защитников Севастополя, вице-адмирал В.А. Корнилов говорил: «Будем драться до последнего, отступать нам некуда, позади нас море, впереди неприятель». Утром 5(17) октября 1854 года во время ожесточенной бомбардировки Севастополя В.А. Корнилов, обходя бастионы на Малаховом кургане, был смертельно ранен. Его последними словами были: «Отстаивайте Севастополь!». Похоронен Владимир Алексеевич в адмиральской усыпальнице Владимирского собора в Севастополе, в 1992 году перезахоронен в Адмиралтейском соборе.

Генерал-майор в отставке В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ



«ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬ... ЧТО К ДЕЛУ РАЗВИТИЯ МОРСКОЙ СИЛЫ КОЛЧАК ИМЕЛ ГРОМАДНОЕ ВЛИЯНИЕ»

К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком

МЫ ЕДВА ли погрешим против истины, если назовем Александра Васильевича Колчака¹ одним из известнейших персонажей отечественной истории XX столетия. О Колчаке написано немало. В последние годы историческая и историко-художественная литература и публицистика регулярно пополняются новыми капитальными трудами и многочисленными статьями о знаменитом адмирале². Вероятно, в истории Российского флота нет фигуры, которая вызывала бы столько споров. Причем такое положение дел сохраняется на протяжении всей послереволюционной истории России. Даже близко знавшие А.В. Колчака современники далеко не однозначно оценивали его деятельность. Вот лишь две полярные точки зрения людей, достаточно хорошо знавших А.В. Колчака и работавших с ним.

Бывший депутат Государственной думы октябрист Н.В. Савич, товарищ председателя комиссии по государственной обороне, выступавший докладчиком по морской смете вплоть до начала мировой войны, вспоминал: «Он был для меня авторитетом в его специальности, человеком энергии и знания, качеств столь редких у нас вообще, а в его среде в особенности... Он внес горячую свежую струю в ведомство, его мысли стали достоянием многих, его знания просветили среду его сослуживцев и внесли определенность и ясность в вопрос реорганизации флота. Я должен признать, что на мое, например, отношение к делу развития у нас морской силы... Колчак того времени имел громадное влияние. Мне пришлось на первых порах с ним бороться, но все его аргументы, все его взгляды, все его идеи глубоко запали мне в душу и в свое время принесли определенные плоды. Но если таково было влияние идей Колчака на его тогдашнего противника, то можно судить, каково оно было на его подчиненных и даже на старших чинов, с которыми он имел постоянное, регулярное общение. Можно считать несомненным, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкции ведомства и восстановления флота, Колчак внес свой крупный и плодотворный вклад в дело, которое ему было так дорого»³.

А.А. Сакович, сослуживец Колчака по оперативной части штаба Балтфлота писал: «Колчак А.В. с задатками военного человека, но... и в этом «но» все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только частный начальник-исполнитель. Колчак... абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого что он слишком впечатлителен и нервен, оттого что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна»⁴.

К сожалению, деятельность А.В. Колчака как военно-морского руководителя по сию пору не становилась предметом самостоятельного исследования. Поэтому мы намеренно оставляем за скобками многогранную научную и политическую деятельность Колчака, сосредоточив свое внимание на некоторых аспектах его практических достижений в амплуа флотоводца.

13 ИЮЛЯ 1916 года⁵ император и Верховный главнокомандующий Николай II, третьего дня одобривший доклад начальника Морского штаба Главковерха адмирала А.И. Русина⁶ о неудовлетворительном «оперативном руководстве Черноморским флотом»⁷, назначил на должность командующего флотом Черного моря 42-летнего начальника минной дивизии Балтфлота контр-адмирала А.В. Колчака с производством в вице-адмиралы. За два года Великой войны этот талантливый, энергичный и храбрый офицер сделал головокружительную, редкую даже по меркам военного времени карьеру, хотя не мог похвастаться ни знатным происхождением, ни могущественными покровителями. «До войны — меня выдвинула война — я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими-нибудь высшими кругами... Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможностей бывать... в среде придворной, среде правительственной», — говорил впоследствии сам Александр Васильевич⁸.

Начав войну флаг-капитаном по оперативной части в штабе командующего флотом Балтийского моря адмирала Н.О. фон Эссена, в декабре 1915 года А.В. Колчак получает в командование минную дивизию (минуя должность начальника дивизиона — первичного тактического соединения эскадренных миноносцев) и в апреле 1916 года контр-адмиральский чин, а уже меньше чем через три месяца становится командующим Черноморским флотом, обойдя многих гораздо более опытных и заслуженных флагманов.

Весьма любопытное обстоятельство. В январе 1915 года, когда руководством ставки была предпринята первая, пока безус-

пешная, попытка смещения командующего Черноморским флотом адмирала А.А. Эбергарда и его ближайших помощников⁹, А.В. Колчак не только не фигурировал в списке претендентов на пост комфлота (рассматривались кандидатуры начальника Морского генерального штаба вице-адмирала А.И. Русина, начальника штаба Балтфлота вице-адмирала Л.Б. Кербера, коменданта крепости императора Петра Великого вице-адмирала А.М. Герасимова и начальника отряда заградителей Балтийского моря контр-адмирала В.А. Канина), но и не рассматривался в качестве соискателя должности начальника штаба (такowymi являлись капитаны 1 ранга В.К. Пилкин и Н.М. Григоров — командиры балтийских дредноутов «Петропавловск» и «Гангут» соответственно)¹⁰. Однако уже через полтора года именно А.В. Колчак стал первым номером в списке возможных преемников А.А. Эбергарда.

Выявление мотивов столь неожиданного, в том числе и для самого Александра Васильевича, кадрового решения не входит в число задач авторов настоящей статьи. Заметим лишь, что во главе воюющего флота стал адмирал, который ни в мирное, ни в военное время не командовал кораблем I ранга, не говоря уже о соединении тяжелых кораблей, которые оставались «становым хребтом» военных флотов того времени. Многочисленные новации в военно-морском деле: появление новых родов сил и видов морского оружия, трансформация форм и способов применения сил флота, изменение характера вооруженной борьбы — отнюдь не снимали с командующего его первейшую задачу — лично вести флот в бой. Эскадренное сражение оставалось важнейшей формой борьбы на море, и командующему флотом, таким образом, надлежало быть не только энергичным и компетентным руководителем оперативно-стратегического звена, но и искусным тактиком.

А.В. Колчак был, бесспорно, прекрасным оперативным штабным работником, что наглядно продемонстрировала его служба в Морском генеральном штабе и штабе морских сил (с августа 1914 г. — флота) Балтийского моря. Однако опыт самостоятельного командования молодой адмирал имел весьма скромный. В должности командира корабля —

а командовать Александру Васильевичу доводилось миноносцем «Сердитый», эсминцами «Усуриец» и «Пограничник» и транспортом «Вайгач» — он ни разу не имел дела с реальным морским противником. Возглавив тактическое соединение (минную дивизию Балтийского моря), А.В. Колчак управлял вверенными ему силами в двух боевых делах, которые, однако, не снискали лавров Колчаку-тактику.

В О ВТОРОЙ половине ноября 1915 года на основании данных радиоразведки об организации противником дозорной службы в средней Балтике командованием минной дивизии было принято решение на уничтожение неприятельского корабельного дозора у Виндавы. В ночь на 20 ноября в районе банки Спон германское сторожевое судно «Норбург» (214-тонный рыболовецкий траулер, вооруженный двумя 37-мм пушками) было внезапно атаковано семью русскими эскадренными миноносцами. Это были «Охотник» (брейд-вымпел капитана 1 ранга А.В. Колчака), «Новик», «Страшный» и 1-я группа 5-го дивизиона (брейд-вымпел начальника дивизиона капитана 1 ранга П.М. Плена на «Эмире Бухарском»).

Однако из-за неспособности командующего под брейд-вымпелом минной дивизией организовать взаимодействие кораблей ударной группы даже в столь благоприятных, почти полигонных условиях «Новик» (капитан 2 ранга М.А. Беренс) оказался с противоположного борта неприятельского корабля и попал под огонь «Охотника» (капитан 2 ранга П.В. Гельмерсен). «Когда у самого нашего носа разорвались подряд три снаряда, нам пришлось прекратить огонь и, дав полный ход, выйти из-под обстрела», — свидетельствует Г.К. Граф, бывший в то время первым минным офицером «Новика»¹¹. Несопоставимо слабейший противник, расстреливаемый с дистанции 2—3 каб, оказал тем не менее сопротивление и добился двух попаданий в эсминец «Страшный» (капитан 2 ранга Г.К. Старк)¹².

Гораздо больший интерес с тактической точки зрения представляет известный набег на германский конвой в Норчепингской бухте.

В первых числах июня 1916 года русское командование было проинформировано английским посольством в Стокгольме о планируемой отправке из Швеции в Гер-

манию более 80 тыс. тонн железной руды. На этом основании командующий Балтфлотом адмирал В.А. Канин¹³ принял решение «проинформировать об обследовании района Ландсорт — Готланд — северная оконечность острова Эланд с целью уничтожения обычно находящихся в этом районе дозорных и сторожевых судов... и захвата или уничтожения неприятельских коммерческих судов, караван которых, в частности с большим грузом железной руды, должен выйти от Ландсорта к югу в 19—20 часов 28 мая*»¹⁴. Для решения этих задач был сформирован отряд особого назначения в составе крейсеров «Рюрик», «Олег» и «Богатырь», флагманского эсминца начальника минной дивизии «Новик», новых эскадренных миноносцев 11-го дивизиона «Победитель» и «Гром», а также восьми более заслуженных угольных эсминцев 6-го дивизиона — «Стерегущий», «Страшный», «Украина», «Войсковой», «Забайкалец», «Туркменец-Ставропольский», «Казанец» и «Донской казак». Командование этой группировкой было возложено на начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала П.Л. Трухачева¹⁵ (флаг на «Рюрике»). Кроме того, для прикрытия надводных сил и одновременно для уничтожения транспортов и военных кораблей неприятеля командование флота развернуло в юго-восточную часть моря английские подводные лодки «Е-19» (к Виндаве) и «Е-9» (к Либаве), позицию восточнее о. Готска-Санде заняла подводная лодка «Тигр», а «Вепрь» и «Волк» расположились соответственно у южного и северного входов в пролив Кальмарзунд.

ИЗЛОЖЕНИЕ подробностей подготовки и проведения этого набега (с некоторой долей условности его можно назвать морской операцией по нарушению коммуникаций противника) не является задачей авторов данной работы. Попытаемся оценить тактические решения А.В. Колчака, который в данном случае действовал в роли командира корабельной ударной группы из эсминцев «Новик», «Победитель» и «Гром» и решал главную задачу операции: внезапным торпедно-артиллерийским ударом уничтожить основную цель — неприятельские транспорты с грузом ценного стратегического сырья.

В 23.15 13 июня в районе Лан-

* По старому стилю.

дспорта с русских эсминцев были замечены дымы, а через четверть часа «Новик» «со товарищи» нагнали неприятельский конвой, шедший вдоль берега на юг. Совершенно очевидно, что в этой ситуации контр-адмиралу А.В. Колчаку, корабли которого располагали более чем трехкратным преимуществом в скорости, следовало обойти неприятеля со стороны берега и «отжать» конвой от шведских территориальных вод. Даже в том случае, если бы атаковавшие со стороны берега русские эсминцы были скованы кораблями охранения, грузовые суда оказались бы под ударом крейсеров и миноносцев П.Л. Трухачева, державшихся в 15 милях мористее. Следует заметить, что начальник отряда особого назначения рекомендовал А.В. Колчаку действовать именно таким образом¹⁶. Вместо этого начальник минной дивизии преждевременно, оставаясь в кормовых курсовых углах противника, приказал сделать предупредительный выстрел впереди по курсу концевое судна, опасаясь атаковать нейтральных шведов. Этим решением, точнее несвоевременностью этого решения, А.В. Колчак лишил атаку внезапности, дал немногочисленным кораблям непосредственного охранения связать себя боем и позволил транспортам с рудой без потерь отойти в территориальные воды нейтрального королевства.

После второго предупредительного выстрела русских командир эскорта лейтенант резерва Пликерт направил транспорты к шведскому берегу, прикрыв их дымовой завесой, а сам на траулере «Вильям Юргенс» вместе с двумя подобными судами из состава 5-й группы 1-й «флотилии охраны судоходства» (на каждом — по одному 88-мм орудью) повернул навстречу русским миноносцам и принял бой на контркурсах.

В этот момент Александр Васильевич принимает еще одно решение, тактическая целесообразность которого выглядит весьма сомнительной. Вместо того чтобы оставить в покое слабосильные и тихоходные неприятельские эскортные суда и преследовать уходившие под берег рудовозы (напомним, что именно их уничтожение являлось главной целью всей операции), он поворачивает на северо-запад, стремясь, как значится в рапорте на имя командую-



Н.О. фон Эссен



А.А. Эбергард



М.И. Смирнов

щего флотом, не разойтись с кораблями непосредственного охранения конвоя и не потерять из виду самый большой из них — концевой¹⁷. Вдогонку по транспортам были выпущены лишь несколько снарядов и две торпеды с «Новика», не причинившие неприятелю вреда.

В результате единственной жертвой русских стало судно-ловушка «Германн» (2030-тонный коммерческий пароход, вооруженный четырьмя 105-мм пушками) под командованием капитан-лейтенанта резерва К. Хофмана, которое следовало позади конвоя, имитируя, как и подобает «Q-ship», оставший транспорт. Из-за слабой подготовки наспех сколоченного экипажа — этот поход был для «Германна» первым — германский корабль не смог оказать никакого сопротивления, и в течение часа «Новик», «Победитель» (капитан 2 ранга И.Н. Дмитриев) и «Гром» (капитан 2 ранга Н.Д. Тырков) беспрепятственно расстреливали неприятеля, а затем «Гром» добил его торпедой¹⁸. Весьма существенно, что русские эсминцы избивали «Германн», полагая его транспортным судном, и узнали о его военном назначении лишь подняв из воды девятых членов экипажа¹⁹. Поэтому говорить о «бое с германским вспомогательным крейсером», конечно, не приходится.

Некоторые исследователи, возможно не без оснований, ищут причину провала набега на германский конвой в тщеславии молодого адмирала, не желавшего делить лавры победителя с П.Л. Трухачевым²⁰ (кстати, Петр Львович был предшественником А.В. Колчака в должности начальника минной дивизии). Как нам кажется, ближе к истине германский историк Э. фон Гагерн, приписавший удивительный успех лейтенанту Пликерта и его подчиненным «недостатку боевого опыта» у командира русского корабельного отряда²¹.

ОТКУДА же в нашей литературе данные о потопленных 13 июня 1916 года неприятельских транспортах? Любопытно, что в оригинальных отечественных документах никаких упоминаний об уничтоженных грузовых судах нет. «Пароходы были обстреляны миноносцами, но успели уйти в шведские воды», — читаем в сводке сведений Морского штаба Главковерха от 15 июня 1916 года²². «Я... ночью напал на караван, рассеял его и потопил конвоирующий его корабль», — свидетельствует сам А.В. Колчак²³. Сведения об уничтожении транспортных судов (от двух до пяти) появились позднее и были заимствованы из шведской прессы. Эти данные и были приведены в первом отечественном развернутом исследовании опыта войны 1914—1918 годов на море — коллективном труде «Флот в первой мировой войне», увидевшем свет в 1964 году²⁴. Однако в том же году в Германии было опубликовано официальное описание балтийских кампаний 1916—1918 гг. — один из заключительных томов известного цикла «Das Marine-Archiv-Werk: Der Krieg zur See 1914—1918», где определенно указывалось, что «умелые и осмотрительные действия кораблей охранения увенчались полным успехом, и все рудовозы достигли портов назначения»²⁵. Казалось бы, появление в научном обороте систематизированных данных германской стороны о своих потерях, которые полностью корреспондируются с отечественными боевыми документами, должно было расставить точки над *i*. Однако и современные отечественные авторы демонстрируют удивительное пренебрежение такими этапами всякого исторического исследования, как классификация и критика источников, и продолжают тиражировать *error facti* (неверные данные) 90-летней давности о по-



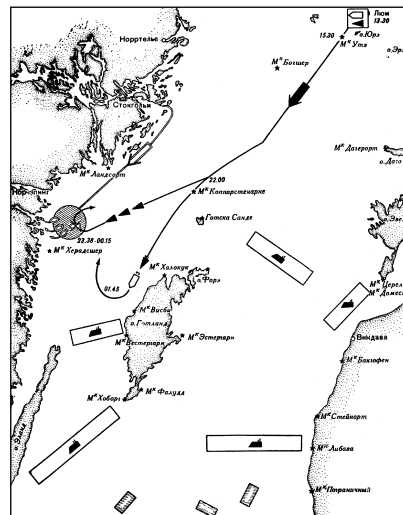
М.П. Саблин



К.Ф. Кетлинский

Набег на германский конвой в Норчепингской бухте 13 июня 1916 г.

Эсминцы «Новик», «Победитель» и «Гром»



топленных германских транспортах. При этом названия, тоннаж, фамилии капитанов или любые иные данные, позволяющие идентифицировать эти суда, в нашей литературе, разумеется, отсутствуют. Сложилась ситуация, весьма напоминающая миф о японском миноносце, якобы потопленном крейсером «Варяг» во время боя у Чемульпо в 1904 году — его название «не удастся» выяснить уже в течение более чем ста лет.

К сожалению, лишь немногие историки, вынося суждения о потерях противника, взяли на себя труд принять во внимание двусторонние данные и, как следствие, демонстрируют более взвешенный взгляд на результаты набеговых действий легких сил Балтфлота на германские коммуникации в кампании 1916 года²⁶.

ЕДИНСТВЕННЫЙ шанс одолеть в бою неприятельский боевой корабль специальной постройки представился А.В. Колчаку уже в Черном море. 22 июля 1916 года, спустя три дня после вступления в должность командующего Черноморским флотом, вице-адмирал А.В. Колчак впервые поднял свой флаг на дредноуте и вывел в море отряд боевых кораблей в составе линкора «Императрица Мария», крейсера «Кагул» и нефтяных эсминцев «Счастливый», «Дерзкий», «Гневный», «Беспокойный» и «Пылкий», намереваясь перехватить германо-турецкий малый крейсер «Бреслау» («Мидилли»). Последний, как явствовало из полученной накануне разведывательной информации, вышел в восточную часть моря и, как предположили в штабе флота, «имеет, вероятно, целью действия на путях морского подвоза Кавказской армии»²⁷ (в действительности задача «Бреслау» заключалась в постановке минного заграждения у Новороссийска с последующими действиями на коммуникациях русских в северо-восточной части моря)²⁸. Проложив



курс к мысу Бафра-Бурну, командующий выдвинул вперед «завесу» из быстроходных эскадренных миноносцев — единственных кораблей Черноморского флота, способных догнать 27-узловый неприятельский крейсер и принудить его к бою, или, как говорят англичане, «зафиксировать» противника.

Около 13.30 на меридиане Синопа корабль противника был обнаружен, но после 6-часового преследования оторвался от русского соединения и на следующее утро благополучно вошел в Босфор. За время погони «Бреслау» из-за не слишком рационального маневрирования его командира корветтен-капитана В. фон Кнорра трижды попал под огонь 12-дюймовых орудий «Императрицы Марии» (капитан 1 ранга князь В.В. Трубецкой) и несколько раз вступал в перестрелку с эсминцами, однако смог избежать гибели из-за неспособности А.В. Колчака эффективно управлять силами в быстро меняющейся обстановке. В течение всего боя командующий флотом лично через голову находившегося на «Счастливом» начальника минной брига-

ды контр-адмирала М.П. Саблина (не говоря уже о начальнике 1-го дивизиона миноносцев капитане 1 ранга Н.Н. Савинском, державшем брейд-вымпел на «Дерзком») отдавал приказы напрямую командирам миноносцев, но не смог реализовать 3—4-узловое преимущество русских эсминцев в скорости и отрезать «Бреслау» от Босфора. Очевидно, что в этих условиях простой маневр — вывод дивизиона эскадренных миноносцев в голову противника с последующим навязыванием боя или хотя бы сковыванием его маневра — снизил бы генеральную скорость «Бреслау» и, возможно, позволил «Императрице Марии» нагнать германский крейсер. Однако Александр Васильевич предпочел весьма сложный и, как выяснилось, неэффективный маневр по захвату цели «в клещи», требовавший раздельного маневрирования миноносцев в условиях интенсивного «зигзагирования» неприятельского корабля на максимально возможном ходу и огня 150-мм орудий «Бреслау», который серьезно затруднял действия русских миноносцев, вооруженных 102-мм артиллерией. Вице-адмирал А.В. Колчак фактически отстранил штатных начальников от управления силами в бою, при этом сам, находясь на отставшем линкоре, на завершающем этапе преследования уже не владел тактической обстановкой и упустил противника. Правда, и М.П. Саблин с некоторым скептицизмом оценивал возможности своих эсминцев в действиях против хорошо вооруженных неприятельских крейсеров в дневное время²⁹, следствием чего стала его скорая замена в должности начальника

минной бригады князем В.В. Трубецким — выдающимся миноносным командиром и флагманом Великой войны.

ПРИ АНАЛИЗЕ причин этой неудачи обращает на себя внимание тот факт, что тактические просчеты командующего флотом наложились на откровенно слабый оперативный замысел поисковых действий. Кажется очевидным, что попытка перехватить быстроходный неприятельский корабль в открытом море имела мало шансов на успех. Об этом свидетельствовали нехитрые тактические расчеты и богатый опыт кампаний 1914—1916 гг. Вероятно, целесообразней было развернуть группу «Императрицы Марии» к устью Босфора и преградить неприятельскому крейсеру путь в пролив, организовав постановку «маневренных» минных заграждений для пресечения ночного прорыва «Бреслау». Видимо, стоило сразу направить в предпроливную зону и подводную лодку, которая через 24—28 часов могла прибыть в район боевого предназначения. В действительности же «Морж» старшего лейтенанта В.В. Погорецкого вышел из Севастополя только в 18 часов 22 июля, то есть почти через сутки после получения сведений о появлении германского крейсера в Черном море³⁰. Что же касается безусловно важной задачи прикрытия коммуникации у побережья Аджарии и Восточной Анатолии, на которой сосредоточил все свое внимание командующий флотом, то ее решение можно и нужно было возложить на корабельную группировку начальника морских сил в юго-восточной части моря вице-адмирала П.И. Новицкого, специально для этого сосредоточенную в Батуме. Целой бригаде линейных кораблей, усиленной крейсерами, миноносца-



Начальник минной дивизии Балтийского моря контр-адмирал А.В. Колчак
1916 г.

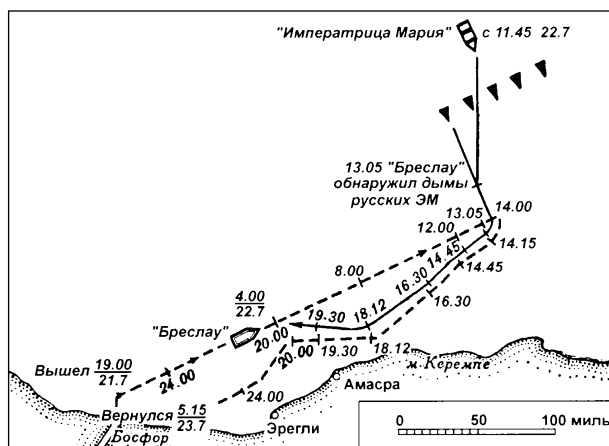
ми и подводными лодками, как нам кажется, было вполне под силу отразить нападение «Бреслау» — не самого мощного корабля даже среди представителей своего класса.

К чести А.В. Колчака, он сделал из своего неудачного опыта правильные выводы. Убедившись в неуместности экспромтов при решении столь сложных задач, комфлот поручил своему штабу разработать план «операции флота в случае выхода в море неприятельских крейсеров». В основу ее замысла было положено преследование противника дредноутом «Императрица Екатерина Великая» с одновременным развертыванием в предпроливную зону 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирала В.К. Лукина. В первых числах декабря 1916 года флот произвел «учебное маневрирование» для отработки этих действий, при этом противника «условно обозначал» крейсер «Па-

мать Меркурия», а за устье Босфора был принят мыс Керемпе³¹. Проведенное оперативное учение вроде бы подтвердило возможность перехвата неприятельских крейсеров таким манером, но проверить это на практике А.В. Колчаку так и не удалось — за все время его командования флотом ни «Гебен», ни «Бреслау» в Черном море более не показывались. Александр Васильевич, увы, упустил свой единственный шанс.

Итак, во всех случаях, когда А.В. Колчаку в качестве самостоятельного начальника приходилось иметь дело с морским противником, он располагал многократным превосходством в силах, однако в сложной обстановке и при энергичном и умелом противодействии со стороны неприятеля обнаруживал несостоятельность в управлении силами. В двух из трех боевых соприкосновений с противником личные тактические просчеты А.В. Колчака привели к срыву решения поставленных задач. Увы, шедевров военно-морского искусства Александр Васильевич не создал, и весьма расхожая характеристика будущего верховного правителя как «блестящего тактика» содержит, видимо, некоторое преувеличение.

ЕЩЕ ОДНИМ общим местом в отечественной военно-исторической литературе стал тезис о том, что в первые месяцы мировой войны капитан 1 ранга А.В. Колчак являлся едва ли не главным действующим лицом на Балтийском флоте — «мозгом и душой боевых действий на Балтике»³². Основоположником этой историографической традиции является, вероятно, контр-адмирал М.И. Смирнов³³ — ближайший сподвижник А.В. Колчака в последние годы жизни. В 1930 году Михаил Иванович опубликовал биографический очерк о Колчаке,

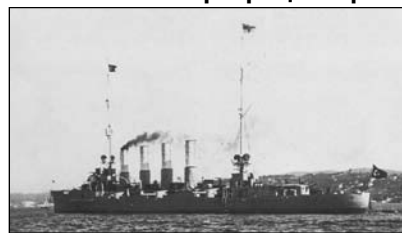


Бой линейного корабля «Императрица Мария» с легким крейсером «Бреслау»
22 июля 1916 г.



Линейный корабль «Императрица Мария»

Легкий крейсер «Бреслау»
Октябрь 1917 г.



где, среди прочего, заметил: «А.В. Колчак как флаг-капитан оперативной части руководил всеми операциями флота и лично участвовал в выполнении их»³⁴.

Остается только гадать, что подвигло весьма опытного в штабной службе офицера на столь странное утверждение. Мы ни в коей мере не пытаемся умалить роль А.В. Колчака как генератора оригинальных, а порой дерзких оперативных идей, некоторые из которых легли в основу замыслов и решений на операции и боевые действия Балтийского флота в кампаниях 1914 и 1915 годов. Однако отметим, что флаг-капитан по оперативной части (современный аналог — начальник оперативного управления штаба флота) в соответствии со своими функциональными обязанностями³⁵ не принимал решений на применение сил флота и не управлял ими. Управление силами, в том числе в ходе минно-заградительных действий в южной части моря в первые месяцы войны, успех которых принято полагать заслугой А.В. Колчака, являлось естественной прерогативой командующего флотом адмирала Н.О. фон Эссена. Непосредственное же руководство корабельными минно-заградительными группами в ходе постановок активных заграждений осуществляли соответствующие ответственные командиры (например, начальник полудивизиона миноносцев особого назначения капитан 2 ранга К.В. Шевелев³⁶), а при привлечении крейсеров и минных заградителей в качестве постановщиков мин, а также соединений тяжелых кораблей в качестве оперативного прикрытия в командование силами вступал, как правило, начальник штаба командующего Балтийским флотом контр-адмирал (с декабря 1914 г. — вице-адмирал) Л.Б. Кербер³⁷.

Флаг-капитан по оперативной части дважды лично участвовал в минных постановках в неприятельских водах. Однако в знаменитой «новогодней» (13—14 января 1915 г.) постановке в юго-западной Балтике А.В. Колчак не командовал отрядом крейсеров (как полагает, например, И.Ф. Плотников), а входил в состав походного штаба контр-адмирала В.А. Канина (флаг на крейсере «Россия»), который управлял участвовавшими в операции силами. Лишь однажды — в феврале 1915 года — А.В. Колчак принял на себя временное командование «полудивизионом особого назначения» и в тяжелых погодных условиях блестяще выполнил рискованную постановку 140 мин в Данцигской бухте³⁸. Однако даже этот подвиг не дает, как нам кажется, оснований согласиться с тезисом о том, что «отважные русские моряки при самом деятельном и непосредственном участии Колчака неоднократно и удачно блокировали в собственных водах и портах вражеские корабли». А утверждение о гибели на «данцигском» заграждении «4 крейсеров, 8 миноносцев и 11 транспортов»³⁹ настолько абсурдно, что едва ли нуждается в комментариях.

АНАЛИЗИРУЯ деятельность А.В. Колчака на посту командующего Черноморским флотом (июль 1916 года — июнь 1917 года), нельзя обойти вниманием «минную блокаду» Босфора, которая справедливо оценивается и отечественными, и зарубежными специалистами как одно из выдающихся достижений российского флота периода Первой мировой войны. Не подлежит сомнению, что Александр Васильевич проявил себя как «мастер оперативно-тактического использования минного оружия»⁴⁰. Однако исследуя роль А.В. Колчака в успехе

минно-заградительных действий Черноморского флота во второй половине 1916 и начале 1917 года, необходимо, на наш взгляд, привлечь во внимание несколько весьма существенных обстоятельств.

Значительная и, возьмем на себя смелость утверждать, наиболее удачная в тактическом отношении часть минных заграждений у устья Босфора была выставлена еще до вступления А.В. Колчака в должность комфлота. С августа 1914 по июль 1916 года разнородными силами Черноморского флота были поставлены три заграждения в предпроливной зоне и непосредственно в горле Босфора, не считая еще четырех на подходах к азиатскому проливу Трапезунд, Платана, Уние и Самсун. В первые две военные кампании в устье Босфора были выставлены около тысячи мин — пятая часть поставленных здесь за всю войну⁴¹. Не имея возможности «завалить» минами всю предпроливную зону (из-за отсутствия достаточного минного запаса и, главное, определенных директив ставки на сей счет), адмирал А.А. Эбергард ставил мины «точно», на вскрытых или предполагаемых маршрутах развертывания неприятельских кораблей и судов.

О тактической ценности этих минных заграждений говорят неприятельские потери. На первом заграждении в предпроливной зоне, поставленном в ночь на 6 ноября 1914 года эсминцами нефтяного дивизиона капитана 1 ранга М.П. Саблина, 2 января 1915 года подорвался минный крейсер «Берк-И Сатвет», выбывший из строя до конца войны, и, по всей вероятности, погиб минный заградитель «Нилуфер» (около 19 ноября 1914 г.⁴². «Гебен», а затем и «Бреслау» (26 декабря 1914 г. и 18 июля 1915 г. соответственно) получили тяжелые повреждения на минах, выставленных заградителями контр-адмирала Н.Г. Львова 21 декабря 1914 года⁴³. «Из восьми оперировавших на этом морском театре германо-турецких боевых судов за 8½ месяцев войны пять судов подорвались на русских минах... Как же после таких достижений понять распространенное в ту пору в общественных кругах в Петрограде и среди чинов морского ведомства направленное против адмирала-командующего Эбергарда обвинение в том, что адмирал недостаточно пользовался минным оружием [?] Кто пустил этот зловерный, неправдоподобный слух, со-



Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак и начальник 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирал Свиты Е.И.В. С.С. Погуляев на палубе «Императрицы Марии»
Сентябрь 1916 г.

здавая миф, остается невыясненным», — писал впоследствии капитан 2 ранга Н.С. Чириков⁴⁴.

Важно иметь в виду, что до конца лета 1916 года в директивах Ставки задача минной блокады Босфора Черноморскому флоту не ставилась. Показательно, что из обещанных в начале 1915 года 4500 мин флот получил только 900, а в августе—сентябре 1915 года верховное командование нашло возможным даже уменьшить минный запас Черноморского флота, передав на Балтику 1047 мин⁴⁵. Тем не менее оперативная часть штаба флота ставила широкомасштабную минно-заградительную операцию в устье Босфора на повестку дня. Любопытно, что «закупорка» пролива минами, осуществленная во второй половине 1916 года, была спланирована и в значительной мере подготовлена еще при А.А. Эбергарде⁴⁶, хотя успех этого предприятия принято приписывать исключительно «неуемной энергии» А.В. Колчака.

Новый комфлот оказался в совершенно иной ситуации. Заехав в Ставку по пути в Севастополь, А.В. Колчак получил карт-бланш на блокаду пролива всеми доступными средствами⁴⁷, а директива начальника Морского штаба Главковерха адмирала А.И. Русина от 23 августа 1916 года впервые формулировала задачу «воспрепятствования выходу судов противника в Черное море» как важнейшую⁴⁸.

И наконец главное. Бесспорно, массированные минно-заградительные действия Черноморского флота весьма существенно затруднили неприятелю плавание в предпроливной зоне, однако собственно блокады Босфора, то есть полного пресечения выхода неприятеля в Черное море, А.В. Колчаку добиться не удалось. Германно-турецкий флот не располагал силами и средствами для постоянного поддержания фарватеров в устье пролива в безопасном от мин состоянии, но при необходимости вводил и выводил из пролива свои корабли и суда, организуя контрольные разведывательные поиски мин с последующим проделыванием проходов в заграждениях (иногда практиковалось противоминное охранение выходивших кораблей способом проводки за тралами). Примером подобных действий может служить успешный ввод в Босфор крупных транспортов «Патмос» (1097 брт) и «Гиресун» (3056 брт), прибывших в

Константинополь из Зунгулдака с грузом угля 21 сентября и 2 октября 1916 года соответственно⁴⁹. Главная ударная сила оттоманского флота — крейсера «Гебен» и «Бреслау» — в конце 1916 и в первой половине 1917 года не появлялись в Черном море не потому, что прибросфорские минные заграждения стали для них непреодолимой преградой, а потому, что в это время оба корабля стояли в ремонте и устраняли боевые повреждения, полученные в течение двух предыдущих кампаний. При этом «Бреслау», по существу, проходил модернизацию с окончательным перевооружением со 105-мм артиллерии на 150-мм и переводом отопления котлов с угля на нефть. Часть орудий и команд была снята с крейсеров и использовалась на суше⁵⁰. В июне 1917 года с завершением работ на «Бреслау» крейсер был выведен из Босфора по протраленному фарватеру и совершил успешный рейд в северо-западную часть Черного моря. Результатами этой «диверсии» стали уничтожение радиостанции и маяка на о. Фидониси с захватом в плен части его гарнизона, а также гибель эскадренного миноносца «Лейтенант Зацаренный» и 37 членов его экипажа на минах, поставленных неприятельским крейсером в 2,5 милях юго-восточнее этого острова⁵¹.

Рассуждая о причинах далеко не однозначных результатов блокирующих действий Черноморского флота при А.В. Колчаке, необходимо, на наш взгляд, исходить из следующего.

ОДИН из важнейших уроков первых кампаний мировой войны заключался в том, что в условиях существования разнородных флотов неизменными условиями эффективного решения задачи блокады пункта или участка побережья противника (как, впрочем, и любой другой задачи) стали оперативное, а по возможности и тактическое взаимодействие разнородных сил и комплексное использование всех видов морского оружия. Предшественник А.В. Колчака на посту комфлота адмирал А.А. Эбергард и его флаг-капитан по оперативной части 1 ранга К.Ф. Кетлинский⁵² не без успеха пытались превратить этот тезис в жизнь и творчески подошли к решению проблемы нарушения неприятельского судоходства в так называемом угольном районе (Зунгулдак — Эрегли) и в предпроливной зоне. Для нарушения морских перево-

зок противника в 1914—1916 гг. флот проводил целый комплекс мероприятий и действий на всем протяжении 600-мильной коммуникационной линии Босфор — Трапезунд: поиск турецких судов корабельными группами, артиллерийские и авиационные удары по портам, постановка активных минных заграждений, «закупорка» брандерами Зунгулдака — важнейшего угольного порта гераклийского побережья (попытка, правда, закончилась неудачей). При этом А.А. Эбергард и К.Ф. Кетлинский привнесли в организацию действий против судоходства противника целый ряд новаций, постепенно наращивая привлекаемые силы и средства и расширяя спектр применения сил и способов действий. Так, в использовании подводных лодок позиционный способ к концу кампании 1915 года уступил место крейсерству в ограниченном районе. Разрабатывались и внедрялись в боевую практику новые способы применения легких надводных сил. Примерами таковых могут служить нанесение внезапного одновременного удара несколькими (до семи) корабельными ударными группами (по два эскадренных миноносца в каждой) по всей длине коммуникационной линии турок в юго-восточной части моря, управление самостоятельными действиями эсминцев после выхода их из базы (наведение по радио на объекты, обнаруженные другими силами и средствами). Для поражения грузовых судов в портах впервые применялась авиация корабельного базирования. С вступлением в строй дредноутов «Императрица Мария» (июнь 1915 г.) и «Императрица Екатерина Великая» (октябрь 1915 г.) и формированием трех тактических (в документах того времени — «маневренных») корабельных групп, поочередно выходивших в район боевого предназначения, действия флота по нарушению неприятельских сообщений переросли в блокаду как высшую форму борьбы на коммуникациях⁵³.

В свою очередь А.В. Колчак и М.И. Смирнов (флаг-капитан по оперативной части, а затем начальник штаба нового командующего Черноморским флотом) не сумели или не захотели увидеть современных тенденций в развитии военно-морского искусства и сделали ставку на единственное блокирующее средство — минное оружие, резко сократив объемы и

интенсивность применения маневренных сил на неприятельских морских сообщениях.

Управленческая деятельность А.В. Колчака в годы Первой мировой войны лишней раз подтвердила очевидную истину — «перескакивание» через ступени служебной лестницы не способствует повышению компетентности начальника, пусть даже не лишённого военных талантов и подающего большие надежды. Споры нет, излишне формализованная «цензурная» система назначений и чинов производства, существовавшая в нашем флоте с 1885 года и ставшая одной из важнейших причин поражения в войне с Японией, требовала модернизации. Однако и другая крайность — игнорирование морского, боевого и командного опыта и личных заслуг претендентов на высокие руководящие посты — не принесла ожидаемого эффекта в 1916 году⁵⁴, при назначении на должности командующих флотами «молодых и энергичных» А.В. Колчака и А.И. Непенина⁵⁵. Правда, последний в отличие от А.В. Колчака не успел в полной мере проявить себя в должности комфлота — еще до начала кампании 1917 года, в дни Февральской революции, Адриан Иванович трагически погиб в Гельсингфорсе. Однако первые шаги А.И. Непенина на посту командующего дают некоторые основания для сомнений в уместности этого назначения⁵⁶.

ПО НАШЕМУ мнению, боевая биография А.В. Колчака совершенно не нуждается в панегириках, которые своей нелепостью зачастую превосходят пассажи советской пропаганды, десятилетиями демонизировавшей образ адмирала и совершенно отвергавшей его очевидные заслуги в науке и военном деле. Неуклюжие «литературные гиперболы», широко распространившиеся в современных исторических сочинениях, отнюдь не способствуют созданию объективного исторического портрета А.В. Колчака. Они лишь вызывают естественное отторжение у читателя, имеющего хоть некоторое представление об основах строительства и применения военно-морского флота. Как нам кажется, этот выдающийся человек имеет достаточно реальных заслуг, не нуждающихся в несуразном приукрашивании. «Репутация опасна, особенно когда она превращается в шутку»⁵⁷, — справедливо замечает А.С. Кручинин в предисловии к книге С.П.

Мельгунова, ставшей одним из первых и наиболее основательных исследований деятельности верховного правителя России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Колчак Александр Васильевич** (14(16).11.1874 — 7.2.1920) — адмирал (1918). Окончил Морской кадетский корпус (1894), произведен в лейтенанты (1900). Участник полярных экспедиций 1900—1903 и 1908—1911 гг. (гидролог). В Русско-японскую войну 1904—1905 гг. командовал миноносцем «Сердитый», затем береговой батареей в Порт-Артуре, находился в плену. В 1906—1909 и 1911—1914 гг. служил в Морском генеральном штабе. В 1909—1911 гг. — преподаватель Николаевской морской академии. В Первую мировую войну — начальник оперативного отдела штаба Балтийского флота (1914), с 1915 г. — командир минной дивизии. С июля 1916 г. — командующий Черноморским флотом. Награжден орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Георгия 3-й и 4-й степеней, Золотым оружием «За храбрость» (1905), а также иностранными орденами. После Февральской революции 1917 г. осудил поспешные действия Временного правительства по демократизации армии. Под давлением матросских масс был отозван в Петроград и в августе 1917 г. направлен в командировку в Великобританию и США. В декабре 1917 г. принят на британскую военную службу. С конца 1918 г. — один из руководителей Белого движения в России. По постановлению Иркутского большевистского военно-революционного комитета расстрелян 7 февраля 1920 г.

² *Богданов К.А.* Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993; *Краснов В.Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1, 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2003; *Смирнов А.* Отец и сын. Штрихи к портрету // *Колчак В.И., Колчак А.В.* Избранные труды. СПб.: Судостроение, 2001; *Синюков В.В.* Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М.: ЗАО «КнюРус», ООО «Корвет», 2004 и др.

³ *Савич Н.* Три встречи (А.В. Колчак и Госуд[арственная] Дума) // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. [Т.] Х. Берлин, 1923. С. 171, 172.

⁴ Цит. по: *Плотников И.Ф.* Указ. соч. С. 61.

⁵ Здесь и далее даты приведены по новому стилю.

⁶ **Русин Александр Иванович** (1861—1956) — адмирал (1916). Выпускник Морского училища (1882) и Гидрографического отдела Николаевской морской академии (1888). Морской агент в Японии (1899—1904), исполняющий должность начальника морской походной канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами против Японии (1905). Командир эскадренного броненосца «Слава» (1905—1907). Начальник Николаевской морской академии (1908—1910) и директор Морского корпуса (1908—1913). Начальник Главного морского штаба (1913—1914). В годы мировой войны — начальник Морского

генерального штаба (1914—1917) и одновременно Морского штаба Верховного главнокомандующего (1916—1917). С июня 1917 г. в отставке. После Гражданской войны жил в эмиграции, возглавлял Всезарубежное объединение русских морских организаций. Умер в Каабланке.

⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 184. Л. 2—13.

⁸ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции. [Т.] Х. С. 209, 210.

⁹ См. подробнее: «Государь император очень любит и ценит адмирала Эбергарда». К истории первой попытки смещения командования Черноморского флота. 1914—1915 гг. (публ. Д.Ю. Козлова) // Исторический архив. 2004. № 3. С. 23—40.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 426. Л. 111.

¹¹ *Граф Г.К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 152.

¹² *Старк Г.К.* Моя жизнь. СПб.: Цитадель, 1998. С. 117, 118.

¹³ **Канин Василий Александрович** (1862—1927) — адмирал (1916), член Государственного совета (1916) и Адмиралтейств-совета (1917). Окончил Морское училище (1882). Командовал миноносцами «Орел», «Глухарь» (1885), канонерской лодкой «Кубанец» (1907—1908), линкором «Синоп» (1908—1911), 4-м дивизионом миноносцев (1911), отрядом заградителей (1913—1915). Начальник минной обороны Балтийского моря (1915), командующий флотом Балтийского моря (1915—1916). Второй помощник морского министра, член совещания по судостроению (1917). С декабря 1917 г. в отставке. Во время Гражданской войны командовал белым Черноморским флотом (1919). Умер в эмиграции в Марселе. Кавалер Георгиевского оружия (1915).

¹⁴ Цит. по: Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964. С. 228.

¹⁵ **Трухачев Петр Львович** (1867—1916) — вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1887). В Русско-японскую войну командовал миноносцем «Бесстрашный», в 1906 г. исполнял должность заведующего миноносцами Владивостокского порта. С 1906 г. — в Гвардейском экипаже. Командир яхты «Марево» (1909—1910), эсминца «Войсковой» (1910—1912), крейсера «Олег» (1913—1915). Командующий, затем начальник минной дивизии (1915), начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского моря (1916). Скончался в Новороссийске. Кавалер Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия 4-й ст. (1915).

¹⁶ Флот в первой мировой войне... Т. 1. С. 231.

¹⁷ См. подробнее: *Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л.: Судостроение, 1981. С. 136, 137.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп.1. Д. 555. Л. 110; *Gagem E.*, von. Der krieg in der Ostsee. Dritter Band. Von Anfang 1916 bis zum kriegsende.

Frankfurt/M.: Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1964. S. 31, 32.

¹⁹ Граф Г.К. Указ. соч. С. 175.

²⁰ Рыжонков Г. «Блестящее дело» Колчака // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 3. С. 19.

²¹ Gagem E., von. Op. cit. S. 33.

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 110.

²³ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... С. 201.

²⁴ Флот в первой мировой войне... Т. 1. С. 230, 231.

²⁵ Gagem E., von. Op. cit. S. 33.

²⁶ См., например: Павлович Н.Б. Развитие тактики военно-морского флота. Часть III (от Первой мировой до Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1983. С. 186.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 2.

²⁸ Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914—1918. Hamburg — Berlin — Bonn: Verlag E.S. Mittler & Song GmbH, 1999. S. 140.

²⁹ Лукин А.П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. II. М.: Филология, 1995. С. 41.

³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 148об.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 166, 167.

³² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1 / Предисловие А.С. Кручинина. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 9.

³³ Смирнов Михаил Иванович (1880—1940) — контр-адмирал (1918). Окончил Морской кадетский корпус (1899), военно-морское отделение Николаевской морской академии (1914). Участник Русско-японской войны. Офицер Морского генерального штаба (1906—1910), старший офицер линейного корабля «Слава» (1910—1911). Командир эсминцев «Выносливый», «Казанец» (1914—1915). Русский представитель в союзном морском штабе на начальном этапе Дарданелльской операции (1915). Флагкапитан по оперативной части, затем и.о. начальника штаба Черноморского флота (1916—1917). Член русской военно-морской миссии в США (1917). Управляющий морским министерством правительства А.В. Колчака (1918—1919) и одновременно командующий речной боевой флотилией на Каме (1919). Эмигрировал в Америку, затем жил во Франции и Англии. Скончался в Лондоне. Кавалер Георгиевского оружия (1916).

³⁴ Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (Краткий биографический очерк). [Париж]. Изд. Военно-морского союза, [1930]. С. 18.

³⁵ Положение об оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря в военное время. Типография штаба командующего флотом Балтийского моря, 1915. С. 3—7.

³⁶ Шевелев Клавдий Валентинович (1881—1971) — контр-адмирал (1919). Окончил Морской кадетский корпус (1901), военно-морское отделение (1911) и дополнительный курс (1912) Николаевской морской академии. Участник Русско-японской войны. Старший флаг-офицер (1912—1913), и.д. начальника распорядительной части (1913—1914) штаба командующего морскими силами Балтийского моря. Командир эсминцев «Генерал Кондратенко» (1914—1916),

«Изяслав» (1916). Начальник 13-го дивизиона миноносцев Балтийского моря (1916—1918). С января 1918 г. — в отставке. В годы Гражданской войны — в Сибири у А.В. Колчака. В эмиграции жил в Югославии, Германии, США. Скончался в Сан-Франциско.

³⁷ Кербер Людвиг Бергардович (с ноября 1916 г. — Коврин Людвиг Федорович) (1863—1919) — вице-адмирал (1914). Окончил Морское училище (1884), военно-морское отделение Николаевской морской академии (1902). Участвовал в боевых действиях в Китае (1900), командовал миноносками № 52, № 139 (1902). Во время Русско-японской войны — флагманский интендант эскадры Тихого океана (1904), старший офицер крейсера «Богатырь» (1904—1905), «Россия» (1905—1906). Командовал минным крейсером «Донской казак» (1906), канонерской лодкой «Хивинец» (1908). Морской агент в Англии (1909—1911). Командир линейного корабля «Цесаревич» (1911—1913). Начальник штаба командующего морскими силами (с августа 1914 г. — флотом) Балтийского моря (1913—1915). Командующий эскадрой Балтийского моря (1915—1916). Член Адмиралтейств-совета (1915), председатель Совещания по морским перевозкам (1916). Главноначальствующий г. Архангельском и Беломорским водным районом, командующий флотилией Северного Ледовитого океана (1916—1917). С декабря 1917 г. — в отставке. Умер в Англии. Кавалер Георгиевского оружия (1914).

³⁸ Подробнее см.: Гельмерсен П. Заградительные операции Балтийского флота у Германского побережья в 1914—1915 гг. // Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг.: Госиздат, 1922. С. 85—126; Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914—1918 гг. Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940; и др.

³⁹ Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 55.

⁴⁰ Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. С. 5.

⁴¹ Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Указ. соч. С. 31—41, 53.

⁴² Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Op. cit. S. 30, 39.

⁴³ Чириков Н.С. Минная война в Черном море. Постановки мин заграждения обоими противниками за время войны 1914—1917 гг. (рукопись). Париж, 1938. С. 13—15.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 846. Л. 36.

⁴⁶ Шломин В.С. Боевые действия русского Черноморского флота в кампанию 1916 г. (рукопись). Л., 1954—55.

⁴⁷ Смирнов М. Минные заграждения у Босфора // Часовой. 1929. № 17—18. С. 18.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 184. Л. 69.

⁴⁹ Langensiepen B., Güteryüz A. The Ottoman Steam Navy 1828—1923. London: Conway Maritime Press, 1995. P. 51.

⁵⁰ Лорей Г. Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг. / Пер. с нем. СПб.: Полигон, 2004. С. 389—391, 401.

⁵¹ Флот в первой мировой войне... С. 528; Пузыревский К.П. Повреждения кораблей от подводных взрывов и борьба за живучесть. По историческим материа-

лам мировой войны 1914—1918 годов. СПб., 2000. С. 130.

⁵² Кетлинский Казимир Филиппович (1875—1918) — контр-адмирал (1917). Окончил Морской кадетский корпус (1895) и Артиллерийский офицерский класс (1902). Во время Русско-японской войны, будучи старшим артиллеристом эскадренного броненосца «Ретвизан», предложил организовать перекидную стрельбу через Ляотешань по японским кораблям, бомбардировавшим Порт-Артур. С 1904 г. — флагманский артиллерист морского походного штаба наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева, с 1906 г. — флагарт штаба командующего отдельным практическим отрядом Черного моря, с 1908 г. — флагарт штаба командующего морскими силами Черного моря. Старший офицер линейного корабля «Иоанн Златоуст» (1909—1911), преподаватель Николаевской морской академии (1913). С началом мировой войны — флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря. Летом 1916 г. назначен командиром крейсера «Аскольд»; привел корабль из Средиземного моря в Англию, а затем на Крайний Север. С сентября 1917 г. — начальник Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов. Убит в Мурманске неизвестными.

⁵³ Козлов И.А. Действия русского Черноморского флота на морских сообщениях в первую мировую войну // Морской сборник. 1951. № 10. С. 76—93; Козлов Д.Ю. Некоторые аспекты опыта оперативного применения сил российского флота в Первую мировую войну // Военная мысль. 2005. № 5. С. 73—80.

⁵⁴ Подробнее см.: Петров М. Кризис морского командования в 1916 г. // Морской сборник. 1926. № 8—9. С. 3—19.

⁵⁵ Непенин Адриан Иванович (1871—1917) — вице-адмирал (1916). Окончил Морское училище (1892). Участвовал в боевых действиях в Китае (1900—1901) и Русско-японской войне (командир миноносцев «Расторопный», затем «Сторожевой»). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (1905). Командир миноносца «Прозорливый» (1907), начальник 2-го (1908—1909), 8-го (1909) дивизионов миноносцев на Балтике, командир канлодки «Храбрый» (1909—1911). Начальник службы связи Балтийского моря (1911—1916), одновременно (1914—1915) командующий морской обороной приморского фронта крепости императора Петра Великого. Командующий Балтийским флотом (1916—1917). Убит в Гельсингфорсе в дни Февральской революции..

⁵⁶ Подробнее см.: К истории назначения вице-адмирала А.И. Непенина командующим Балтийским флотом (по письмам и дневникам). (Публикация А.Ю. Емелина, К.Л. Козуренка) // Кортик. Вып. 1 (2003). С. 40—55; Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб.: Цитатель, 1998. С. 57—60.

⁵⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 6.

**Капитан 1 ранга
Д.Ю. КОЗЛОВ;
капитан 1 ранга
Е.Ф. ПОДСОБЛЯЕВ;
капитан 1 ранга запаса
В.Ю. ГРИБОВСКИЙ**

«МЫ, ВОЕННЫЕ СВЯЩЕННИКИ, ВСЕМ СЕРДЦЕМ ПРИВЕТСТВУЕМ ОБНОВЛЕНИЕ РОДИНЫ НАШЕЙ НА НАЧАЛАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ...»

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ в статье документы характеризуют политические взгляды значительной части армейского и флотского духовенства Русской православной церкви (РПЦ) в указанный период: его отношение к свержению монархии в России и установлению власти Временного правительства, к деятельности последнего, дают понятие о желаемых священнослужителями моделях власти и о связи церкви и государства в стране¹. В пользу этих моделей в марте—июле 1917 года высказывались съезды и собрания священно- и церковнослужителей не только в городах, уездах, губерниях, но и в гарнизонах, армиях, на фронтах и флотах России². Публикуемые материалы иллюстрируют и работу военного и морского духовенства по религиозно-нравственному воспитанию³ среди личного состава армии и флота.

В марте—апреле 1917 года церковные съезды собирались по инициативе или самих рядовых священнослужителей, или местных архиереев. 5 мая определением Святейшего Синода РПЦ всему российскому духовенству было дано официальное разрешение на проведение на местах различных съездов с участием представителей духовно-учебных заведений и прихожан. Здесь обсуждались не только вопросы, касающиеся местных дел, но и проблемы, вызванные происшедшими переменами в российской политической жизни⁴. По каждому вопросу съезды принимали решения в виде отдельных резолюций, отражая свои позиции в текстах приветственных телеграмм, направлявшихся, например, Временному правительству или Государственной думе.

Документы выявлены в центральных архивах: Российском государственном историческом ар-

хиве (РГИА) — Ф. 796 (Канцелярия Святейшего Синода) и Ф. 1278 (Государственная дума); Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) — Ф. 2044 (Управление главного священника армий Северного фронта. 1915—1918 гг.); Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) — Ф. 1778 (Канцелярия министра-председателя Временного правительства); Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ) — Ф. 715 (Штаб начальника речных сил на Дунае).

Из общего объема постановлений съездов (собраний) военного и морского духовенства публикуются лишь материалы, касающиеся политических вопросов: участия клириков в общественно-политической жизни страны, отношения к войне, предстоящих выборов в Учредительное собрание и т.д. При этом некоторые резолюции уже в самих источниках приводятся или в сокращенном виде, или в изложении.

Кроме того, на съездах обсуждались такие проблемы, как введение на выборных началах церковных должностей, реорганизация духовных управлений, проповедническая и благотворительная деятельность, выдача пособий осиротевшим семьям, избрание делегатов на всероссийские съезды и на Поместный собор РПЦ⁵.

Приводимые документы дают представление об эволюции взглядов военного духовенства от выражения им в марте радости по поводу Февральской революции и высказывания оптимистических надежд о будущем России (прил. 1, 2) до тревоги и озабоченности в начале июля разрастающимися в стране кризисными явлениями (прил. 11).

Следует особо отметить материалы съезда духовенства и ми-

Материалы из истории православного военного и морского духовенства (март—июль 1917 г.)

рян Донской епархии (прил. 4, 5), который состоялся в Новочеркасске в конце апреля 1917 года. В церковно-административном отношении территория вышеназванной епархии совпадала с землей Войска Донского⁶, а деятельность РПЦ в казачьих землях находилась под строгим контролем войскового начальства⁷, поэтому документы этого съезда характеризуют политические взгляды духовенства крупнейшего в России казачьего войска.

Публикация телеграмм осуществляется по форме, принятой в печатных источниках того времени. Тексты телеграмм, опубликованных на страницах церковной и светской периодики весной и летом 1917 года, как правило, не подписаны их непосредственными отправителями. В печатных источниках указывается лишь информация о том, кому и от имени какого съезда (собрания) духовенства эти телеграммы были посланы (прил. 4).

Однако практически во всех подлинниках приветственных телеграмм, хранящихся в архивных фондах, мы найдем подписи их непосредственных отправителей — председателей съездов, секретарей церковных собраний и благочинных. В некоторых случаях число фамилий достигает десятка. Поэтому, чтобы не перечислять всех указанных под публикуемыми документами должностей, санов и фамилий священно- и церковнослужителей, указывается только наличие подписи епископа (имярек) (прил. 2) и главных священников армии или флота (прил. 1, 6).

В большинстве телеграмм, представляющих собой наклеенную на почтовые бланки телеграфную ленту, отсутствуют знаки препинания, иногда и предлоги. В процессе подготовки публикации составитель устранил эти пробелы.

В некоторых документах не удалось установить точной даты их выхода. В таком случае указывается ориентировочная хронология: или день заседания церковного съезда (прил. 7, 8, 12), или дата, установленная по порядковому расположению телеграммы в архивном деле.

Публикуемые материалы расположены в хронологическом порядке, печатаются согласно современному правописанию с сохранением стилистики оригиналов. Сокращения раскрыты в угловых скобках. Пропуски в тексте отмечены отточием. Все даты приводятся по старому стилю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Телеграмма председателю Государственной думы М.В. Родзянко⁵ духовенства Черноморского флота и гарнизона Севастополя

8 марта 1917 г.

Духовенство Черноморского флота и гарнизона Севастополя просит ваше высокопревосходительство и в вашем лице Государственную думу принять наш привет и поздравление с завершением великого государственного переворота. Молим Господа, да ведет Он дорогую Родину нашу от силы в силу по новому славному пути. Верим, что скоро на соборе⁹ церковь скажет свое мощное слово, согретое евангельской правдой.

Главный священник Черноморского флота Георгий СПАССКИЙ¹⁰

РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292. Л. 39. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Телеграмма М.В. Родзянко архиепископа Приморского и Владивостокского Евсевия (Никольского), владивостокского городского, епархиального и военного духовенства

11 марта 1917 г.

Владивостокское городское, епархиальное и военное духовен-

ство, признав новое народное правительство¹¹ и молясь о благосостоянии возрождающейся родины и победе над врагом, приветствует в лице вашем это правительство.

Архиепископ ЕВСЕВИЙ¹²

РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1292. Л. 61. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Из постановлений собрания делегатов духовенства XII армии Северного фронта

19 апреля 1917 г.

...6) Мы, военные священники, всем сердцем приветствуем обновление Родины нашей на началах политической, гражданской и религиозной свободы, опирающейся на святые устои братства, равенства, любви, взаимного доверия и уважения. Решение Учредительного собрания, созванного из народных избранных на основе прямого равного тайного всеобщего голосования и имеющего определить форму государственного устройства, мы примем как выражение народной мудрости и справедливой могучей народной воли. Мы верим, что в свободном государстве свободная от всякого гнета и давления церковь найдет для себя могучую жизненную опору, силу и счастливые условия для своего процветания. За судьбу ее мы спокойны, ибо Христос с нами во все дни до окончания века и не ложно слово Его: «Не бойся, малое стадо» [Лк. 12, 32]¹³. Церковь и служители ее — пастыри Церкви должны стоять вне политики и вне партий, но не вдали от жизни, ибо Христово учение, благовестниками которого быть — наша задача, есть дух и жизнь. Наша проповедь не в препретельных¹⁴ словах человеческой мудрости, но в явлениях духа и силы, то есть духа и силы любви Христовой ко всем, ибо любовь есть исполнение всего Закона [Божьего]. С этой проповедью мы пойдем к офицеру и солдату, ко всему великому народу русскому, любя Родину, храня святое единение, неся всем религиозное утешение, ценя все справедливое, где бы оно не проявилось, от кого бы оно не исходило. В светлое счастливое будущее свободной России мы верим и ему мы от-

дадим все свои силы: сердце, разум и добрую волю.

7) О постановлении, помещенном в предыдущем параграфе, поставить в известность Временное правительство, Исполнительные комитеты офицерских и солдатских депутатов XII армии и местную прессу.

8) Избрать от духовенства XII армии трех депутатов для участия в заседаниях Исполнительного комитета офицерских и солдатских депутатов XII армии¹⁵.

РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30. Л. 37 об. Машинопись. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Телеграммы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии

26 апреля 1917 г.

Председателю Государственной думы Родзянко:

Донской чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян приветствует Вас, первого гражданина Русской земли, сумевшего в минуту опасности объединить вокруг своего имени всех борцов за свободу и благо Русской земли.

Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 2. Отдел офиц. С. 30; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. 1917. Д. 1292. Л. 161, 163. Подлинники. Два экземпляра¹⁶.

* * *

27 апреля 1917 г.

Председателю Государственной думы Родзянко¹⁷:

Чрезвычайный Донской епархиальный съезд представителей духовенства и мирян ныне, в день открытия первой Государственной думы, горячо приветствует членов этой думы, впервые объявивших широкое применение истинно-христианского акта амнистии борцам за благо народа, жестоко пострадавшим от гнета цезаризма, и желает им успеха в закреплении завоеванных начал свободы, равенства и братства. Выражая свое сочувствие борцам за свободу, съезд отчислил из своих средств десять тысяч рублей на обеспечение их семейств.

Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 2. Отдел офиц. С. 31.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Резолюции чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии¹⁸

26 апреля 1917 г.

По поводу политических событий

Свободно избранные делегаты от духовенства и мирян Донской епархии, собравшись на чрезвычайный епархиальный съезд в г[ороде] Новочеркасске, в своем заседании 26 апреля постановили: 1) выразить свою полную удовлетворенность падением старого режима, тормозившего проявление и развитие лучших стремлений человеческого духа к всеобщей свободе, равенству и братству, и свою полную уверенность, что возврата к старому строю не будет, как строю гибельному для веры, церкви и государства, и что только обновленный строй государственной жизни может дать благо и счастье гражданам единой неделимой России; 2) восхищаясь доблестью и геройством воинов, стойко и бодро защищающих Россию, несмотря на печальные и тяжелые условия, в которые они поставлены преступной деятельностью старой власти, съезд выражает свою твердую уверенность, что война будет доведена до победоносного конца, который будет и концом милитаризма, концом угнетения народов, концом захватов и насилий; 3) с грустью взирая на прошедшие времена церковной жизни, полные стеснений и насилий в делах веры, этого высшего духовного блага каждого человека, съезд с чувством радостного удовлетворения относится к провозглашенным началам свободы исповедания и выражает уверенность, что обновление православной церкви совершится на началах соборности, при деятельном участии клира и мирян, и пожелание скорейшего созыва [Поместного] собора для целей реорганизации церковной жизни.

Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 2. Отдел офиц. С. 29–30; Резолюции чрезвычайного Донского епархиального съезда духовенства и мирян 1917 г. // Донские епарх. ведомости. Новочеркасск, 1917. Приложение к № 17. С. 25, 26.

* * *

По поводу взаимоотношений церкви и государства:

1) так как вера составляет высшую ценность человеческого духа, распоряжение которой при-

надлежит только исповедникам этой веры, съезд признает справедливым и необходимым предоставить свободу вероисповедания всем без различия гражданам государства; 2) православная церковь не претендует на юридическое господство над другими исповеданиями, а признает в себе достаточную силу для развития и укрепления свойственных ей жизненных начал; 3) православная церковь в отношении к государству, положившему в основу жизни принципы справедливости, свободы, равенства и братства, желает установить отношения не разделения, а содружества и сотрудничества в проведении этих принципов в жизнь, причем считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд, не претендуя на исключительность в этом отношении пред другими религиями.

Донская христианская мысль. Новочеркасск, 1917. № 2. Отдел офиц. С. 30.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Телеграмма обер-прокурору Святейшего Синода В.Н. Львову¹⁹, председателю Государственной думы М.В. Родзянко, министру-председателю князю Г.Е. Львову²⁰, военному министру А.И. Гучкову²¹ собрания военного духовенства тыловых воинских частей и учреждений Кавказской армии

28 апреля 1917 г.

Военное духовенство тыловых воинских частей и учреждений Кавказской армии, собравшись для обсуждения текущих событий в связи с совершившимся государственным переворотом, помолившись Богу, обращает первый свободный вздох своей раскрепощенной души к благороднейшему первоисточнику мощи, разорвавшей цепи рабства — Временному правительству, в лице его посылая свободной Родине свои самые восторженные, самые искренние, полные уверенности чувства умиления перед совершившимся фактом, видя во Временном правительстве единственную власть, которая до выяснения всенародной воли в Учредительном собрании одна лишь вправе и в силах вести страну по намеченному пути к осуществлению провозглашенных начал. Духовенство Кавказской армии верит и будет уверять своих пасомых, что эта власть тверда и воля ее непре-

клонна и что всякое частное воздействие, направленное к умалению этой власти, помимо воли народа, не будет допущено.

Председатель собрания главный священник Кавказского фронта протоиерей КРЕМЯНСКИЙ²²

ГА РФ. Ф. 1778. 1917. Оп. 1. Д. 98. Л. 42. Подлинник; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. 1917. Д. 1292. Л. 164, 165. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Из резолюций съезда военного духовенства III армии Западного фронта²³

5—7 мая 1917 г.

Об отношении к войне
Признавая войну величайшим бедствием для человечества и глубоко ценя гуманную пропаганду идеи всеобщего мира, съезд военного духовенства, однако, находит, что начатая немцами война должна быть доведена до конца для закрепления нового государственного строя, освобождения закрепощенных народов, возвращения кровных наших земель, занятых неприятелем, а также для сокрушения германского милитаризма, который является угрозой всесветному миру.

...[Съезд призвал армию и флот]²⁴ сплотиться вокруг Керенского²⁵, прекратить братание и продолжать войну, пока не настанет момент, когда можно будет предать забвению навсегда обиды и огорчения и заключить вечный мир.

[О политической платформе духовенства]

Съезд высказался, что священники должны стоять выше всех партий.

РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30. Л. 17. Машинопись. Копия; Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917. № 31. С. 4; Слово Церкви. М., 1917. № 23. С. 438; Русские ведомости. М., № 111. С. 5; Слово и жизнь. Вятка, 1917. № 40. С. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Телеграмма председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову съезда представителей военного духовенства Юго-Западного фронта²⁶

5—7 мая 1917 г.

Съезд представителей военного духовенства Юго-Западного фрон-

та горячо приветствует Временное правительство, ставшее на страже политических свобод, завоеванных армией и народом. Съезд признает Временное правительство единственным правомочным органом верховной власти, и потому всякое посягательство и давление на эту власть считается контрреволюционным выступлением, которому военное духовенство будет противиться всей силой своего паптырского авторитета. Съезд твердо верит, что с помощью Божией Временное правительство приложит все усилия к устранению всяких проявлений любви, политической свободы, сознательной справедливости и широкого народовластия.

ГА РФ. Ф. 1778. 1917. Оп. 1. Д. 98. Л. 123. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Из резолюций собрания священников штабов I, V и XII армий Северного фронта

8 июня 1917 г.

Все военное духовенство стоит на платформе совместной работы с Временным правительством²⁷, и потому определять свою позицию в ряду существующих партий излишне.

РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30. Л. 24. Машинопись. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Из постановлений собрания священнослужителей I армии Северного фронта²⁸

19 июня 1917 г.

Об участии военного духовенства в политических партиях.

Желательно военному духовенству не вступать ни в какие политические партии, освещая общественные события только с христианской точки зрения.

РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30. Л. 33. Машинопись. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Воззвание «К воинам-гражданам великой русской армии» Всероссийского съезда военного и морского духовенства

1—2 июля 1917 г.

Братья воины! Страшную истину возвещаем Вам, истину, перед ко-

торой тяжкой скорбью горит русское сердце: наша Родина милая, кровью и потом, трудами миллионов русских людей созданная, наша Русь святая гибнет...

Страшно об этом думать! Ужас леденит нашу душу! Ужель Россия гибнет потому, что хлебнула свободы, вкусила новой жизни? Да не будет! Ведь для того-то и умирали, гибли русские люди, для того-то волею Божиею и их трудами Россия призвана к свободе, чтобы спастись свободой от развала, к которому вела Россию старая власть.

Не свобода губит Россию, а наша непривычка к свободе. Как птица, если ей на долгое время связать крылья, разучается летать, так русский народ, живший века в тяжкой неволе, под постоянной охраной, опьянел, вырвавшись из темницы и глотнув чистого воздуха свободы. У всех закружилась голова. Вместо свободы русские люди впали в своеволие. «Нет закона, нет власти, что хочу, то делаю, чего не хочу, к тому никто не вправе меня принудить», — вот как понял свободу русский человек, вчерашний раб, призванный неожиданно к свободе.

Может ли существовать государство без твердой власти, которая имела бы право приказывать, запретить и наказать? Такого государства не было и не будет, пока люди остаются людьми! Что такое армия без власти, без дисциплины? Она обращается в сброд, который бежит перед врагом, спасая свои животы, оставляя свои позиции, оружие, артиллерию, позоря тех своих товарищей, которые за эти три страшных года войны умирали смертью героев, смертью святых мучеников, поддерживая славу русского воинства с одной только слабой надеждой на свободу.

Братья воины, лучшие сыны России, ее цвет и надежда! Мы, военные священники, делившие с вами тяготы окопной жизни, слившие кровь лучших собратий наших священной кровью русского солдата, мы Христом Богом просим, молим вас: образумьтесь, не давайте врагам родины и нашей свободы, безумцам иль изменникам дурачить, обманывать, развращать вас, не дайте погибнуть России. Только вы можете спасти ее!

России нужна сильная власть. Признайте всю полноту власти за Временным правительством²⁹, составленным из друзей

народа, одушевленных одним стремлением спасти Россию, создать ее счастье!

России нужна могучая сила — войско, которое бы от врагов спасло и защитило ее. Дайте же — время не терпит — скорее дайте России эту силу! Все, кому дорого счастье Родины, кому страшен вечный позор, порадейте, чтобы в расстроенных смутой, развращенных большевистской пропагандой воинских частях скорее установить порядок и дисциплину, вернуть им их боевую мощь.

Солдаты! Офицеры! Скорее сплотитесь в дружную, родную семью! Солдаты, доверьтесь офицерам! Они вместе с вами гниют в окопах, вместе с вами страдают и умирают! Они — ваши братья, ваши старшие товарищи, защитники свободы, верные сыны великой русской демократии. Беспрекословно исполняйте приказания своих начальников! Если вам говорят начальники идти вперед — идите. Знайте, что это нужно для поддержки гибнущих, где-нибудь рядом с вами товарищей ваших, для спасения Свободной России. Нам не нужно никаких захватов: русский народ имел благородство отказаться от аннексий и контрибуций³⁰. Мы преклоняемся перед этим порывом русской души. Но спасите же Россию от страшного и нового ярма, спасите ее от немецкой неволи, которая страшнее была бы и татарщины и барщины! Истекающему кровью народу русскому нужен мир, и мы молим Бога, чтоб Господь скорее послал его исстрадавшейся Родине нашей. Но мы не хотим мира позорного, мира во что бы то ни стало. Мы вместе с народом исповедуем, что лучше умереть в свободе и за свободу, чем жить в позорных цепях рабства. Мы призываем вас, дорогие, к продолжению войны во имя грядущего мира, после которого мы вместе с вами, с Евангелием в руках будем бороться против чудовища войны и всякого насилия.

Не бойтесь смерти! Помните слова Христа Спасителя: «Кто хочет спасти жизнь свою, погубит ее, а кто не боится потерять ее, тот спасет ее»³¹. Изменника и труса, бросающего свой пост и спасающего свой живот, смерть постигнет там, где он ее не ждет, смерть позорная. Братья-воины! К порядку, дисциплине, к святому подвигу свободных граждан! Ина-

че погибнет Родина наша, Русь святая, а нас проклянут грядущие поколения русского народа, которые будут стонать под немецким игом. Они скажут о нас: «Нам стыдно за своих отцов и братьев, они были трусы и предатели, они так легко, словно из рук Божиих, получили драгоценную свободу и продали ее легкомысленно, преступно и позорно за чечевичную похлебку». Да спасет Христос — царь мира — исстрадавшуюся, гибнущую от безвластия и нашего своеволия дорогую Родину нашу! Да благословит вас Господь, родные, дорогие, на крепкое стояние в труде, подвиге и молитве, которыми спасется Русь.

Будьте истинными гражданами, а свободный русский гражданин должен сказать: «Я не хочу жить, если погибнет Россия!»

Всероссийский съезд военного и морского духовенства

РГА ВМФ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 133. Л. 108, 108 об. Машинопись. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Из резолюций Всероссийского съезда военного и морского духовенства

1—11 июля 1917 г.

Отношение к государственному перевороту³²

Съезд ...[постановил] единодушно приветствовать совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности, открывший перед русским народом светлые перспективы обновленной политической и церковно-общественной жизни, построенных на евангельских началах свободы, любви, равенства и братства. ...Служители церкви, проповедующие вечные истины, должны стоять выше изменяющейся политики и каких-либо партий, но, будучи в то же время гражданами, призванными в данный момент осуществить свои гражданские права, священно-церковнослужители могут присоединяться к политическим партиям и поддерживать (например в Учредительном собрании) тех представителей, которые борются за проведение в жизнь христианских начал и идей народовластия.

Церковно-общественная мысль. Киев, 1917. № 1. С. 34—35.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800—1917 гг. СПб.: Нестор. 1999. С. 3—182; Поляков Георгий, протоиерей. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. С. 536.

² Бабкин М.А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 59—71; *он же*. Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 97—109; *он же*. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109—124.

³ Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии. Российский военный сборник / Сост. А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. М.: Русский путь, 1997. Вып. 12. С. 496; Религиозно-нравственное воспитание в Русской Армии: Мысли, изречения, исторический опыт / Сост. С.Ю. Чимаров. СПб.: б/и, 1998. С. 171.

⁴ Церковные ведомости. Пг., 1917. № 18—19. С. 111—113.

⁵ Церковно-общественная мысль. Киев, 1917. № 1. С. 34—39.

⁶ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1999. С. 162.

⁷ Беликова Н.Ю. Православная церковь и государство на Юге России: (Конец XIX — первая треть XX в.). Краснодар, 2004. С. 52.

⁸ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — российский политический деятель, один из лидеров партии октябристов. В 1911—1917 гг. являлся председателем Государственной думы III и IV созывов, а в феврале—марте 1917 г. — председателем Временного комитета Государственной думы.

⁹ Имеется в виду Поместный собор РПЦ 1917—1918 гг. Он начал свою работу 15 августа 1917 г.

¹⁰ Георгий Спасский (1877—1943) — протоиерей.

¹¹ Всего за 238 дней существования Временного правительства сменилось 4 его состава: однородно-буржуазное (2 марта — 2 мая), 1-е коалиционное (5 мая — 2 июля), 2-е коалиционное (24 июля — 26 августа) и 3-е коалиционное (25 сентября — 25 октября).

¹² Евсевий (Никольский) (1861—1922) с 1899 г. — епископ (с 1906 г. — архиепископ) Приморский и Владивостокский. Приехав в качестве делегата на Поместный собор РПЦ 1917—1918 гг., остался жить в Москве, поскольку в связи с начавшейся Гражданской войной не имел возможности вернуться во Владивосток. В 1920 г. назначен наместником патриаршего престола в Москве с возведением в сан митрополита Крутицкого.

¹³ Слова из Св. Евангелия от Луки (Лк. 12, 32).

¹⁴ Препретьельный (славянск.) — убедительный, увещательный.

¹⁵ Большинство голосов в Комитет избраны два протоиерея и один священник.

¹⁶ Первый экземпляр телеграммы был отправлен 26 апреля, а второй, точно такого же содержания, — на следующий день.

¹⁷ Примеч. источника: телеграмма послана «в ознаменование дня открытия первой Государственной думы». Первая Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г.

¹⁸ На съезде присутствовало 318 депутатов.

¹⁹ Львов Владимир Николаевич (1872—1934) — политический и церковный деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов. С 4 марта по 24 июля 1917 г. — обер-прокурор Св. Синода.

²⁰ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, земский деятель. Депутат I Государственной думы, председатель Всероссийского земского союза. Со 2 марта по 8 июля 1917 г. — глава Временного правительства.

²¹ Гучков Александр Иванович (1862—1936) — видный политический деятель, лидер партии октябристов. Со 2 марта по 2 мая 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства.

²² Имя священнослужителя и даты его жизни установить не удалось.

²³ Съезд состоялся в г. Проскурове Подольской (Каменец-Подольской) губернии.

²⁴ Этот и следующий пункты в источниках приводятся в изложении.

²⁵ Керенский Александр Федорович (1881—1970) — видный политический деятель России. В мае—сентябре 1917 г. занимал пост военного и морского министра Временного правительства 1-го и 2-го коалиционных составов. С 8 июля по 25 октября 1917 г. также являлся министром-председателем правительства, заменив на этом посту князя Г.Е. Львова.

²⁶ Телеграмма отправлена из г. Проскурова Каменец-Подольской губернии.

²⁷ Имеется в виду 1-е коалиционное Временное правительство.

²⁸ Съезд состоялся в г. Якобштадте Курляндской губернии. В 1917 г. Якобштадт был переименован в г. Екапилс.

²⁹ Поскольку 1-е коалиционное Временное правительство действовало до 2 июля, а 2-е коалиционное было сформировано лишь через три недели — 24 числа, то датировку данного документа можно уточнить: не 1—11 июля (время заседаний Всероссийского съезда военного и морского духовенства), а 1—2 июля 1917 г.

³⁰ Так в тексте. За мир «без аннексий и контрибуций» выступали Советы и партии социалистической ориентации, но не Временное правительство, определявшее внешнюю политику страны.

³¹ Свободный пересказ слов Св. Евангелия от Луки (Лк. 17, 33).

³² В источнике резолюция приводится в изложении.

Публикация М.А. БАБКИНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СМЕРШ» КОНТРРАЗВЕДКИ

ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ИЗМЕНЫ И ДЕЗЕРТИРСТВА В ВОЙСКАХ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Проблема, изложенная в данной статье, освещающей события более чем 60-летней давности, не потеряла своей актуальности и в наши дни. Раскрывая деятельность советской контрразведки в 1941–1945 гг., в частности органа «Смерш» («Смерть шпионам»; с 1943 г.), автор на основе различных публикаций и справочных материалов, а также документов архива управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Омской области компетентно и обстоятельно анализирует накопленный в годы войны опыт работы спецслужб по пресечению дезертирства и измены Родине.

ГЛАВНОЕ управление контрразведки (ГУКР) «Смерш» было образовано 19 апреля 1943 года в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР. Действовавшие в Красной армии до появления этого органа особые отделы, подчинявшиеся Народному комиссариату внутренних дел (НКВД), были переподчинены Народному комиссариату обороны (НКО). Обе структуры, как предшествующая, так и вновь созданная, были предназначены для решения одних и тех же задач, а реорганизационные изменения вводились для повышения эффективности контрразведывательной работы. Как отмечалось в инструктивных предписаниях главной задачей «Смерша» являлась «борьба со шпионской, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях Красной Армии»¹. В числе основных задач в соответствии со специальными постановле-

ниями Государственного Комитета Обороны (ГКО) СНК СССР называлась борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах, предательством и изменой Родине, пресечение попыток перехода на сторону противника.

Жестокие уроки первого периода войны заставили командование Красной армии обратить самое серьезное внимание на проблемы дезертирства и измены в войсках. Так, по далеко не полным данным особых отделов Западного, Северо-Западного, Южного, Юго-Западного и Ленинградского фронтов, в июне—декабре 1941 года было совершено 102 групповых добровольных перехода советских военнослужащих на сторону врага, кроме того, удалось пресечь 159 групповых и 2773 одиночные попытки этого деяния².

Правительственные директивы, постановления ГКО, приказы Ставки Верховного Главнокомандования указывали на необходимость принятия военной контрразведкой решительных мер по пресечению дезертирства и измены Родине. Так, постановлением ГКО от 17 июля 1941 года в соответствии с чрезвычайными условиями военного времени особые отделы НКВД были наделены правом ареста дезертиров, а в «необходимых случаях» — правом расстрела на месте³. Заменявшему их органу также разрешалось «в необходимых случаях» расстреливать дезертиров (по постановлениям управлений и отделов контрразведки «Смерш»)⁴.

На разных этапах войны работа органов военной контрразведки строилась в соответствии с менявшейся военно-политической ситуацией. Например, в 1941—1942 гг., когда наши войска несли тяжелые потери в ходе упорных оборонительных боев, основные усилия особые отделы вынуждены были направлять на борьбу с дезертирами, изменниками и т.п. С 1943 года усилившаяся военная мощь СССР позволила Красной армии вырвать инициативу из рук

противника и перейти от обороны к наступлению. Советское командование накопило опыт проведения крупных наступательных операций. Существенно окрепла в войсках дисциплина, возрос их боевой дух⁵.

УЛУЧШИВШАЯСЯ общая обстановка на фронте и в тылу в свою очередь во многом способствовала сокращению случаев дезертирства, измены и членовредительства. Борьба с этими преступлениями, начиная с 1943 года, постепенно утратила прежнюю остроту. Таким образом, этот год, завершивший перелом в ходе войны, стал также годом реорганизации военной контрразведки, значительного повышения эффективности ее действий, в том числе и в борьбе с дезертирством и изменой.

Благоприятные условия для последовательной реализации мер по борьбе с тяжкими воинскими преступлениями в тот период сложились, например, в соединениях и частях Северо-Западного фронта. После успешного завершения Демянской наступательной операции (15—28 февраля 1943 г.), в ходе которой удалось ликвидировать демянский плацдарм противника, наши войска, накапливая силы, перешли в основном к позиционной обороне, а неприятель, не имея возможности вести активные действия, вынужденно предпочел оборонительную тактику⁶. Сложившаяся ситуация существенно не изменялась вплоть до середины ноября, когда решением Ставки ВГК Северо-Западный фронт, образованный в июне 1941 года, был расформирован⁷. Но после окончания Демянской операции командование армий и соединений фронта получило возможность провести анализ прошедших боев, выявить причины неудач. Особое внимание уделялось повышению боеспособности войск.

Управление контрразведки фронта также воспользовалось относительным затишьем на пе-

редовой и приступило к систематизации накопленного опыта с целью совершенствования профилактической работы. Учитывалось в первую очередь то, что ГКО вменил в обязанность ГУКР «Смерш» и его органам на местах «постоянно информировать военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждениях Красной армии о результатах борьбы с агентурой противника, дезертирством и изменой Родине»⁸. В связи с этим начальник фронтового управления контрразведки генерал-майор Я.А. Едунов представил 17 июня 1943 года военному совету фронта перечень мероприятий, которые было бы целесообразно провести в соединениях и частях по предупреждению измены Родине «в форме перехода на сторону противника»⁹ и которые условно можно разделить на три направления: обеспечение непроницаемости линии фронта, политико-воспитательная работа в войсках, увеличение внимания к нуждам солдат на передовой.

Из 31 пункта списка этих мероприятий 12 содержали предложения по первому направлению, т.е. максимальному усилению контроля, исключающего возможность просачивания агентуры противника и изменников через линию фронта. Контрразведка отмечала, что из-за неправильной расстановки постов переднего края и боевого охранения большие участки пространства перед нашей оборонной линией остались вне какого-либо наблюдения. Фронтовое управление контрразведки предлагало армейскому руководству «Смерш» обратить особое внимание на организацию полевой караульной службы, особенно на флангах и стыках подразделений. По его мнению, возможность «изменнических попыток» обусловливалась близостью линии обороны противника, усилением его пропаганды путем распространения листовок и через громкоговорители, особо тяжелыми условиями, в которых оказывалась та или иная часть, прибытием на передовую неизученного, «политически засоренного пополнения»¹⁰.

При наличии подобных предпосылок к дезертирству и измене командирам частей предлагалось перед линией нашей обороны выставлять секреты из надежных бойцов, которые должны были пресекать попытки перехода к противнику, задерживая или уничтожая изменников. Следовало немедленно выставлять секреты там, где уже имели место случаи перехода, а все открытые участки должны быть заминированы и перекрыты проволочными заграж-

дениями. В целом же надлежало «добиться такого положения, при котором не оказалось бы ни одной лазейки»¹¹, при этом от находившихся на передовой бойцов и командиров контрразведка требовала постоянной бдительности. В частности, всех появившихся в расположении части или боевого охранения гражданских лиц или военнослужащих других частей следовало немедленно задерживать и докладывать об этом командирам. Ответственность за соблюдение «строжайшего режима» на передовой возлагалась на командно-политический состав¹².

МЕЖДУ ТЕМ военная контрразведка указывала на серьезные недостатки в работе командного состава, провоцировавшие возникновение изменнических настроений. К примеру, начальник управления «Смерш» Северо-Западного фронта информировал военный совет: «Имеют место случаи самоуправства, рукоприкладства, грубого, издевательского и несоветского отношения со стороны отдельных командиров к подчиненным, а в отдельных частях 23-й гвардейской стрелковой дивизии эти случаи носят массовый характер, что в значительной мере облегчает работу врагу»¹³. Генерал Едунов предлагал военному совету предупредить весь командно-начальствующий состав фронта, что за «вышеуказанные бесчинства» виновные будут привлекаться к строгой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала. «Смерш» внушал нерадивым командирам, что нужно беречь солдата. Контрразведчики отмечали факты, когда по несколько суток (до 19) в 117-й стрелковой дивизии 22-й армии не сменялись наряды боевого охранения, а красноармейцы не отдыхали. Руководство «Смерша» фронта напоминало армейским командирам о необходимости строго соблюдать требования устава, проводить смену наряда не более чем через 24 часа, а виновных в нарушении уставов наказывать¹⁴.

В рамках противодействия фашистской агитации «смершевцы» предлагали командному составу и политаппарату усилить воспитательную работу на переднем крае и принимать срочные меры к сбору и уничтожению вражеских листовок. Бойцам всех частей фронта надлежало разъяснить, что хранение вражеских листовок есть уголовно наказуемое деяние. В то же время было хорошо известно, что в подавляющем большинстве случаев эти листовки использовались лишь для бытовых нужд из-за нехватки бумаги. Нередко бойцы, не особенно задумываясь, отправля-

ли родным послания, написанные по той же причине на оборотной стороне германских листовок. Поэтому наряду с коллективной читкой газет, беседами, иными формами воспитательной работы контрразведчики предлагали армейскому начальству срочно изыскать источники снабжения солдат, хотя бы на передовой, курительной и писчей бумагой¹⁵. В первой половине июля 1943 года военный совет разработал и разослал по соединениям специальные приказы об усилении контрпропаганды и о наведении порядка на переднем крае обороны. Тогда же (14 июля) генерал-майор Я.А. Едунов в докладной записке начальнику ГУКР «Смерш» НК СССР комиссару государственной безопасности 2 ранга В.С. Абакумову отмечал: «По нашим материалам военный совет фронта принял меры через командование дивизий к укреплению переднего края, и уже на 1 июля только по 1 УА сооружено оборонительных укреплений протяженностью 20 км»¹⁶.

Однако быстро добиться решительных успехов в укреплении порядка и дисциплины на переднем крае не удалось. Сотрудники «Смерша» подполковник Васильев и капитан Демин в ходе проверки качества профилактической работы в штрафных ротах 245-й стрелковой дивизии обратили внимание на неудовлетворительное состояние переднего края обороны. Вместо парных были выставлены одиночные посты, оставались «открытыми» участки дороги протяженностью до 1000 м. Аналогичное положение было также выявлено в 23-й гвардейской, 282-й и 391-й стрелковых дивизиях¹⁷.

Поскольку главные трудности возникали именно в области «наведения порядка» в окопах, контрразведчики методично работали над реализацией своего проекта обеспечения непроницаемости переднего края. Расследования по фактам исчезновения бойцов с передовой, проводившиеся сотрудниками «Смерша», помогали вскрывать серьезные недостатки в организации обороны. В сентябре 1943 года из частей того же Северо-Западного фронта исчезли 20 человек, в том числе 12 из 200-й стрелковой дивизии. Выяснением обстоятельств чрезвычайного происшествия занимались заместитель начальника фронтового управления «Смерш» полковник Казакевич и заместитель начальника 3-го отдела этого управления подполковник Нейман. Они установили, что из 12 исчезнувших трое были похищены разведкой противника, один однозначно перешел к врагу самостоятельно, трое, возможно, сделали это, а

пять человек были объявлены в розыск как дезертиры¹⁸.

По мнению контрразведчиков, на переднем крае дивизии «отсутствовал элементарный порядок». Впереди рубежа не было проволочных заграждений и минных полей. В 648-м полку не охраняемые промежутки между взводами достигали 500 м. Как показала проверка, бдительность часовых была низкой. И неудивительно: большинство постов — одиночные, смена часовых — не по уставу. Например, младший сержант Климов бесшумно находился на огневой точке у пулемета трое суток¹⁹.

Все это способствовало успехам разведки противника, которая получила возможность безнаказанно похищать наших солдат. О выявленных недостатках генерал-майор Я.А. Едунов вновь информировал военный совет фронта, утверждая, что реальные меры для наведения порядка на передовой до сих пор не приняты²⁰. В октябре приходилось повторять те же замечания и предложения, что прозвучали впервые еще в июне.

ВООЕННАЯ контрразведка в борьбе с изменой активно использовала специальные методы. С помощью войсковой агентуры контрразведчики выявляли военнослужащих «с изменческими намерениями». В ряде случаев при получении оперативных материалов таких военнослужащих переводили в тыловые подразделения, где продолжалась их проверка²¹. Например, по информации отдела «Смерш»

22-й армии о наличии большого количества военнослужащих с изменческими настроениями в 11-й мотострелковой бригаде военный совет фронта снял подозрительных лиц с переднего края, заменив их комсомольцами²².

В тех случаях, когда проверка подтверждала первоначальные подозрения, следовал арест. Например, в июне 1943 года контрразведка Северо-Западного фронта арестовала за «изменческие настроения» 82 человека, в том числе ликвидировав 12 «изменческих групп»²³.

Впрочем, военнослужащих, попадавших под подозрение, было значительно больше, чем арестованных. Многих контрразведка снимала с учета после проверки. Иногда причиной постановки на учет служила глупость, сказанная в раздражении, бравада строптивого и несдержанного на язык бойца (бдительность все-таки необходима), но истинные мысли и человеческие качества солдата выявлялись только в бою. Органы «Смерш» пересматривали и прекращали дела на тех военнослужащих, кто в боях продемонстрировал мужество и верность присяге. Подобную корректировку первоначальных предположений практиковали органы «Смерш» не только Северо-Западного, но и других фронтов.

13 августа 1943 года начальник управления контрразведки Центрального фронта генерал-майор А.А. Вадис информировал начальника ГУКР о том, что часть военнослужащих, состоявших на оперативном учете по

пункту «измена Родине», проявила в боях героизм, и дела на этих людей были прекращены. В частности, сержант воздушно-десантной дивизии Рожков, фигурант дела по тому же пункту, в прошлом судимый, в беседах допускал «восхваление немецкого оружия», «резкие антисоветские высказывания». Не исключено, что уже был близок его арест, но после июльских боев на Курской дуге дело на него прекратили, поскольку Рожков в сражении показал себя отважным и умелым бойцом, уничтожив в рукопашной схватке 7 немцев и еще 30 расстреляв из автомата. Кроме того, он спас жизнь заместителю командира батальона, а также экипажу подбитого и горящего на поле боя танка. Командованием сержант Рожков был представлен к званию Героя Советского Союза²⁴.

Рядовой танковой бригады Чечен, по данным «Смерша», тоже проявлял изменческие настроения. Выражая недовольство скудным солдатским пайком, он однажды заявил, что «хлеба не хватает», а «с такой баландой, которую нам дают, можно сдать в плен». Узнав, что его хотят перевести служить в пехоту, он пообещал: «Если так получится, то я руки кверху и к немцам — чай пить». Однако, оказавшись на передовой, Чечен действовал смело и решительно, собственным примером увлекая в бой оробевших товарищей²⁵. Геройское поведение Чечена стало основанием для прекращения на него дела.

ХРОНОГРАФ

1 февраля 1943 года Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) принял постановление «О мерах улучшения работы профсоюзных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», которым центральные, областные, фабричные, заводские и местные комитеты профсоюзов обязывались улучшить обслуживание семей фронтовиков. Профсоюзные организации должны были повседневно заботиться об устройстве на работу трудоспособных членов семей военнослужащих; помогать им в быстрейшем освоении работы, в повышении квалификации, в устройстве детей в детские сады, детские ясли и школы; заботиться об улучшении жилищных условий, принимать меры к снабжению их топливом; устанавливать контроль за своевременным назначением и выплатой семьям военнослужащих государственных пособий и пенсий; усилить материальную помощь нуждающимся за счет профсоюзного бюджета и бюджета государственного социального страхования.

2 февраля 1942 года возобновились занятия в высших учебных заведениях Москвы: на четвертом курсе восьми факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, в Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова и ряде других столичных вузов.

2 февраля 1943 года победоносно закончилась Сталинградская битва. В период с 10 января по 2 февраля советские войска полностью разгромили или взяли в плен 22 окруженные дивизии и 160 отдельных частей усиления и специального войск. На поле боя было подобрано и похоронено 147 200 убитых немецких солдат и офицеров, в плен сдались свыше 91 тыс. солдат, офицеров и генералов во главе с фельдмаршалом Пау-

люсом. В ходе контрнаступления за время с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года советские войска полностью разгромили 32 дивизии и 3 бригады противника и 16 дивизиям нанесли серьезное поражение. Общие потери противника составили свыше 800 тыс. человек, около 2000 танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, до 3000 боевых и транспортных самолетов и более 70 тыс. автомашин.

2 февраля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени». Медалью награждались партизаны Отечественной войны, начальствующий состав партизанских отрядов и организаторы партизанского движения.

2 февраля 1943 года началась Харьковская наступательная операция войск Воронежского фронта (генерал-полковник Ф.И. Голиков), в ходе которой войска фронта продвинулись на 100—260 км, освободили Харьков, Богодухов, Мерефу и, выйдя на линию Рылск, Суджа, Опошня, Минковка, заняли выгодное положение для развития дальнейшего наступления на рылском, сумском и полтавском направлениях. В ходе операции войска фронта завершили разгром войск немецкой группы армий «Б» (с 13 февраля 1943 г. — группа армий «Юг») и нанесли поражение вновь прибывшему на советско-германский фронт танковому корпусу СС. Однако достигнутый успех закрепить не удалось, и 16 марта Харьков вновь был оставлен.

3 февраля 1966 года советский космический аппарат «Луна-9» впервые в мире в 21 ч 45 мин 30 сек совершил мягкую посадку на поверхность Луны в районе Океана Бурь и уже 4—5 февраля передавал на Землю круговую панораму поверхности Луны.

5 февраля 1943 года директивой Ставки Верховного Главнокомандования Черноморская группа войск Закавказского фронта включена в состав вновь сформированного на базе Северной группы войск Закавказского фронта Северо-Кавказско-

Все даты приведены по новому стилю.

АРЕСТ и отвод в тыловые части лиц с изменческими настроениями были главными методами профилактической работы контрразведки «по линии» борьбы с изменой. Существовали и другие методы. Так, управление контрразведки «Смерш» Брянского и Центрального фронтов накануне Курской битвы впервые провели операцию «Инсценировка «Измена Родине»». Под видом сдачи в плен группы специально подготовленных контрразведкой красноармейцев подходили к немецким позициям и забрасывали их гранатами. Это должно было заставить противника в дальнейшем встречать огнем настоящих перебежчиков²⁶. Изученные документы позволяют предположить, что подобные методы не применялись на Северо-Западном фронте, и объяснить это можно отсутствием шаблона в работе фронтовой контрразведки.

Реализация органами «Смерш» и командованием того же Северо-Западного фронта комплекса мер по борьбе с изменой Родине привела к положительным переменам. 10 октября 1943 года начальник фронтового контрразведывательного управления сообщил ГУКР о том, что «изменнические проявления» в частях фронта значительно сократились. Так, если в июне, сообщалось в этом докладе, к противнику перешли 10 человек, в июле — 4, то в сентябре только 2²⁷; в момент перехода через линию фронта в мае задерживались 15 человек, в июле — 8²⁸. Снизилось и количество арестованных за изменнические намере-

ния. В мае, например, по этой причине всего по фронту было арестовано 97 военнослужащих, а в сентябре — 11²⁹; в июне в войсках фронта было учтено «активного изменческого элемента», т.е. перешедших к врагу, уничтоженных при попытке перехода и арестованных за подготовку измены 99 человек, в августе — 42, в сентябре же — 17³⁰.

Еще одним особо опасным видом воинских преступлений, с которым контрразведка «Смерш» вела бескомпромиссную борьбу, было дезертирство. Под дезертирством принято понимать самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы с целью уклонения от участия в боевых действиях или дальнейшего несения службы.

Как явствует из документов, работа УКР «Смерш» фронтов в этой сфере велась по трем направлениям: информирование командования о состоянии дисциплины в частях, оперативные мероприятия по обнаружению намерений военнослужащих покинуть свою часть, организация заградительных мероприятий с целью недопущения случаев самовольного ухода военнослужащих в тыл³¹. Главной причиной дезертирства «смершевцы» Северо-Западного фронта считали «нежелание служить в Красной армии из-за трусости»³².

Ведущая роль в борьбе с дезертирством отводилась заградительным мероприятиям, т.е. задержанию и тщательной проверке всех военнослужащих, появившихся в полосе фронта вне состава своих подразделений, следо-

вавших в тыл, а также бойцов и командиров, в одиночку или группами передвигавшихся по тыловым дорогам фронта. Несли заградительную службу комендантские команды, войска НКВД, взводы и роты охраны «Смерш». Для прочесывания лесов, задержания дезертиров на дорогах и железнодорожных станциях создавались подвижные заградотряды, куда были включены оперативные работники контрразведки. Они имели право задержания и предварительного расследования с дальнейшей передачей задержанных «по подсудности»³³. Заградотряды Северо-Западного фронта выполняли большой объем работы. Только с мая по июль 1943 года они задержали 5815 подозрительных лиц, из которых 5333 человека были направлены в воинские части, 194 арестованы, а остальные переданы прокуратуре, органам НКВД или препровождены на сборно-пересыльные пункты для проверки³⁴. Однако анализ задержаний позволил контрразведчикам сделать в июне того же года вывод о том, что существовавшая на Северо-Западном фронте система заградительной службы была недостаточно эффективной.

В апреле—июне из состава фронта были выведены и переброшены на другие участки 11, 27, 53 и 68-я армии³⁵. Интенсивное передвижение большой массы войск и техники осложняло работу заградительной службы и увеличило число каналов проникновения дезертиров в тыл. Так, в результате опроса задержанных дезертиров из числа среднего ко-

го фронта (генерал-полковник И.И. Масленников). Черноморский флот (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) передан в оперативное подчинение фронту.

6 февраля (25 января) 1861 года — 145 лет назад — родился Николай Дмитриевич Зелинский, выдающийся ученый-химик, член АН СССР (1929), Герой Социалистического Труда (1945), трижды лауреат Государственных (тогда Сталинских) премий. В 1893 году был назначен профессором Московского университета по кафедре органической и аналитической химии. После Октябрьской революции 1917 года остался в России, трудился в МГУ. Работы ученого по химии нефти имели важное народно-хозяйственное значение, открывая дорогу практикам для производства из углеводородного сырья многих высокоценных химических продуктов. Весьма важны были труды ученого по созданию угольного противогаса (1915), а также ароматических углеводородов, которые, в частности, служат исходными материалами для синтеза взрывчатых веществ. Умер в 1953 году.

6 февраля 1916 года во время Первой мировой войны 1914—1918 гг. в ходе бомбардировки русскими войсками турецкого порта Зонгулдак была проведена крупнейшая воздушная операция с использованием 14 самолетов, базировавшихся на авиатранспорте «Александр I» и «Николай I» Черноморского флота.

6 февраля 1942 года закончилась Торопецко-Холмская наступательная операция войск левого крыла Северо-Западного — с 22 января правого крыла Калининского фронта. Войска 3-й (генерал-лейтенант М.А. Пуркаев) и 4-й (генерал-полковник А.И. Еременко) ударных армий, развивая наступление на витебском и смоленском направлениях, вышли на подступы к Великим Лукам, Великому и Демидову, а 249-я стрелковая дивизия (с 16 февраля 1942 года 16-я гвардейская стрелковая дивизия) генерал-майора Г.Ф. Тарасова (4-я ударная армия) прорвалась к Витебску. Немецко-фашистское командование, стремясь ос-

тановить продвижение советских войск, выдвинуло против них четыре пехотные дивизии, переброшенные из Западной Европы. Войска 3-й и 4-й ударных армий не смогли преодолеть возросшее сопротивление противника и 6 февраля перешли к обороне. В результате наступательных боев войска фронта продвинулись на витебском направлении до 250 км. В этот же день войска Калининского фронта отражали атаки противника, перешедшего в наступление из района Рудни на Демидов, на всем фронте 39-й и на окруженную группировку 29-й армий.

7 февраля 1906 года родился О.К. Антонов, авиаконструктор, Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Государственной премии СССР (1952), Ленинской премии (1962), академик АН УССР (1968). С 1938 года он работал в КБ А.С. Яковлева. С 1943 года — заместитель главного конструктора, а с 1946-го возглавил самостоятельное авиационное КБ. Первый самолет конструкции Антонова — одномоторный биплан Ан-2 создан в 1947 году. В 1964 году создан широкофюзеляжный Ан-22 («Антей»). В КБ авиаконструктора в 1985 году разработан самолет Ан-124 («Руслан»). Умер О.К. Антонов 4 апреля 1984 года.

7 февраля 1986 года принят на вооружение морской ракетный комплекс для подводных лодок Д-9РМ с ракетой Р-29РМ — баллистической ракетой с астрокоррекцией и радиокоррекцией по навигационным искусственным спутникам Земли. Главной разработчик — КБ машиностроения В.П. Макеева.

9 февраля 1942 года Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин подписал приказ Ставки ВГК «О призыве в Красную Армию граждан, проживающих на освобожденных от оккупации территориях». Призыву подлежали граждане в возрасте от 17 до 45 лет из числа лиц, не призывавшихся в течение истекших месяцев войны. В этих целях приказывалось во всех армиях незамедлительно сформировать запасные полки, которые должны осуществлять практический отсев, призыв и боевую подготовку этих контингентов в полосе действия своих армий.

мандного состава было установлено, что проезд от линии фронта в тыл практически свободен, так как из-за огромного потока транспорта на контрольно-пропускных пунктах документы тщательно не проверялись. Как правило, их спрашивали только у водителей, а тех, кто находился в кузове, «проверяли» лишь вопросами: «У всех имеются документы?» или «Это ваши люди?» и т.п.³⁶. Получив утвердительный ответ, контролеры отправляли машины дальше.

Эффективность заградительных мер существенно снижалась из-за того, что занимавшиеся проверкой военнослужащие часто не знали правил заполнения документов и порядка передвижения командированных, не проявляли должной требовательности³⁷. По оценке «Смерша», отсутствовал контроль за пассажирами поездов, курсировавших по железнодорожным магистралям Северо-Западного фронта, вследствие чего «проезд военнослужащих в поездах без билетов и предварительной проверки документов... создает дезертирам и проходцам условия для быстрого и беспрепятственного продвижения»³⁸.

ОТМЕЧАЛИ контрразведчики и характерные особенности действий различных групп дезертиров. Так, рядовые солдаты, дезертировавшие без документов, пробирались в тыл глухими проселочными дорогами, обходя посты заградотрядов. Лица же начальствующего состава, дезертировавшие из частей, обычно пытались открыто пользоваться транспортом, изображая коман-

дированных по спецзаданиям. У этого вида дезертиров, как правило, были поддельные командировочные предписания, продовольственные аттестаты и чистые бланки с печатями³⁹. Например, у задержанного старшего техника лейтенанта Каратаева при обыске было обнаружено 15 командировочных предписаний с подчищенными датами и несколько чистых бланков⁴⁰.

Обозначившиеся каналы проникновения в тыл могли быть использованы не только дезертирами, но и агентурой немецкой разведки. Поэтому органы «Смерш» стремились сделать все возможное, чтобы перекрыть эти каналы. Оперативные группы фронтовой контрразведки постоянно работали в прифронтовых городах: Демянске, Валдае, Осташкове, Крестцах. Наряду со своей основной задачей — задержанием агентуры противника они проводили мероприятия по задержанию пытавшихся укрыться в тылу дезертиров⁴¹. Было сформировано еще 5 оперативно-розыскных групп, которые курсировали по железным и грунтовым дорогам фронта⁴² и с 1 мая по 20 июня 1943 года в ходе проверки документов у военнослужащих задержали в общей сложности 1915 человек, в том числе 134 дезертира⁴³, а в июне—июле было задержано 800 лиц, из которых 58 тоже оказались дезертирами⁴⁴.

В июле 1943 года контрразведывательное управление «Смерш» Северо-Западного фронта представило военному совету перечень выявленных недостатков, способствовавших «совершению самого

факта дезертирства» и продвижению дезертиров от передовой линии фронта в тыл. К этим недостаткам были отнесены: нарушение режима военного времени на транспорте и в населенных пунктах прифронтовой полосы, «медлительность введения в действие» приказов командующего фронтом, «самоустранение» гарнизонов тыловых частей от несения заградительной службы, беспорядочное движение по дорогам команд и групп военнослужащих, беспечность в хранении различного рода документов, бланков и печатей⁴⁵. В связи с перечисленным предлагалось осуществить ряд мероприятий по повышению надежности заградслужбы: ввести обязательное для всех гарнизонов несение этой службы на перекрестках проселочных дорог, подходах к крупным населенным пунктам, потребовать от штабов строгой отчетности за использование командировочных документов, ввести единые образцы командировочных предписаний. Кроме того, по мнению контрразведчиков, следовало для наведения порядка и проверки документов высылать патрули на железнодорожные станции из расположенных поблизости воинских частей, практиковать поголовную одновременную проверку документов у пассажиров в поездах⁴⁶.

НЕКОТОРОЕ затишье на фронте позволило армейскому командованию и военной контрразведке Северо-Западного фронта уделить значительное внимание развитию системы заградслужбы. К этому подталкивала и активизация германской разведки,

ХРОНОГРАФ

10 февраля 1945 года началась Восточно-Померанская наступательная операция советских войск, продолжавшаяся по 4 апреля. Проведена войсками 2-го и 1-го Белорусских фронтов при содействии части сил Балтийского флота. Была ликвидирована крупная группировка немецко-фашистских войск в Восточной Померании, что устранило угрозу флангового удара по советским войскам, выдвинувшимся к Одеру на берлинском направлении. Разгром немецкой группы армий «Висла» затруднил противнику организацию обороны на подступах к Берлину.

11 февраля 2000 года приказом министра обороны РФ учреждена медаль «Участнику марш-броска 12.06.1999 г. Босния — Косово».

12 февраля 1942 года постановлением ГКО на вооружение Красной армии принята 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, разработанная КБ под руководством В.Г. Грабина. Пушка стала самым массовым орудием Второй мировой войны.

13 февраля 1896 года родился В.Г. Власов, ученый-кораблестроитель, инженер-контр-адмирал (1940), профессор (1935), доктор технических наук (1957), автор многих научных трудов, в том числе по вопросам непотопляемости кораблей, создатель современного метода восстановления остойчивости поврежденного корабля. Умер 10 июля 1959 года.

13 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Лица, уклонявшиеся от мобилизации для работы на производстве и строительстве, при-

влекались к уголовной ответственности и по приговору суда подвергались принудительным работам сроком до года.

15 февраля 1906 года начала выходить нелегальная социал-демократическая газета «Казарма» (издавалась по март 1907 г.). Газета вела революционную пропаганду и агитацию в войсках. В 1931 году Ленинградский институт истории ВКП(б) переиздал «Казарму» отдельной книгой.

15 февраля 1906 года родился М.М. Джалиль, татарский поэт, Герой Советского Союза (1956, посмертно), автор лирических стихотворений, поэм, либретто опер. За цикл стихов «Моабитская тетрадь» в 1957 году удостоен Ленинской премии. Политрук, сотрудник редакции газеты «Отвага» 2-й ударной армии Волховского фронта. В 1942 году был ранен, взят в плен. Казнен в фашистской тюрьме Плётцензее в Берлине 25 августа 1944 года.

15 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление о призыве в Красную армию военнообязанных в возрасте до 45 лет, зачисленных ранее в местные команды МПВО, предложив горсоветам заменить их лицами, не подлежащими призыву по состоянию здоровья и возрасту, а также женщинами. Согласно этому же постановлению из команд МПВО изымались автотранспорт, лошади, повозки, упряжь и специальные машины и передавались на укомплектование вновь формируемых стрелковых дивизий и курсантских стрелковых бригад.

18 февраля 1906 года родился А.Х. Бабаджания, главный маршал бронетанковых войск (1975). В Красной армии — с 1925 года. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Во время Великой Отечественной войны командовал полком, бригадой, корпусом. За умелое руководство и личное мужество при форсировании Днестра удостоен звания Героя Советского Союза (26 апреля 1944). После войны командовал армией, войсками Одесского военного округа. С мая 1969 года —

которая пыталась определить силы и возможности фронта. Оперативные группы «смершевцев» сумели выявить значительное число «осевших» и легализовавшихся дезертиров, которым удавалось прежде благополучно проходить через все проверки. Так, в Вышнем Волочке опергруппой «Смерш» был задержан человек, назвавший себя старшим лейтенантом Титовым. Проверкой было установлено, что все его документы — липа. Титов в ноябре 1941 года дезертировал из коммунистической роты 31-й армии, раздобыл чистые бланки, печать и сфабриковал себе новые документы. Он поселился в Вышнем Волочке и, пока его сослуживцы бились за Родину, занимался спекуляцией, периодически выезжая за товарами в Москву, вел разгульный образ жизни. До встречи с группой «Смерш» Титов все проверки проходил без осложнений, хотя его бумаги были очень грубо сработаны⁴⁷. Более того, за пьяные скандалы Титова дважды задерживал патруль военной комендатуры, но комендант после проверки документов отпускал его с миром, советуя «не употреблять спиртных напитков».

В поезде, следовавшем из Осташкова в Бологое, опергруппа «Смерш» задержала лейтенанта Водкина. У него имелся пакет с надписью: «Совершенно секретно» и указанием «всем надлежющим властям» оказывать ему содействие. Оперативники вскрыли пакет и обнаружили внутри лишь пачку старых газет. На допросе задержанный сознался, что его настоящая фамилия — Водкин, а воинское звание — стар-

шина. Он сообщил, что сам факт задержания стал для него полной неожиданностью, поскольку до этого он благодаря пакету больше месяца свободно разъезжал по тыловым дорогам, дважды побывав в Москве, Горьком и Калинин⁴⁸.

Управление контрразведки фронта обратило внимание на значительное количество военнослужащих, отставших от своих частей. Проверка выявила частые случаи умышленного отставания. Еще в годы Первой мировой войны в русской армии стал широко известен один весьма примитивный, но трудно поддающийся выявлению в боевых условиях способ дезертирства. Военнослужащие (как правило, нижние чины) умышленно отставали от своих частей, следовавших на фронт, а затем являлись к местному воинскому начальству, которое, чтобы побыстрее избавиться от неорганизованных одиночек, спешно направляло их в ближайшую тыловую часть, где они прочно закреплялись. «Опыт» Первой мировой пригодился некоторым и во Вторую мировую. Так, с 1 мая по 20 июня 1943 года опергруппами «Смерш» на дорогах Северо-Западного фронта были задержаны 675 отставших. Но тут же контрразведчики неизбежно сталкивались с проблемой: как в массе задержанных отделить тех, кто отстал от своей части случайно либо по уважительной причине, от проходивцев, пытавшихся избежать участия в боях? Внимательное изучение документов и проверка причин отставания в каждом случае помогали выявлять долго и умело скрывавшихся дезертиров. Так, отдел

«Смерш» 140-го запасного стрелкового полка арестовал сержанта Богданова, прибывшего в часть с направлением от коменданта станции Вышний Волочек. Следствие установило, что Богданов за два года, прошедших с момента его призыва в армию, на фронте так и не был. Всякий раз во время движения его части к зоне боевых действий он умышленно отставал, а затем являлся к коменданту ближайшего гарнизона и сообщал об «отставании». В итоге Богданова оставляли в тылу для прохождения службы в другой части. По признанию дезертира, он с сентября 1941 по июль 1943 года таким образом отставал от частей четыре раза. Военный трибунал приговорил Богданова к высшей мере наказания⁴⁹.

САМА по себе система заградительной службы не в состоянии была полностью искоренить «отставание» как способ дезертирства. Успех борьбы с подобными преступлениями зависел от исполнительской дисциплины командного состава частей фронта. «Смерш» постоянно указывал на невыполнение отдельными командирами приказов и распоряжений по фронту. 16 августа 1943 года начальник фронтового управления «Смерш» информировал военный совет: «Несмотря на указания военного совета, категорически запрещающие зачисление в части военнослужащих, отставших в пути следования от своих частей, командиры соединений эти указания грубо нарушают, принимают в свои части случайных военнослужащих, зачастую

начальник танковых войск Советской армии. Умер 1 ноября 1977 года.

20 февраля 1986 года с космодрома Байконур запущен базовый блок орбитальной научной станции «Мир». Масса станции в полной комплектации свыше 130 т.

21 февраля 1916 года началась одна из крупнейших и продолжительных операций Первой мировой войны — Верденская наступательная операция германских войск (закончилась 18 декабря). Замысел операции заключался в том, чтобы прорвать французскую оборону на узком участке, овладеть Верденом и создать угрозу Парижу. Однако поставленные задачи германскому командованию выполнить не удалось, операция приняла характер борьбы на истощение. В итоге за 6,5 месяцев наступательных боев германские войска вклинились в оборону французов всего на глубину 7—10 км. 24 октября 1916 года французские войска перешли в контрнаступление и к 18 декабря вернули форты Во и Дуомон, а к 21 декабря вышли на рубеж, который они занимали 25 февраля. В Верденской операции участвовали со стороны Германии 50, Франции — 69 дивизий, Германия потеряла 600 тыс., Франция — 358 тыс. человек. В Верденской операции были испытаны новые средства борьбы (Германией — огнеметы, Францией — легкие пулеметы) и способы ведения боевых действий. Обе стороны массированно применяли скорострельную и дальнобойную (в том числе тяжелую) артиллерию, минометы, химические средства, широко использовали авиацию для решения не только разведывательных, но и боевых задач. Поддержка атаки пехоты осуществлялась подвижным заградительным огнем. Впервые был опробован групповой боевой порядок. Определелись огромная роль оперативного и тактического тыла в питании войск, значение хороших дорог и автотранспорта в решении оперативно-тактических задач. Опыт построения обороны, основанной на сочетании полевых и долговременных

укреплений, использовался в последующем для строительства пограничных укрепленных линий.

24 февраля 1768 года между Россией и Речью Посполитой был заключен Варшавский договор о союзе и гарантиях, по которому стороны гарантировали друг другу целостность и сохранность их территории в Европе. Договор улучшил положение православных украинцев и белорусов, проживавших в Польше, уравнил их в правах с католиками, лишил дворян права применять смертную казнь в отношении своих крепостных, в то же время сохранил основные законы страны: выборность короля, сохранение привилегий шляхты и ее исключительное право на занятие государственных должностей.

26 февраля 1966 года в СССР запущена первая твердотопливная межконтинентальная баллистическая ракета РТ-2.

27 февраля 1986 года состоялся первый запуск модернизированного космического аппарата «Космос-1735» в интересах морской радиотехнической разведки.

В феврале 1943 года в состав первой ударной армии был включен сформированный в декабре 1942 года 316-й гвардейский минометный полк, состоявший из 444, 445, 446-го отдельных гвардейских минометных дивизионов, вооруженных реактивными системами М-13. Первый залп произвел 26 февраля 1943 года в районе Старой Руссы в ходе боев за ликвидацию демьянского плацдарма. Отличился в Белорусской (1944), Висло-Одерской (1945), Восточно-Померанской (1945) операциях. Получил наименование гвардейский Коростеньско-Померанский Краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского минометный полк.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЯНСКИМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

сбежавших с переднего края обороны»⁵⁰. Но и после дополнительных распоряжений командования ситуация не изменилась. 15 сентября в докладной записке с Северо-Западного фронта начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР сообщалось о том, что, «несмотря на приказ командующего фронтом, продолжают иметь место факты, когда военнослужащие уходят из частей на переднем крае обороны, пробираются в тыл и пристраиваются в тыловые подразделения при попустительстве со стороны офицерского состава»⁵¹.

В июле—августе 1943 года опергруппы «Смерш» смогли выявить такие способы дезертирства, обнаружить которые путем обычной проверки документов было невозможно. Оказалось, что некоторые командиры частей и соединений в нарушение приказов командующего фронтом выдавали целым группам военнослужащих командировочные предписания без указания срока явки в часть. Подобная практика нередко способствовала «совершению самого акта дезертирства». Например, красноармейцы 357-й стрелковой дивизии Набатов и Махаев были командированы для работы в ремпоезде № 2. Срок явки в часть в их документах отсутствовал. 17 апреля солдаты были отозваны, но решили в свой полк не возвращаться, а обосновались в удаленной от фронта деревеньке. Располагая продаттестатом и «бессрочным» командировочным предписанием, они тихо вели сытую жизнь вплоть до момента их задержания в июле сотрудниками «Смерша»⁵². 15 июля того же года оставшкской опергруппой была задержана команда из 3 человек во главе с техником-лейтенантом Чепелевым. При задержании последний предъявил бессрочное командировочное предписание, пользуясь которым вся команда пристроилась на ст. Сигово, получая по продаттестатам продукты на 14 человек⁵³.

Случалось и так, что вооруженные дезертиры создавали банды, занимавшиеся грабежом в прифронтовой зоне. Военной контрразведке приходилось вести борьбу и с этим злом. Отделы «Смерш» периодически высылали оперативные группы в места наиболее вероятного «оседания» дезертиров для поимки или уничтожения бандитов. В августе 1943 года были ликвидированы 2 вооруженные банды. Опергруппой «Смерш» 22-й армии в Сerezинском районе Калининской области были задержаны занимавшиеся вооруженным грабежом дезертиры Смирнов и Васильев, а организатор банды Андреев был убит при попытке к бегству⁵⁴.

В ЦЕЛОМ следует отметить, что усилия по пресечению дезертирства, в том числе и на часто упоминаемом здесь Северо-Западном фронте, дали ощутимые результаты, и оно уже не носило массового характера, продолжая существовать в форме отдельных проявлений. По сведениям управления «Смерш», с мая по июль 1943 года из частей фронта дезертировали 249 человек, а всеми видами заградительной службы были арестованы 210 дезертиров⁵⁵. Между тем на фронте было сосредоточено значительное количество войск. К июлю в его состав входили 1-я ударная, 22-я и 34-я общевойсковые, а также 6-я воздушная армии⁵⁶. В летние месяцы наметилась тенденция к сокращению случаев дезертирства при возрастании числа задержанных дезертиров, что служит доказательством роста эффективности соответствующей работы военной контрразведки и всей системы заградслужбы. Вместе с тем мероприятия по борьбе с изменой и дезертирством составили значительную долю общего объема оперативно-следственной работы контрразведки в годы Великой Отечественной войны.

Впрочем, каждое массовое вооруженное сопротивление характерно проявлениями предательства и дезертирства. Особенно острый характер, как свидетельствуют исторические факты, они приобрели после создания армий, сформированных на принципе всеобщей воинской повинности. От этих видов преступлений непосредственно в военный период полностью избавиться невозможно, поскольку основные элементы психологии вовлеченного в войну человека формируются еще в мирный период, а война только выявляет их. Тем более что в экстремальных условиях, какие и создает война, проявляются и лучшие, и худшие человеческие качества. Активизация последних порождает измену и дезертирство. Поэтому всякий раз низкую результативность воспитательной и профилактической работы в ходе войны приходилось компенсировать карательными мерами. Именно неизбежность и гласность сурового наказания должны были в максимально короткий срок воздействовать на сознание растерявшихся, но еще не совершивших губительного поступка людей, что и являлось целью повседневной и ежечасной деятельности контрразведки «Смерш». Пресекая измену и дезертирство, ее сотрудники на различных фронтах содействовали укреплению боеспособности войск и в конечном счете сохранению в бою многих тысяч солдатских жизней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 68.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Уткин А.И. Дорога к победе. Смоленск, 2004. С. 9.

⁶ Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 132; На Северо-Западном фронте. 1941—1943. М., 1969. С. 10.

⁷ На правом фланге фронта с лета 1943 г. наши войска вели безуспешные бои за освобождение Старой Руссы.

⁸ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 73.

⁹ Архив управления ФСБ Российской Федерации по Омской области (АУФСБ РФ ОО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 47.

¹⁹ Там же. Л. 48.

²⁰ Там же. Л. 49.

²¹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 11.

²² АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

²³ Там же. Л. 33 (степень обоснованности каждого из этих арестов требует отдельного исследования).

²⁴ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. С. 129.

²⁵ Там же. С. 18, 128.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

²⁸ Там же. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 17, 44.

³⁰ Там же. Л. 44.

³¹ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 259, 280.

³² АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

³³ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 21.

³⁴ АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

³⁵ Бердников Г.И. Указ. соч. С. 132.

³⁶ АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

³⁷ Там же. Л. 23.

³⁸ Там же. Л. 26.

³⁹ Там же. Л. 23.

⁴⁰ Там же. Л. 28.

⁴¹ Там же. Л. 37.

⁴² Там же. Л. 58.

⁴³ Там же. Л. 23.

⁴⁴ Там же. Л. 37.

⁴⁵ Там же. Л. 24.

⁴⁶ Там же. Л. 31, 32.

⁴⁷ Там же. Л. 25.

⁴⁸ Там же. Л. 27.

⁴⁹ Там же. Л. 36 об.

⁵⁰ Там же. Л. 37.

⁵¹ Там же. Л. 40.

⁵² Там же. Л. 30.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 42.

⁵⁵ Там же. Л. 17, 18.

⁵⁶ Бердников Г.И. Указ. соч. С. 133; На Северо-Западном фронте. 1941—1943. М., 1969. С. 10; АУФСБ РФ ОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКАКНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ
РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Линдер И.Б., Чуркин С.А. Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919—1943. М.: РИПОЛ классик, 2005. 688 с., ил. Передана авторами (Москва)

Униформа российского военного воздушно-морского флота: В 2 т. М.: Фонд содействия авиации «Русские Витязи», 2005. Т. 2. Ч. 2. 352 с. Армия российская. М.: Агентство «Военинформ» МО РФ, 2004. 320 с.

Переданы начальником направления по подготовке иностранных военнослужащих Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ полковником А.Б. Степановым (Москва)

Македонская В.А., Кудряшов А.В. Военная юстиция в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Монография. М.: Травант, 2005. 168 с.

Македонская В.А. Проблемы организации и идеологического обеспечения восстановительного процесса в освобожденных районах в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российской Федерации): Монография. М.: Травант, 2005. 244 с.

Переданы кандидатом исторических наук, доцентом В.А. Македонской (Москва)

Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (1936—1938 гг.). СПб.: Изд-во МВАА, 2005. 362 с.

Передана автором (Санкт-Петербург)

Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. 312 с., ил.

Передана заместителем директора Государственного исторического музея по научной работе доктором исторических наук В.Л. Егоровым (Москва)

Песенник российского воина 1721—1921 / Сост. В.Н. Мантулин. СПб.: Изд. центр «Русская Лира», 2004. 118 с.

Передана генеральным директором Фонда содействия кадетским корпусам имени А. Йордана О.И. Барковец и референтом фонда В.А. Гурковским (Москва)

Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Справочник. Жуковский; М.: Кучково поле, 2003. 328 с., ил.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Сборник военно-исторических карт. Ч. 1. М.: Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. 128 с., ил.

Переданы начальником Центральной телерадиовещательной студии Министерства обороны РФ капитаном 1 ранга И.В. Николаевым (Москва)

Петрушин Н.И. В Берлинской стратегической (Сибиряки в Берлинской стратегической наступательной операции Великой Отечественной войны 1941—1945 годов). Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2005. 196 с.

Ваш подвиг будет жить в веках. М.: Информ-Знание, 2002. 704 с.

Мемориал воинам-сибирякам. К истории создания / Сост. К.М. Чернов, Н.И. Петрушин. М.: Агентство цифровых технологий, 2002. 52 с.

Переданы кандидатом экономических наук Н.И. Петрушиным (Москва)

«Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 727 с. Передана аспирантом МГУ имени М.В. Ломоносова И.Н. Мухиным (Москва)

«АТАКОВАТЬ ПРОТИВНИКА
НА ВЫГОДНОЙ ПОЗИЦИИ...»К 280-летию со дня рождения
адмирала В.Я. Чичагова

РОДИЛСЯ будущий адмирал 28 февраля 1726 года в небогатой семье под Костромой. Сначала получил домашнее образование, затем поступил в Школу математических и навигацких наук в Москве. По окончании ее с 1742 года служил на кораблях Балтийского флота. В 1745—1754 гг. в целях совершенствования военно-морской подготовки служил в ВМФ Великобритании. С 1757 года командовал фрегатом «Св. Михаил». В 1764 году он уже командир корабля, затем помощник командира Архангельского порта.

В 1764—1766 гг. капитан бригадирского ранга В.Я. Чичагов возглавлял секретную экспедицию из трех кораблей, которая по проекту М.В. Ломоносова имела целью отыскание морского пути из Архангельска через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки, затем через Берингов пролив к берегам Камчатки. К 1765 году экспедиция достигла 80 град. 26 мин северной широты к северо-западу от Шпицбергена, но, не преодолев ледяного покрова, возвратилась назад. Во время второй попытки в 1766 году кораблям удалось достичь 80 град. 30 мин северной широты, но по той же причине экспедиция вернулась в Архангельск. Тем не менее Чичагов дважды без потерь возвращал свои суда с экипажами от крошки вековых льдов к родным берегам, собрал обширный материал о навигационно-гидрографических и гидрометеорологических условиях плавания в северных морях.

Став главным командиром Архангельского порта, Чичагов боролся со злоупотреблениями среди чиновников и моряков. После начала Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. он, стараясь увеличить возможности верфей, предложил закладывать сразу по 6 кораблей вместо 4. Построенные архангелогородцами корабли шли на Балтику. В марте 1770 года туда же назначили командиром кронштадтской эскадры произведенного в контр-адмиралы Чичагова. С декабря он стал еще и главным командиром Ревельского порта. С 1773 года Чичагов — главный командир Кронштадтского порта.

Боевое крещение контр-адмирал В.Я. Чичагов получил уже на Черном море во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг., куда направился в 1772 году, возглавив переход отряда кораблей из Кронштадта в Средиземное море. В июне 1774 года, командуя отрядом из 5 кораблей Донской флотилии, при крейсировании в Керченском проливе обнаружил 5 турецких линейных кораблей, 9 фрегатов, 26 шеек, галер и мелких судов, пытавшихся прорваться в Азовское море и высадить десант на побережье Крыма. Заметив русские корабли, турки направили атаковать их 7 фрегатов, 6 шеек и 4 галеры. Основные силы пытались прорваться через пролив. Чичагов направил свои корабли против них. В дальнейшем все попытки превосходившего по силам противника были отражены.

С 1775 года В.Я. Чичагов — член Адмиралтейств-коллегии, с 1777-го — командир практической эскадры Балтийского флота, в 1788 году — командир Ревельского порта, с 1789 года — командующий Балтийским флотом.

Во время Русско-шведской войны 1788—1790 гг. Чичагов во главе Ревельской эскадры 2 мая 1790 года отразил нападение втрое превосходящих сил противника на Ревельском рейде, а затем во главе Ревельской и Кронштадтской эскадр блокировал шведский флот в Выборгском заливе и в последующем разгромил его. За Ревельское сражение Чичагова наградили орденом Св. Андрея Первозванного, а после Выборгского он стал первым и единственным во флоте кавалером ордена Св. Георгия 1-й степени.

Именно тактика навязывания боя даже превосходившему по силам противнику в выгодной для своих сил позиции, создание превосходства в силах над частью сил противника, решительное вступление в атаку принесли победы на море адмиралу В.Я. Чичагову.

С 1797 года Чичагов — в отставке, живет в Санкт-Петербурге. Умер адмирал 4 апреля 1809 года и торжественно похоронен на кладбище при Александро-Невской лавре. Кроме указанного выше Василий Яковлевич был награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Александра Невского, Св. Анны и золотым оружием. Именем В.Я. Чичагова названы 12 географических объектов, среди которых острова в архипелаге Новая Земля, залив и мыс на о. Науку-Хива в Южной Полинезии, мыс на о. Кюсю, гора на о. Шпицберген и др. Из десяти его сыновей большинство служило во флоте, а Павел Васильевич Чичагов стал морским министром.

Публикацию подготовил
капитан 3 ранга В.Г. КИКНАДЗЕ

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ КОНТРАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВНАЧАЛЕ XX века Россия не имела специального органа борьбы со шпионажем. Контрразведывательные функции выполняли Военное и Морское министерства, Департамент полиции (ДП) и Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) МВД, подразделения МИДа и Отдельный корпус пограничной стражи Минюста. Межведомственная разобщенность, нехватка денежных средств и квалифицированных кадров, отсутствие единого координирующего центра отрицательно сказывались на обеспечении безопасности империи. Одной из причин поражения России в войне с Японией (1904—1905 гг.) явилась малоэффективная работа отечественных спецслужб.

После проигранной самодержавием войны нарушился общий баланс сил великих держав. Возрастание военной мощи Германии подстегнуло гонку вооружений и обострило противоречия в Европе. В сложившейся внешнеполитической обстановке Россия занимала особое положение. Поэтому к ней было приковано повышенное внимание не только дипломатических ведомств, но и разведывательных служб как потенциальных противников, так и союзников (исключая Францию). Целенаправленная активность разведывательных структур потребовала принятия срочных мер по защите секретов, в первую очередь военных. На повестку дня встал вопрос о создании специальной службы — контрразведки.

Организацией службы раньше всех озаботилось армейское командование. В 1908 году во время Киевского съезда старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов была выработана общая система организации контрразведки в мирное время, согласно которой контршпионажем должны были заниматься чины отдельных корпусов жандармов и пограничной стражи под общим руководством старших адъютантов разведывательных отделений. Координация их деятельности возлагалась на 5-е делопроизводство Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)¹. Эти предложения легли в основу проекта «Инструкции по контрразведке». Ознакомившись с документом, начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын направил в МВД письмо,

в котором предлагал порядок координации деятельности всех заинтересованных ведомств. Председатель Совета министров России, министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов П.А. Столыпин в ответном письме согласился с необходимостью ликвидации «пустот» в сфере безопасности, но вместе с тем отверг предложение военных о возложении «исполнительных функций всецело на жандармские и полицейские учреждения» при руководящей роли штабов военных округов. Он отмечал, что «контрразведка, в сущности, является лишь одной из отраслей политического розыска».

Кроме того, по мнению Столыпина, в штабах военных округов не было квалифицированных кадров, знающих достаточно хорошо «техническую сторону розыска». С его точки зрения эффективное взаимодействие с военными могли бы осуществлять районные охранные отделения Департамента полиции. Что же касается финансирования контрразведывательной деятельности, то расходы розыскных учреждений МВД на наем специальных агентов, считал он, должно было нести Военное министерство.

10 декабря 1908 года была создана межведомственная комиссия. Председателем ее был назначен директор Департамента полиции М.И. Трусевич. В нее вошли исполняющий обязанности вице-директора ДП коллежский советник С.Е. Виссарионов, заведующий особым отделом департамента полковник Е.К. Климович и состоящий при особом отделе подполковник В.А. Бекклимишев. Интересы военного ведомства представлял Генеральный штаб полковник Н.А. Монкевиц — делопроизводитель ГУГШ, его помощник капитан С.Л. Марков и отвечавший за разработку в штабе Киевского военного округа старший адъютант разведотделения полковник А.А. Самойло. Морское ведомство делегировало начальника иностранной части Морского генштаба (МГШ) капитана 2 ранга Б.И. Дольво-Добровольского².

Комиссия пришла к выводу, что для «своевременного обнаружения лиц, занимающихся разведкой в пользу иностранных государств, и в принятии мер по воспрепятствованию их работе»³ необходимо учреждение особого органа, снаб-

женного достаточными средствами и обладающего соответствующими полномочиями. «Конечная цель контрразведки, — гласит один из документов заседания комиссии, — привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц на основании ст. 108, 109 Уголовного уложения 1903 г., прекращение вредной деятельности названных лиц административными мерами». Наиболее рациональной мерой борьбы со шпионажем была признана организация агентурной сети. В ходе обсуждения предложенных схем контрразведывательной деятельности было принято решение об учреждении самостоятельного контрразведывательного отделения (КРО), подчиненного только Департаменту полиции и связанного с охранными отделениями на общем для всех розыскных органов основании⁴.

К 1 июля 1909 года предполагалось учредить два контрразведывательных отделения в Петербурге, по одному — в Варшаве, Киеве, Вильно, Иркутске и Владивостоке. Ежегодно эти 7 отделений должны были обходиться царской казне в 251 520 руб.⁵ Для сравнения отметим, что в 1906—1909 гг. на секретные расходы (разведку) ГУГШ получало 344 160 руб. в год. Таким образом, если бы проект комиссии был одобрен Советом министров, то общие расходы России на разведку и контрразведку составили бы 595 680 руб.⁶ Однако денег на контршпионаж у правительства не нашлось ни в 1909, ни в 1910 году. Поэтому все планы укрепления силовых структур пришлось отложить на неопределенный срок.

Вскоре был смещен глава ДП М.И. Трусевич. Его преемником должен был стать Н.П. Зуев. Однако он не проявлял большой склонности к оперативной деятельности, в большей мере занимаясь административными, законодательными и финансовыми вопросами департамента. Поэтому фактически главой русской тайной полиции стал генерал-лейтенант П.Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов.

28 марта 1909 года состоялось очередное заседание межведомственной комиссии, на котором были выработаны Положение о контрразведывательных отделениях и Правила для словесного на-

ставления лиц, руководящих контрразведкой. Эти документы были утверждены министром внутренних дел и согласованы с главами Военного и Морского министерств⁷. Однако дальше дело не пошло, поскольку бюрократическая машина российского государства не способствовала четкому взаимодействию между армией, флотом и МВД. Этот факт был признан межведомственной комиссией по организации контрразведывательной службы, заседание которой состоялось в марте 1910 года: «Дело организации органов контрразведки, в том числе установление негласного надзора за путями тайной разведки иностранных государств против Российской Империи, должным образом не налажено. Функции контрразведывательных органов в настоящее время используются разрозненно, отчасти чинами корпуса жандармов, отчасти ГУГШ, отчасти МГШ, а также разведывательными отделениями штабов округов. В связи с этим, с целью усиления мер борьбы с военным и военноморским шпионажем против Российской Империи, введения единоначалия и повышения эффективности органов контрразведки межведомственная комиссия предлагает соответствующим министерствам и главным штабам этих министерств приступить к разработке и созданию единого органа, который взял бы на себя единолично функцию контрразведки, охраны военных секретов и безопасности Российской Империи⁸. Руководство МВД пришло к выводу, что осуществление военной контрразведки в рамках гражданской полицейской организации не принесет пользы «ввиду отчужденности» ее от военных.

29 июля 1910 года комиссия под председательством генерал-лейтенанта П.Г. Курлова вновь рассмотрела вопрос организации контрразведывательной службы. Ознакомив присутствующих представителей ГШ и МГШ с журналом заседаний межведомственной комиссии 1909 года, председатель высказался против учреждения контрразведывательных отделений в системе ДП, мотивировав тем, что Департамент полиции не обладает специальными знаниями организации русской и иностранных армий, вследствие чего не может эффективно руководить контрразведывательной службой. П.Г. Курлов предложил схему, согласно которой КРО должны были подчиняться военному командованию, а органы Департамента полиции оказывать им помощь⁹. Он также предложил, чтобы офицеры-жандармы «могли бы быть в отделении лишь вспомогательной силой и вести контрразведку по указаниям стоящего во главе отделения офицера Генштаба». Это предложение было принято членами межведомственной комиссии.

Такое полярное изменение позиции заставляет задуматься. В чем же кроется истинная причина столь резкого изменения мнения комиссии? Здесь, наверное, следует принять в расчет падение влияния при дворе П.А. Столыпина, инициировавшего специальное рассмотрение вопроса по созданию контрразведки, и уход с поста руководителя Департамента полиции М.И. Трусевича — активного сторонника создания контрразведки в розыскных структурах МВД. Новый руководитель департамента П.Г. Курлов не ставил в разряд первоочередных вопросов создания КРО.

Интересно отметить, что П.Г. Курлов, отказавшись от идеи создания спецподразделений по борьбе со шпионажем, в письме к военному министру В.А. Сухомлинову так определил круг обязанностей и полномочий командировавшихся «знающих дело розыска» жандармских офицеров: «...для технической работы и производства необходимых следственных действий»¹⁰. Таким образом, даже передавая контрразведывательную функцию военным, руководство тайной полицией понимало, что разрывать оперативно-розыскную деятельность и следствие нецелесообразно. Поэтому 25 декабря 1910 года циркуляром директора ДП указывалось на необходимость широкого развития военно-шпионской деятельности, которой придавалось важное значение. Он обращал серьезное внимание всех офицеров ОКЖ на необходимость наблюдения за иностранными военными разведчиками и привлечения секретной агентуры в целях их надлежащей разработки.

Следуя решению комиссии, в 1910 году по согласованию с министерствами внутренних и иностранных дел Генеральный штаб приступил к организации самостоятельных контрразведывательных отделений в структуре вооруженных сил. К июню 1911 года военное ведомство образовало Петроградское городское, Петроградское окружное, Московское, Виленское, Одесское, Варшавское, Киевское, Тифлисское, Ташкентское, Иркутское и Хабаровское контрразведывательные отделения (бюро)¹¹. Таким образом, на территории России учреждались 11 КРО. Районы деятельности трех отделений не совпадали с территориями округов, при штабах которых они создавались. Так, Одесское отделение должно было действовать в пределах Одесского военного округа и Войска Донского, Московское — в районах Московского и Казанского военных округов, Иркутское — на территории Омского и Иркутского округов. Общее руководство всеми контрразведывательными отделениями военных округов осуще-

ствляло особое делопроизводство при отделе генерал-квартирмейстера ГУГШ. В оперативном же отношении начальники КРО подчинялись непосредственно генерал-квартирмейстерам военных округов, которые в основном и руководили работой контрразведки, поскольку особое делопроизводство являлось регистрирующим и отчетным учреждением.

Через генерал-квартирмейстера и начальника разведывательного отделения начальник КРО подчинялся начальнику штаба округа. В каждом военном округе стали функционировать два специальных органа: разведывательный, под руководством офицера Генерального штаба осуществлявший шпионаж за границей, и контрразведывательный, под руководством жандармского офицера обнаруживавший иностранных шпионов на территории Российской Империи.

Казна ежегодно выделяла Военному министерству на нужды контрразведки по 843 тыс. руб., однако реально отделения получали на 200—260 тыс. руб. меньше. Разница, очевидно, шла на финансирование разведки. Общая сумма «секретных» расходов Военного министерства в 1911 году составила 1 947 850 руб., в том числе на «надобности» разведки — 891 920 руб. и 583 500 руб. — на контрразведку¹².

По отдельным статьям сумма расходов ГУГШ на контрразведку распределялась следующим образом: на секретную агентуру и оплату ценной информации — 246 тыс. руб., жалованье служащим — 157 260 руб., на служебные разъезды — 63 600 руб., наем и содержание канцелярий — 33 840 руб., услуги переводчиков — 12 600 руб., содержание конспиративных квартир — 12 600 руб.¹³. Как видим, почти 43 проц. всех денег шли на оплату услуг агентуры, без которой существование контрразведки было признано невозможным. В зависимости от масштабов предстоящей работы определялась сумма финансирования контрразведывательных отделений. Самая крупная сумма предназначалась Санкт-Петербуржскому (городскому) отделению. Ему предстояла наиболее ответственная работа — обезопасить центральные военные учреждения империи и контролировать действия иностранных дипломатов. На втором месте находилось Хабаровское отделение. Его главной задачей была борьба с японской разведкой. Варшавское и Киевское отделения, которым предстояло нейтрализовать германскую и австрийскую разведку в западных приграничных губерниях, получили третью по объему сумму. Иркутское контрразведывательное отделение занимало четвертую позицию. В его зоне ответственности была вся Сибирь. На этой гигант-

ской территории предстояло организовать борьбу с китайской, японской и другими разведками, а это явно предполагало большие траты. Меньше всех досталось Тифлисскому и Одесскому отделениям. Они противостояли относительно слабым разведслужбам Турции, Балканских государств и отчасти Австро-Венгрии.

6 июня 1911 года начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский утвердил штат КРО. В течение месяца начальники окружных штабов представили отделу генерал-квартирмейстера ГУГШ кандидатуры начальников контрразведывательных отделений¹⁴, которые 12 июля убыли к новым местам службы. Из 11 начальников контрразведывательных отделений до этого 4 состояли на службе в охранных отделениях; 7 начальников имели чин ротмистра и 4 — подполковника. По характеристикам жандармского ведомства, все они были опытными и энергичными офицерами. Ротмистр Немысский возглавил контрразведывательное отделение штаба Санкт-Петербургского военного округа, подполковник князь Туркестанов — Московского, подполковник Аплечеев — Одесского, ротмистр Муев — Варшавского, ротмистр Беловодский — Виленского, ротмистр Зозулевский — Туркестанского, ротмистр Куприянов — Иркутского¹⁵.

В ГУГШ и ДП понимали, что эффективность работы контрразведывательных отделений будет во многом зависеть от кадров. Окружным генерал-квартирмейстерам ГУГШ предоставило право самостоятельно определить кандидатов на должности начальников отделений в среде жандармских офицеров, известных им «с отличной стороны». Таким образом, Генштаб снимал с себя ответственность за неудачный выбор кандидатов, а начальники штабов военных округов, как предполагалось, ввели бы в свое окружение не согладаев из жандармерии, а лично им знакомых людей. В действительности же далеко не все штабные генералы могли судить о компетентности сотрудников политической полиции. К тому же редкий начальник, в том числе и жандармский, согласился бы добровольно отдать хороших работников в чужое ведомство. Поэтому вполне понятно, что руководители губернских жандармских управлений (ГЖУ) рекомендовали штабам подчас далеко не самых способных своих офицеров. Генерал-квартирмейстеры делали свой выбор практически наугад, полагаясь на аттестации жандармского начальства. Поэтому на первых порах контрразведывательные отделения, по всей видимости, вряд ли возглавили профессионалы высокого класса.

Чтобы должность начальника контрразведки выглядела в глазах

жандармов более привлекательной, для занявших ее было предусмотрено крупное «добавочное содержание» — 3600 руб. в год. С учетом всех выплат начальники отделений получали в зависимости от чина 5500—5800 руб. в год, что в 2,5 раза превышало средний годовой оклад жандармского ротмистра и даже превосходило обычное денежное содержание командира пехотной бригады в чине генерал-майора. Не скупились на жалованье и другим штатным сотрудникам отделений. Чиновникам для поручений полагалось 1500 руб. в год, а в Санкт-Петербурге, Иркутске и Хабаровске из-за «дороговизны жизни» — 1800 руб. Старшие наблюдательные агенты получали соответственно 1200 и 1500 руб., младшие — 780 и 1200 руб. Это были относительно высокие оклады. Например, судебный следователь с университетским дипломом имел годовое жалованье в 789 руб., участковый врач на железной дороге — 1200¹⁶.

Намного сложнее оказалось найти желающих занять должности помощников начальников отделений, хотя им также полагалось «добавочное содержание» по 1200—1500 руб. Так, § 9 Положения о контрразведывательных отделениях требовал, чтобы помощниками начальников отделений назначались армейские офицеры и только в крайнем случае — жандармы. В Приамурском и Иркутском военных округах офицеры — выпускники Дальневосточного института восточных языков приравнивались в отношении назначения на должности по контрразведывательной службе к офицерам ГШ и могли исполнять обязанности начальников КРО, но только в том случае, если в составе офицерских чинов отделения будет хотя бы одно лицо с юридическим образованием. Чинами для поручений и наблюдателями могли быть лица, служившие по политическому сыску.

8 июня 1911 года военный министр В.А. Сухомлинов утвердил Положение о контрразведывательных отделениях военных округов, где, в частности, говорилось: «Контрразведывательные отделения военных округов учреждаются для борьбы с военным шпионажем, для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны Российской Империи»¹⁷.

Инструкцией, разработанной Генштабом, было определено, что «военным шпионством (военной разведкой) является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских), об укрепленных силах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране, путях сообщений, производимый с целью передачи их иностранным державам».

Вести борьбу со шпионажем предлагалось с помощью агентуры и наружного наблюдения. В условиях мирного времени агентура подразделялась на следующие категории: консульская агентура, внедренная или завербованная из числа обслуживающего персонала или родственников служащих иностранных представительств, расположенных на территории страны; штабная агентура, занимавшаяся личным составом военных и военно-морских учреждений России, как в центре, так и на местах; внутренняя агентура, обслуживавшая общественные места, расположенные вблизи учреждений, посещавшихся «военными чинами» (торговые лавки, чайные, рестораны и т.п.), а также точки, подходы для проведения «свиданий» агентов иностранных разведок «с лицами, дающими им сведения».

Однако следует заметить, что с переходом полномочий по реализации контрразведывательных функций к военному ведомству ситуация с так называемой офицерской штабной агентурой осталась неизменной. Проблема лишь консервировалась и загонялась вглубь. Менталитет кадрового офицерства изначально был негативен по отношению к любому виду оперативного поиска в своей среде. Данная особенность видна во всех нормативных документах военной контрразведки. Инструкциями запрещалось вербовать агентуру среди военнослужащих, а устанавливать наблюдение за офицерами разрешалось лишь с санкции генерал-квартирмейстера, да и то, как отмечалось, «только в исключительных случаях». Как следует из вышесказанного, военная контрразведка изначально была поставлена в «щекотливое» положение при ведении оперативно-розыскной деятельности в армейской среде.

Сложность с вербовкой осведомителей заключалась еще и в специфике борьбы со шпионажем. В отличие от революционеров, которые действовали в составе подпольной организации, агенты иностранных спецслужб работали в одиночку. Поэтому найти сексота, пожелавшего выдать шпиона, а потом следить за ним до самого ареста было непростым делом. Контрразведчики вербовали информаторов среди обиженных поставщиков секретных сведений, мелких осведомителей и любовниц шпионов. Шли на контакт с сотрудниками КРО и лица, желавшие заработать деньги на выдаче иностранного агента, а также по идейным соображениям.

Если внутренняя агентура служила для освещения намерений шпиона, то наружное наблюдение следило за его действиями. «Филерская служба, — пишет начальник разведывательного отделения Варшавского военного округа полковник Н.С. Батюшин, — тре-

бует от агентов наружного наблюдения, кроме умственного развития, памяти и находчивости, особого развития зрительной памяти, которая должна фиксировать все доступные глазу мелочи повседневной уличной жизни, и умения вести наблюдение на расстоянии, дабы не попасть в поле зрения наблюдаемого»¹⁸.

Создание органов армейской контрразведки в течение 1911 года не означало учреждения некой особой системы, в частности потому, что отсутствовал управляющий центр, который бы координировал и планировал борьбу с агентурой противника, а тем более прогнозировал вероятные действия иностранных спецслужб по стране в целом. По мнению специалистов Департамента полиции, военное ведомство, создавая свою контрразведывательную службу, совершило ошибку, законспирировав деятельность контрразведывательных органов. По этой причине сотрудники КРО были лишены всякой исполнительной власти, даже той, которую они имели как жандармские офицеры. Инструкцией им предписывалось только вести наружное наблюдение, а для обысков и арестов обращаться к местным жандармским органам. Но парадокс ситуации заключается в том, что после создания в Военном министерстве контрразведывательных отделений циркуляром Департамента полиции от 18 сентября 1911 года борьба с иностранными спецслужбами была изъята из круга прямых обязанностей Главного жандармского управления и охранных отделений, хотя им были даны указания по-прежнему передавать поступающие сведения о фактах шпионажа окружающим генерал-квартирмейстерам¹⁹.

Таким образом, разоблачение иностранных шпионов перешло из такого крупного учреждения, как Департамент полиции, в ведение скромных по численности отделений. И если ГЖУ из-за малочисленности не могло бороться со шпионажем в своей губернии, то каких результатов можно было ожидать от отделений, которое по числу служащих являлось меньше любого жандармского управления и к тому же функционировало нелегально. После реорганизации начальник отделения — лицо, лишённое всякой власти, — мог только при «хороших отношениях» с жандармскими властями рассчитывать на реализацию своих агентурных сведений. Сотрудники ГЖУ, наделённые властью по производству дознания, являлись слепыми исполнителями воли контрразведки военного ведомства.

Проанализировав работу военной контрразведки, специалисты ДП признали ее бессистемной и дали неудовлетворительную оценку ее оперативно-розыскной деятельности. Помимо указанных не-

достатков чины департамента констатировали некоторую отчужденность КРО от жандармских управлений и охранных отделений. Она выражалась в том, что начальники КРО в своих требованиях к начальникам ГЖУ и охранных отделений о проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий не считали нужным посвящать последних в существо дела. В этих случаях роль жандармерии и охраны сводилась лишь к формальному исполнению ими требований контрразведки. Жандармерия и охранка не имели возможности самостоятельно проводить расследования и оперативные разработки подозреваемых в шпионаже лиц. Несогласованность действий упомянутых розыскных органов в борьбе с агентурой замечалась и при ведении наружного наблюдения. Из-за отчужденности органов сыска часто за одними и теми же лицами слежка велась одновременно несколькими спецслужбами, что снижало эффективность розыска²⁰.

Подобного рода разобщенность была заложена еще межведомственной комиссией, которой до конца не удалось разграничить ведомственные полномочия. Предполагалось, что все возникающие проблемы можно будет решать в процессе работы. Однако члены комиссий недооценили глубину существовавших межведомственных разногласий. Сразу же после формирования контрразведывательных отделений на первый план вышли не вопросы координации действий военных и полицейских органов, а тяжба между штабами военных округов и жандармскими управлениями за право единоличного распоряжаться этими отделениями. Кажется, что для споров не было оснований. В Положении о контрразведывательных отделениях 1911 года указано, что они подчинены генерал-квартирмейстерам окружных штабов, при которых созданы. Вроде бы все ясно. Однако начальниками отделений были офицеры Отдельного корпуса жандармов. Они считались прикомандированными к местным жандармским управлениям, и в силу этого обстоятельства начальники управлений были убеждены в том, что офицеры контрразведки обязаны беспрекословно выполнять их приказания. Выходило, что контрразведка в провинции имела двойное подчинение, причем каждое начальство (жандармское и военное) стремилось продемонстрировать свою исключительную власть над контрразведывательным отделением.

Причину межведомственной разобщенности органов контрразведки также следует искать в корпоративности, пронизывавшей государственной аппарат империи. Особенно заметна она была в армии. Внешне сплоченный офицер-

ский корпус в действительности не был однородным. Например, в среде армейского офицерства закрепились стойкая неприязнь к гвардии. Старшие офицеры делили себя на тех, кто окончил Николаевскую академию Генштаба, и тех, кто там не обучался. Принцип товарищеской взаимопомощи, действовавший внутри каждой из групп, не распространялся на «чужаков». В основе этого бесконечного деления на слои, группы и т.д. лежало чувство неприязни большинства к «выскочкам», к тем, кто сумел выделиться из основной массы офицерства. Этим можно объяснить резкое отчуждение, характерное для взаимоотношений офицеров армии и ОКЖ. Ведь корпус был укомплектован армейскими офицерами, пожелавшими сменить род службы и прошедшими серьезный конкурсный отбор. Причем очень часто без протекции перевод в корпус был попросту невозможен. Многие офицеры вопреки утвердившемуся в литературе мнению пытались добиться перевода в Отдельный корпус жандармов, поскольку это был единственный реальный способ молодым честолюбцам, не попавшим в академию, вырваться из тягостной беспробудности гарнизонной службы. Но не всем это удавалось.

Итак, согласия и уважения между представителями офицерства, по всей видимости, быть не могло. Но как ни покажется странным, и в среде жандармов дробление на взаимно отчужденные группы продолжалось. Офицеры ГЖУ видели чуть ли не врагов в лице своих товарищей, служивших в охранных отделениях. В 1911 году оформилась и еще одна, правда, немногочисленная группа — офицеры контрразведки, которую весьма неприязненно восприняла большая часть жандармских офицеров. Начальники жандармских управлений и их помощники ревниво следили за каждым шагом своих коллег из контрразведки. Непременным атрибутом межгруппового соперничества в жандармской среде были интриги, что вполне отражало специфику деятельности политической полиции²¹.

Успешному противостоянию иностранным спецслужбам препятствовали не только межведомственная разобщенность, структурное несовершенство контрразведывательных органов, но и законодательная база Российской Империи. Действовавшие к началу XX века законы о государственной измене не только устарели, но и пришли в прямое противоречие с общегосударственными интересами, требовавшими сурового наказания шпионов. В частности, статья 111 Уголовного уложения, кстати, заимствованная из немецкого и французского законодательства, следующим образом определяла

понятие о шпионаже: «Виновный в опубликовании или сообщении правительству или агенту иностранного государства, не находящегося в войне с Россией, плана, рисунка, документа, копии с оных или сведения, которые заведомо должны были храниться в тайне от иностранного государства, наказывается каторгой на срок не свыше восьми лет. Если сии план, рисунок, документ, копия с оных или сведения вверены были виновному по службе, или если он получил или ознакомился с ними по своему служебному положению, или если ему объявлено было воспрещение публиковать или сообщать оные, то он наказывается срочною каторгой», т.е. каторгой до 15 лет. Согласно этой статье преступными признавались такие данные, когда сообщаемые иностранному государству сведения составляли бы для него тайну и характер их был заранее известен обвиняемому. По смыслу 111 статьи Уголовного уложения многие секретные документы, в том числе и приказы по военному ведомству, не считались тайной, а поэтому и передача их агентам иностранных спецслужб признавалась ненаказуемой. Понятно, что при наличии такого законодательства никакой речи о серьезной борьбе со шпионажем и быть не могло. Эти недостатки заставили Министерство юстиции и Военное Министерство в начале 1911 года приступить к пересмотру действовавшего законодательства в государственной измене путем шпионажа. Для разработки нового закона была создана особая комиссия из представителей этих двух ведомств. После длительной процедуры согласований и уточнений 3 марта 1912 года министр юстиции И.Г. Щегловитов и военный министр В.А. Сухомлинов представили новый проект на рассмотрение Государственной думы, где он подвергся дополнительному изучению и некоторой переработке, не внесшей существенных изменений. 6 июня 1912 года Государственная дума одобрила проект закона и представила его на рассмотрение Государственного совета. 25 июня закон получил одобрение Госсовета, а 5 июля был утвержден Николаем II.

Закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» в значительной мере ликвидировал отсталость русского законодательства в области борьбы с иностранным шпионажем и давал серьезное оружие в руки судебных и контрразведывательных органов. По новому закону в понятие шпионажа стали входить «собрание, способность собиранию иностранными государствами сведений или предметов», касающихся внешней безопасности государства и его

вооруженных сил. Шпионаж против России по этому закону стал являться тягчайшим видом государственной измены, и наказание за него увеличилось с 8 до 15 лет каторжных работ²².

Несмотря на недостатки в организации контрразведки, с сентября 1911 года по февраль 1913-го по обвинению в шпионаже были арестованы 98 человек: 8 — в 1911 году, 79 — в 1912-м, 11 — в 1913-м, из них 11 человек привлечены к различным наказаниям, 7 высланы за границу как «порочные» иностранцы, 5 оправданы или не привлечены к ответственности за недостаточностью улик, судьба остальных неизвестна²³.

Позитивных результатов в работе органов безопасности удалось добиться благодаря профессионализму офицерских чинов КРО. По авторитетному мнению Н.С. Батюшина, к началу Первой мировой войны были подготовлены кадры опытных контрразведчиков, которые смогли нанести урон спецслужбам противника.

Однако усилий малочисленных КРО для эффективной борьбы с германской и австрийской разведслужбами было все же недостаточно, поэтому 17 января 1914 года командир Отдельного корпуса жандармов генерал-майор В.Ф. Джунковский приказал жандармским органам сообщать окружным генерал-квартирмейстерам об обнаружении иностранных разведчиков и агентов, а также оказывать содействие начальникам КРО в их раскрытии и задержании²⁴. Тем не менее нерегулируемость на высшем уровне вопроса взаимодействия военной контрразведки с розыскными структурами МВД, отсутствие централизованной системы управления негативно сказались после августа 1914 года.

Начавшаяся Первая мировая война показала, что КРО не в состоянии оказать эффективное противодействие австрийской и германской спецслужбам, поскольку они не только осуществляли сбор секретных сведений о действующей армии и военно-морском флоте (в том числе с помощью новейших по тем временам средств — радио и телеграфа), но также занимались разведкой в политической и экономической сферах, вели подрывную пропаганду среди населения, организовывали саботаж и диверсии.

Война требовала новых подходов, организации нестандартных форм и методов работы спецслужб, прежде всего объединения в борьбе с врагом усилий розыскных органов МВД и военной контрразведки. Однако игнорирование командованием армии в начальный период войны проблем безопасности войск и тыла показали, что высший генералитет своевременно не сумел освоить новую для себя сферу деятельно-

сти. Ярким примером беспечности может служить тот факт, что в самой Ставке Верховного главнокомандующего вплоть до второй половины 1915 года не было соответствующего контрразведывательного подразделения. Да и то оно было сформировано по инициативе товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, обеспокоенного безопасностью императора и состоянием сохранности государственных секретов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ращупкин Ю.М. О разведывательной деятельности штаба Иркутского военного округа после русско-японской войны 1904—1905 гг. // Военные конфликты и наемничество: история и современность. Доклады и тезисы второй военно-исторической конференции (28 мая 1996 г.). Иркутск, 1996. С. 35.

² Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и Картолитография», 1999. С. 140, 141.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6772. Л. 8.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 135 об. 136.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 92. Л. 13.

⁶ Там же.

⁷ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 305. Оп. 1. Д. 12. Л. 118.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 138.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 697. Л. 3.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 86.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 153. Л. 122.

¹³ Там же. Л. 121, 122.

¹⁴ Там же. Д. 93. Л. 97.

¹⁵ Там же. Л. 101; Д. 165. Л. 1

¹⁶ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы. www.militera.lib.ru/research/wgrekov/

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 82.

¹⁸ Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002. С. 144.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 141 об.

²⁰ Никитинский И. Из истории русской контрразведки: Сб. документов. М., 1946. С. 13.

²¹ Греков Н.В. Указ. соч.

²² Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. М., 1931. С. 31.

²³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 305. Л. 11 об.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 356. Т. 1. Л. 140, 143 об., 277, 277 об., 278.

Подполковник Н.С. КИРМЕЛЬ

«РОССИЯ — СТРАНА КОНТРАСТОВ, И НИГДЕ ЭТО СВОЙСТВО НЕ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ТАК ЯСНО, КАК В ПЛЕНУ...»

Отечественной историографией довольно полно исследованы вопросы участия военнопленных Первой мировой войны в революционных событиях в России, в том числе в Гражданской войне. При этом проблемы их пребывания в России до октября 1917 года — как правовые, так и организационные — чаще всего оставались в тени и широкому читателю мало известны. В данной статье предпринята попытка исследования одного из аспектов проблемы — побегов немецких и австрийских военнопленных на родину через страны Скандинавии.

ПЕРВАЯ мировая война привела в движение миллионы людей. На полях сражений столкнулись массовые регулярные армии, что привело к резкому увеличению по сравнению с прежними войнами числа военнопленных с обеих сторон. Так, к 1 марта 1916 года общее количество немецких и австрийских военнопленных в России, по официальным данным, составило 1 019 473 человека, из них на работах, в том числе в промышленности и сельском хозяйстве, находились около 600 тыс. человек, в лагерях — более 400 тыс.¹. Всего в России за время ее участия в Первой мировой войне оказались более 2 млн. военнопленных, подавляющую часть которых — примерно 1,5 млн. человек — составляли солдаты и офицеры австро-венгерской армии.

Размещение военнопленных на территории России было организовано «сообразно с национальностью». В привилегированном положении оказались военнопленные Австро-Венгрии, так как многие из них были славянского происхождения. Пленных же нем-

цев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра — обычно за Урал: в Омский, Иркутский, Туркестанский и Приамурский военные округа².

Надо сказать, что в целом условия содержания военнопленных в России отвечали требованиям Гаагской конвенции 1907 года, документы которой Россия ратифицировала в 1909 году. В октябре 1914 года император Николай II утвердил «Положение о военнопленных», где говорилось о том, что с пленными «как законными защитниками своего отечества надлежит обращаться человеколюбиво»³. Разумеется, на практике требования этого положения в полном объеме выполнить было весьма трудно, ибо обеспечение приемлемых условий существования для столь огромного количества военнопленных стало непосильным бременем для империи. Однако нельзя не учитывать и того, что в России, как, впрочем, и в других воевавших странах, труд военнопленных широко использовался в народном хозяйстве, но, что следует особо подчеркнуть, не безвозмездно. Причем заработки их были по тем временам весьма приличными. Так, на строительстве Мурманской железной дороги военнопленный получал в среднем 50—60 коп. в день, при сдельной работе — от 1,5 до 2,5 руб. Лучшие работники, которыми считались прежде всего немцы как наиболее трудолюбивые и дисциплинированные, зарабатывали при 9-часовом рабочем дне до 100 руб. в месяц⁴. Другим серьезным источником денежных средств была материальная помощь своим военнопленным ряда частных фондов Германии и Австро-Венгрии. Так, из Германии через «Дойче банк» было переведено для военнопленных в России 14 млн. 700 тыс. руб., из Австро-Венгрии — более 7 млн. руб. Кроме того, военнопленные офицеры

получали жалованье в зависимости от чина в 50—100 руб. в месяц. К тому же в Сибири или в Средней Азии они нередко подрабатывали как инженеры, бухгалтеры и т.п., заодно осваивая русский язык. Разумеется, далеко не всегда все положенные выплаты полностью доходили до военнопленных.

Бежали военнопленные в основном со строек, прежде всего с Мурманской железной дороги. Беглецами являлись, как правило, немцы и австрийцы. Бежали не из-за каких-либо притеснений, а из-за тяжелых условий работы, плохого климата. К побегу подталкивали и такие обстоятельства: наличие солидных денежных средств, плохая охрана, безлюдные просторы русского Севера, близость Финляндии, в которой уже тогда начали набирать силу русофобские настроения и откуда легко было попасть в Норвегию или Швецию. В последней под дипломатическим прикрытием действовали многочисленные немецкие и австрийские агенты, а шведский Красный Крест, сотрудники которого имели возможность с инспекторскими проверками посещать лагеря для военнопленных в России, нередко также выполнял «особые поручения» Берлина.

В Швеции существовала также специальная организация, оказывавшая помощь беглецам, в частности, нанимавшая для них финских проводников, которые подстрекали военнопленных к побегам⁵. Так, одной из ключевых фигур в организации побегов военнопленных с Мурманской железной дороги являлся бывший немецкий консул в пограничном с Финляндией шведском городке Хапаранда Свен Унандер. С началом войны он сотрудничал со шведским Красным Крестом, принимая деятельное участие в передаче из Швеции в Россию возвращавшихся из германского плена русских инвалидов и имея, таким

образом, свободный доступ на территорию Финляндии⁶.

ПЕРВЫЕ сведения об удачном пересечении военнопленными финско-шведской границы российские военные власти получили осенью 1915 года: в одной из шведских газет был описан случай бегства шести германских военнопленных, трое из которых перешли границу в 20 км севернее города Торнео. В статье сообщалось, что бежавшие работали на строительстве Мурманской железной дороги⁷.

Второй случай удачного побега, также ставший достоянием общественности благодаря шведским газетам, — это побег австрийского полковника графа Лубенского из лагеря военнопленных в Костроме. В конце декабря 1915 года полковник прибыл в Стокгольм и дал интервью шведской газете «Стокгольмс Дагблад», где красочно обрисовал картину своего побега из лагеря для военнопленных. Лубенскому удалось приобрести российский паспорт, с которым он добрался до Петрограда, затем пересек практически всю Финляндию вплоть до Ботнического залива. Финны переправили его через залив в Швецию, где он оказался под покровительством германского консула. Дальше Лубенский планировал отправиться через Берлин к себе на родину — в Вену⁸.

Военнопленные использовали несколько маршрутов для побегов. Достаточно популярным был путь Петроград—Белоостров—Выборг—Гельсингфорс, откуда беглецы стремились попасть в финские города на побережье Ботнического залива или переходили шведскую границу в Северной Финляндии. Другой маршрут: Сердоболь (Сортавала)—Нейшлот—Оулу—Торнео. Севернее Торнео границу было преодолеть довольно легко. При этом фальшивые документы в Петрограде можно было приобрести, в частности, в Польской аптеке, которая находилась на Екатерининском канале, а в Гельсингфорсе — в ночлежном доме «Армии спасения»⁹. Многих беглецов привлекало и норвежское направление. Например, в середине июля 1916 года на ушедшем из Архангельска норвежском пароходе «Плутон» отправились на родину два бежавших из Сибири военнопленных немца. Они спрятались в угольных ямах на корабле

незадолго до его ухода из Архангельска и благополучно добрались до Норвегии¹⁰. Бежавшие в Норвегию стремились попасть в порты Нарвик и Киркенес, куда в середине августа 1916 года прибыли 18 пленных австрийцев, бежавших из Северной Финляндии¹¹. В сентябре 1916 года было получено сообщение о побеге еще двух пленных, которые в Петрограде купили фальшивые паспорта, затем по железной дороге проехали до Рованиеми, оттуда прошли пешком до лопарских селений и добрались до Порсангерфьорда, где сели на пароход¹².

Бежавшие из российского плена так красочно описывали неспособность российских властей обеспечить надлежащую охрану, что руководители немецкой военной разведки в Стокгольме даже предлагали организовать «спасательную операцию», чтобы с помощью «оружия и компаса» освободить тысячи военнопленных, работавших на Мурманской железной дороге¹³. Предложение, однако, осталось нереализованным.

В Петрограде понимали, что охрана пленных весьма недостаточна. Так, в августе 1916 года военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев сообщал в Министерство путей сообщения: «Бегство пленных с Мурманской железной дороги превратилось в постоянное явление и стало в последнее время массовым. Средств же задержать всех бегущих имеется недостаточно». Военный министр просил принять меры для более строгого наблюдения за военнопленными, чтобы прекратить участвовавшие случаи побегов¹⁴. В Министерстве путей сообщения предпочитали не драматизировать ситуацию. По данным этого ведомства, за время пребывания военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги — с июня 1915 по август 1916 года — было совершено лишь 189 побегов, причем 134 беглеца сами вернулись или были пойманы. Таким образом, не удалось разыскать лишь 55 человек. Если учесть, что количество

пленных, строивших железную дорогу, достигало 40 тыс. человек, то бежавших оказывалось ничтожно мало — всего 0,14 проц. Так что идти на лишние расходы по увеличению охраны Министерству путей сообщения не хотелось¹⁵.

Противоположного мнения придерживались архангельские власти. По их мнению, за весну и лето 1916 года со строительства Мурманской железной дороги бежали 177 военнопленных, при этом задержать удалось всего 23 человека¹⁶. Для Министерства внутренних дел в правлении Архангельского губернатора была подготовлена даже специальная таблица, которую стоит здесь привести.

В губернском правлении считали, что розыск пленных «становится почти невозможным и обнаружение бежавших может быть лишь чистой случайностью... а надзор за пленными настолько слаб, что они без всякой охраны разгуливают не только по селениям, лежащим близ железной дороги, но и по городу Кемь, свободно посещают... иностранные теплоходы». Поэтому губернатор просил министра внутренних дел заставить руководство Мурманской железной дороги усилить надзор за военнопленными, запретить им выход из полосы отчуждения и особенно посещение городов и сел без усиленного конвоя, увеличить на границе с Финляндией военные кордоны, немедленно извещать Архангельск о случаях побегов¹⁷.

Таблица

Побеги военнопленных со строительства Мурманской железной дороги в апреле—июле 1916 года

Дата побега	Дата получения информации о побеге в Архангельском губернском правлении	Число бежавших
3 апреля	25 апреля	2
6 апреля	25 апреля	4
24 апреля	20 мая	6
18 мая	21 мая	1
21 мая	24 мая	1
23 мая	31 мая	3
29 мая	2 июня	2
13 июня	15 июня	4
23 июня	29 июня	17
27—28 июня	4 июля	23
1 июля	4 июля	7
4 июля	4 июля	9
21 июля	21 июля	17
21 июля	28 июля	42
9—18 июля	22 июля	9
3 августа	10 августа	4
8 августа	10 августа	1
24—26 июля	30 августа	12
28 июля	2 августа	9
31 июля	5 августа	4
Итого		177 человек

СИТУАЦИЯ на Мурманской железной дороге привлекла внимание представителей международного и российского Красного Креста. Так как бежавшие ссылались на тяжелые условия, шведский Красный Крест провел расследования, в ходе которых выяснилось, что пленные многое недополучали из выделенных для них средств, которые оказывались в карманах подрядчиков, чиновников и охранников¹⁸. В принципе, это подтвердил и член Особого комитета помощи военнопленным М. Горяинов, который побывал здесь в августе 1916 года с подарками, собранными для военнопленных в Австро-Венгрии и Германии. В своем отчете он писал: «Военнопленным не удалось предоставить сносные условия на строительстве этой дороги... Из 10 тыс. славян, поступивших в 1915 г. на работу, в настоящее время не осталось почти никого. Одни умерли, другие уже эвакуированы по болезни, а остальные ожидают эвакуации... Каждый пленный, пробывший на тяжелой работе свыше года, заболевает цингой, но чаще и раньше срока». Пленные жаловались ему также на жестокость охраны, состоявшей преимущественно из «недисциплинированных, плохо понимающих русский язык, без нужды прибегающих к нагайке» и занимавшихся вымогательством денежных средств черкесов, ингушей, других выходцев с Северного Кавказа¹⁹.

Нельзя сказать, чтобы российские военные власти не боролись с побегами. Так, одной из мер было решение довести численность стражи до 2000 человек: примерно по одному охраннику на 20 пленных. Так как местное население не желало идти в охрану, Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) предложило использовать туркмен из расчета 1 охранник на 10 пленных. Однако управление строительства Мурманской железной дороги отказалось от этого предложения, справедливо полагая, что туркмены «совершенно непригодны к перенесению климатических условий Севера». К тому же из-за своего низкого культурного уровня и незнания русского языка такие охранники не могли отвечать «требованиям полицейской службы»²⁰. Управление Мурманской железной дороги решило бороться с побегами, а заодно и с жалобами

международных организаций другим способом — сократить время пребывания военнопленных на строительстве дороги до нескольких месяцев, чтобы те не успели подготовиться к побегу. Выживших перебрасывали «для поправки здоровья» куда-нибудь на юг, например, на строительство Черноморской железной дороги. Были приняты также меры по усилению охраны финско-шведской и финско-норвежской границ, увеличено число жандармов в Северной Финляндии. К поимке беглецов пытались привлечь и местное население, обещая выплачивать за каждого задержанного пленного по 100 марок²¹. И надо отметить, что немало пленных удалось задержать, причем при непосредственном участии финского населения. Особенно важным для российских властей являлось содействие жителей Северной Финляндии, так как задержание при малонаселенности этой территории нередко производилось только благодаря информации местных жителей. Особое рвение проявили в аресте военнопленных губернатор Улеборга (Оулу) Энегельм и ленсман прихода Куолаярви В. Ванхала. С 16 ноября по 25 декабря 1916 года в Финляндии были задержаны 60 военнопленных, причем основная масса — 57 человек были задержаны в Улеборгской губернии, 3 человека — в Выборге²².

Благодаря относительной простоте перехода границы Финляндия привлекала военнопленных, размещенных практически по всей России. Сюда бежали из лагерей Нижнего Новгорода, с тульских заводов, с лесозаготовок, с Украины и даже из Средней Азии, Западной и Восточной Сибири. Удивительно, но беглецам не стоило особых трудов обзаводиться поддельными документами и с относительным комфортом «путешествовать» по всей России, используя любую возможность проникнуть через ее границы. Например, в августе 1916 года из лагерей под Красноярском бежали два германских офицера — А. Бредель и И. Рей. Сначала они пытались перейти границу с Ираном, но неудачно, тогда повернули в Финляндию²³. Еще один пример: выпускник Кембриджа, доктор философии поляк Зенон-Владислав Червинский, который в годы Первой мировой войны сражался в польском легионе Ю. Пилсуд-

ского и был взят в плен. Сначала он пытался бежать через Дальний Восток в Америку, однако, добравшись до Красноярска, повернул назад и поехал в Петроград, откуда через Северо-Западную Финляндию пытался бежать в Швецию, однако в районе Торнео был арестован²⁴.

Что касается фальшивых документов, то их в местах сосредоточения военнопленных можно было купить и на рынке, и даже в самом лагере за 150—200 руб. Подпольные мастерские по производству фальшивых документов имелись в Петрограде, Москве, Красноярске, Омске, Вятке, Гельсингфорсе. Офицеры, бежавшие из плена, иногда покупали документы прямо в поезде, на пути в Петроград, у финнов, возвращавшихся со строительства Мурманской железной дороги²⁵.

Для проникновения в Финляндию и затем перехода границы военнопленные использовали различные хитроумные приемы. Они могли изображать из себя прибалтийских беженцев или богомольцев, страстно желавших попасть в святые обители, правда, исключительно на финской территории. Иногда военнопленные договаривались между собой бежать небольшой группой. Одного, похожего на славянина, одевали в форму русского солдата, который играл роль конвоира, сопровождавшего остальных военнопленных. На вокзале мнимый конвоир с фальшивыми документами, хорошо владевший русским языком, обращался к местному начальству, которое обычно оказывало ему полное содействие, иногда даже отводило специальное купе. Таким способом группа добиралась до финской границы. Иногда этот трюк удавался, иногда — нет. На станции Белоостров, к примеру, была задержана подобная группа пленных — 5 человек, бежавших из Туркестана²⁶.

ФЕВРАЛЬСКУЮ революцию в России приветствовало большинство военнопленных. Охрана лагерей была ослаблена, и военнопленные получили возможность относительно свободного выхода из мест содержания (во второй половине 1917 г. были случаи организации охраны пленных офицеров силами солдат-военнопленных из тех же лагерей — членов Красной гвардии), что позволяло им посещать митинги и демонстрации, активными

участниками которых они постепенно становились. В лагерях военнопленные создавали свои выборные комитеты, которые занимались вопросами их быта, трудоустройства и т.д. Вместе с русскими рабочими военнопленные требовали на митингах введения 8-часового рабочего дня. В некоторых лагерях удалось наладить издание газет на языках военнопленных. Для пленных были открыты двери рабочих и солдатских клубов, которые по возможности выписывали для них газеты и книги на их родных языках, устраивали лекции на «политические темы»²⁷. Таким образом, постепенно размывалось само понятие «плен», хотя значительно увеличилось и число побегов. Учитывая это, с сентября 1917 года военное министерство Германии создало при немецком дипломатическом представительстве в Стокгольме специальное бюро для содействия побегам военнопленных, которое возглавил капитан фон Бёниг. При поддержке рейхсканцлера Михаэлиса был также создан общий германско-австрийский «Фонд содействия военнопленным»²⁸.

Вследствие тяжелого продовольственного положения в России ухудшилось и снабжение пленных. Они превращались в «нежелательных едоков». Так, в июне 1917 года в городе Або (Турку) был задержан немецкий унтер-офицер Роберт-Хельмут Циннерт. На допросе он сообщил, что вместе с примерно 200 военнопленными был отправлен на строительство Мурманской железной дороги. Через пять недель работы подвоз продовольствия совершенно прекратился. Пленные устроили бунт, в результате чего местное руководство, не в силах обеспечить всех сносным питанием, распустило их «на все четыре стороны». 18 человек направились в Финляндию, некоторые остались на работах у местных крестьян, а большинство отправилось в Петроград²⁹.

Надо сказать, что бурливший Петроград стал местом притяжения значительного количества военнопленных. Среди них оказался и будущий лидер социалистической Югославии Иосип Броз Тито. Весть о Февральской революции застала его в железнодорожных мастерских небольшого городка Кунгур в Пермской губернии. Решив бежать в Петроград, он тайком сел в товарный поезд и, спря-

тавшись среди мешков с зерном, через несколько дней оказался в городе на Неве. Тито участвовал в июльской демонстрации 1917 года против Временного правительства, а затем решил отправиться через Скандинавские страны на родину — тоже «делать революцию». Однако в Финляндии, под городом Улеаборг (Оулу), он был арестован³⁰. Тито к тому времени неплохо говорил по-русски, и даже на вятском диалекте, поэтому его сначала приняли за «опасного большевика» и посадили в Петропавловскую крепость, затем, разобравшись, отправили назад в лагерь. После долгих мытарств Тито вернулся домой лишь в 1920 году, но не один, а со своей русской женой Пелагеей Белоусовой.

В марте 1918 года между Россией и Германией был подписан Брест-Литовский мирный договор, которым предусматривалось освобождение военнопленных противоборствующих сторон. Но не все захотели «освободиться»: многие уже теперь бывшие военнопленные оказались втянутыми в события Гражданской войны. По воспоминаниям дочери шведского посланника в Петрограде Эльзы Брандстрём, активной деятельницы шведского Красного Креста, лично занимавшейся обменом военнопленных, летом и осенью 1918 года вернулись домой 80 тыс. военнопленных немцев, 450 тыс. военнопленных Австро-Венгрии и 25 тыс. турок. Но в Сибири находились еще около 400 тыс. военных и гражданских пленных, и примерно 35 тыс. — в Туркестане. К лету 1920 года в Сибири оставались еще около 20 тыс. военнопленных³¹, часть которых так и осталась жить в этом крае.

«Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... В России военнопленные временами пользовались свободой и благосостоянием, которые не могли иметь пленные в других странах. Но это благоприятное существование не предотвратило... гибели тысяч товарищей, которые умирали от нужды и лишения...», — напишет впоследствии Э. Брандстрём в своих мемуарах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 166. Л. 47.

² К началу Первой мировой войны тер-

ритория Российской Империи была разделена на 12 военных округов: Петербургский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Московский, Казанский, Кавказский, Туркестанский, Омский, Иркутский, Приамурский.

³ Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 160.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 274. Оп.1/2. Д. 177. Л. 38—43 об. Отчет М. Горяинова, 13.08.1916.

⁵ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1000. Л. 36. Протокол допроса Т. Луканинена, 24.11.1916.

⁶ Там же. Д. 948. Л. 619—620, Л. 694. Отчет командира 42-го армейского корпуса, 17.12.1917.

⁷ Там же. Д. 947. Л. 4, 54—54 об. Донесение А.М. Еремина в штаб 6-й армии, 30.11.1915.

⁸ Там же. Л. 24. Генерал-майор Батюшин — в штаб 6-й армии, 16.12.1915.

⁹ Там же. Д. 1120. Л. 10—11. Доклад помощника начальника контрразведывательного отделения 42-го армейского корпуса штабс-ротмистра Пятницкого.

¹⁰ Там же. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1258. Доклад штабс-капитана Петрова в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) от 28.07.1916.

¹¹ Там же. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 948. Л. 354. Генерал-квартирмейстер Баженов — в ГУГШ, 4.09.1916.

¹² Там же. Л. 462.

¹³ Wanner G. Die Bedeutung der k.u.k. Gesandtschaft in Stockholm während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1983. S. 100.

¹⁴ РГИА. Ф. 274. Оп.1/2. Д.177. Л.4. Записка военного министра Д.С. Шуваева председателю правительства А.Ф. Трепову, 8.08.1916.

¹⁵ Там же. Л. 156—157. Доклад начальника управления путей сообщения от 12.09.1916.

¹⁶ Там же. Л. 479 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Brandström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. 1914—1920. Leipzig, 1927. S. 107.

¹⁹ Но и такая охрана была немногочисленной. Сами участники побегов утверждали, что осуществить побег было легко из-за малочисленности охраны. В августе 1916 г. она составляла 942 горца, т.е. на каждого стражника приходилось более 40 пленных. Доклад начальника управления сооружения железных дорог А.Ф. Трепову, 12.09.1916

²⁰ РГИА. Ф. 274. Оп.1/2. Д. 177. Л. 285—286.

²¹ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 947. Л. 62—62 об. Командир 42-го армейского корпуса — начальнику штаба 6-й армии, 6.02.1916.

²² Там же. Д. 948. Л. 581. Генерал Баженов — в штаб 6-й армии, 28.11.1916.

²³ Там же. Д. 1041. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 218—219 об. Протокол допроса З.В. Червинского.

²⁵ Там же. Д. 1120. Л. 10—11. Показания пленного Ф. Саути, 19.11.1917.

²⁶ Там же. Д. 1102. Л. 41.

²⁷ Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март—октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 147.

²⁸ Wanner G. Op. cit. S. 101.

²⁹ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1041. Л. 373. Протокол допроса Р.Х. Циннерта.

³⁰ Тито Иосип Броз. Избранные речи и статьи. М., 1973. С. 28.

³¹ Brandström E. Op. cit. S. 199, 232.

СОЗДАНИЕ ТЕОРИИ ГОСПОДСТВА НА МОРЕ

Актуальность предлагаемой читателям статьи определяется возрождающимся в последние годы интересом к военно-морской науке после длительного ее забвения. Правда, пока интерес этот присущ скорее узкому кругу специалистов, нежели широкой флотской общественности. Значит, кризис в этой области продолжается. До сих пор даже немногочисленные современные теоретические исследования чрезвычайно важных проблем не находят должного отражения в государственной морской политике, в правительственных решениях по укреплению ВМФ. А ведь значение военно-морской силы государства, исходя из опыта истории и современных геополитических тенденций в мире, выходит за рамки существования ее исключительно как средства для ведения вооруженной борьбы на море. Мощный Военно-морской флот становится в одном случае прежде всего фактором сдерживания, в другом — обеспечения политических интересов государства. Отсюда и вытекают задачи военно-морской науки.

РАЗВЕРНУВШАЯСЯ в последние годы дискуссия о повышении роли военно-морской науки¹ обусловила появление повышенного интереса к основополагающим трудам по теории войны на море. В различных редакциях были переизданы труды А.Т. Мэхэна, Ф.Х. Коломба, Н.Л. Кладо и целого ряда других военно-морских теоретиков². Однако с сожалением следует отметить, что за десятилетия, в течение которых военно-морская наука пребывала в забве-

нии, наш флот воспитал не одно поколение офицеров, знакомых с этими трудами лишь по нескольким критическим замечаниям в учебнике истории военно-морского искусства, тогда как давно известно, что положения теории войны на море оказывали и оказывают непосредственное влияние и на строительство флота, и на характер военных действий.

Моментом их появления можно считать начало 90-х годов XIX столетия, когда вышли в свет научные труды сразу двух авторов, проводивших исследования в области военно-морской теории независимо друг от друга. Это книги «Влияние морской силы на историю, 1660—1783»³ офицера ВМС США А.Т. Мэхэна и «Морская война, ее основные принципы и опыт» английского адмирала Ф.Х. Коломба⁴. Последняя до выхода ее в 1891 году публиковалась в виде статей в журнале «Illustrated Military and Naval Magazine».

Эти работы во многом дополняли друг друга, являясь частями одного целого. Мэхэн, по словам Коломба, говорил «главным образом о том, к чему приводит морское могущество». Сам же Коломба посвящал «свой труд рассмотрению того, что такое морское могущество и как надо пользоваться им»⁵. Поэтому в историю теория господства на море вошла под названием «теории Мэхэна-Коломба», чем в равной степени отдавалось должное каждому из ее авторов.

АЛЬФРЕД Тайер Мэхэн родился в 1840 году в семье профессора военной академии в Вест-Пойнте. В 1859-м, окончив военно-морское училище в Аннаполисе, занимал в американском флоте различные командные и административные должности. Оставив службу в 1896-м в чине капитана 2 ранга (в 1906 г. ему присвоили звание контр-адмирал в отставке), он еще в течение шести лет выполнял различные специальные задания морского министерства и правительства. Так, в 1908 году президент Т. Рузвельт назначил его членом комиссии по реорганизации морского министерства и председателем объединенного комитета по военно-морским делам. Умер Мэхэн в декабре 1914 года.

Теория Мэхэна о влиянии морской силы на историю изложена в

основном в двух его трудах: «Влияние морской силы на историю, 1660—1783» и «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю, 1793—1812»⁶. Эти две книги, принесшие Мэхэну мировую известность, были переведены на все европейские и японский языки и многократно переиздавались в Америке, Англии, Германии и Японии.

Свои идеи Мэхэн одновременно развивал и пропагандировал в американской прессе, выступая с обширными статьями и письмами в журналах и газетах. Впоследствии большинство статей было переиздано в виде отдельных сборников. Наибольший интерес среди этих работ представляют: «Заинтересованность Америки в морской силе»⁷, «Уроки войны с Испанией»⁸, «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику»⁹, «Взгляд в прошлое и перспективы: исследование международных отношений и морской политики»¹⁰ и др.

Основным тезисом своей теории морской силы Мэхэн выдвигал фундаментальную, по его мнению, истину, оправданную историей, по которой «господство на морях и в особенности вдоль великих путей, начертанных государственным интересами или национальной торговлей, является главным среди чисто материальных элементов могущества и процветания народов»¹¹. В свою очередь господство на морях, осуществляемое при помощи морской торговли и военно-морского превосходства, означает, по его словам, «господствующее влияние на море»¹².

В своих рассуждениях Мэхэн исходил из преобладающего влияния на историю и политику граничащих с морем наций трех основных факторов: производства, порождающего необходимость в обмене продуктов, торгового флота, который осуществляет этот обмен, колоний, расширяющих, облегчающих и обеспечивающих безопасность операций торгового флота¹³.

К числу главных условий, влияющих на морское могущество государства, Мэхэн относил: географическое положение; физическую организацию, включая сюда естественную производительность и климат; величину терри-

тории; численность населения; характер народа; характер правительства, включая и национальные учреждения¹⁴. При этом он отмечал, что из всех перечисленных условий лишь последнее носит субъективный характер, поскольку непосредственно зависит от деятельности входящих в правительство лиц и их взглядов на роль и место военно-морского флота в системе обеспечения безопасности государства. Объективные условия, влияющие на морскую мощь государства, полагал он, могут быть улучшены путем субъективной деятельности правительства, не только тогда, когда эта деятельность будет проводиться целенаправленно и целеустремленно. Залогом этого является понимание объективности факторов, влияющих на экономическое и политическое развитие государства.

СЛЕДУЕТ заметить, что Мэхэн рассматривал морскую силу не как самоцель, а как универсальное средство для достижения государством ведущего положения в мире. Вот почему затраты на военно-морские вооружения он предлагал рассматривать как наиболее выгодную форму капиталовложений, приносящих «огромные прибыли». Видя в соперничестве империалистических государств объективный мировой процесс, он считал вполне оправданной целью каждого государства достижение больших для себя выгод за счет других стран и народов, реализуя эту цель через господство на море. «Пользование морем и контроль над морем — писал он, — составляют только одно звено в цепи обмена, которым накапливается богатство. Но это звено главное, и обладающий им как бы налагает контрибуцию на другие нации и, как показывает история, вернее всего собирает богатство»¹⁵. Не случайно теория морской силы Мэхэна, вошедшая в основу стратегической концепции войны на море, явилась одним из краеугольных камней сегодняшнего «атлантизма», что позволяет причислить ее автора к основоположникам теории геополитики.

В дополнение к основным принципам морской стратегии, сформулированным на основе анализа обширного исторического материала эпохи парусного флота, Мэхэн использовал принципы военной стратегии, почерпнутые им из трудов Жомини, Клаузевица и фон дер Гольца, на которые он ссылается в своих сочинениях¹⁶. Он считал, что «военно-морская стратегия» имеет своей главной целью создавать, поддерживать и увеличивать морское могущество страны посредством приобретения все новых выгодных стратеги-

ческих позиций как во время войны, так и во время мира¹⁷, т.е. служить целям непрерывной экспансии, осуществляемой любыми (как дипломатическими, так и военными) средствами. Военную и военно-морскую стратегию он поэтому рассматривал не только как область военной деятельности, но и как составную часть искусства управления государством, а войну — как неизбежное следствие внешней политики.

Государство, стремящееся к внешней экспансии, имеет возможность приобретать без войны территорию, улучшающую его стратегическое положение, из-за «слабости прежних владельцев, которые не в состоянии оказывать сопротивление, составляющее войну», или по той же причине ощущающие «нужду в политических связях с могущественной морской державой»¹⁸. На слабые государства можно оказывать политическое давление в мирное время также изменением дислокации флотов, т.е. демонстрацией морского могущества. Используя успешно мирный период для улучшения своих стратегических позиций, «могущественная морская держава» улучшает свои шансы на победу в войне. Война же должна быть неожиданной для противника. Этого, в частности, можно достичь способностью главных ударных сил флота покрыть расстояние до намеченного отдаленного объекта агрессии и преодолеть его сопротивление «прежде, чем противник сможет ввести в бой свои собственные ресурсы»¹⁹.

ПРИНЦИП установления «господства на море» с помощью морской силы составляет сущность мэхэновской концепции войны на море. Являясь средством для обеспечения нормального функционирования экономики государства, этот фактор выступает в качестве цели при ведении боевых действий на море, когда все усилия направляются на уничтожение флота противника. Только при военном господстве на море и продолжительном контроле над стратегическими центрами торговли, который может быть снят у сильного флота лишь в бою, противнику можно нанести поражение.

Далее Мэхэн поясняет, почему чисто крейсерские операции не могут принести желаемого успеха. «Уничтожение торговли неприятеля отдельными крейсерами, — подчеркивает он, — опирается на широкое рассеяние сил. Уничтожение торговли через контроль над стратегическим центром, осуществляемый при посредстве большого флота, опирается на сосредоточение силы. Рассматриваемое как главная, а не второсте-

пенная операция, первое осуждено, а последнее оправдано опытом столетий»²⁰.

Одной из форм осуществления контроля над тем или иным стратегическим центром является морская блокада, позволяющая добиться господства на море, если в качестве ее объекта выбраны базы флота противника. Вернее будет сказать, что морская блокада закрепляет имеемое господство на море одной из сторон, а именно той, которая ее осуществляет. Отказ противника от выхода в море есть не что иное, как констатация этого господства. Вместе с тем, по мнению Мэхэна, такая стратегия, «чтобы быть действительной, требует превосходства над неприятелем в численности флота». Это объясняется просто. Осуществляющие блокаду отдельных пунктов разрозненные корабельные отряды «находятся слишком далеко друг от друга для оказания взаимной поддержки», и каждый из них поэтому «должен быть равен всякой вероятной комбинации против него, что предполагает повсеместное превосходство над уже выставленными неприятелем силами»²¹.

Чаще в практике значительного преимущества в силах нет. Анализируя аналогичные исторические ситуации, Мэхэн пришел к выводу, что в этом случае более эффективной будет стратегия, направленная на обострение ситуации с целью «добиться решения, либо, заперев неприятельский флот, либо вынудив его принять сражение, в осознании, что он представляет ключ к положению, когда море одновременно и соединяет и разделяет различные части театра войны». Для этого, как считал он, требуется флот, если и равный по численности неприятельскому, то превосходящий последний боеспособностью²². Таким образом, необходимым условием достижения господства на море Мэхэн считал активные действия корабельных сил.

Несмотря на то что в теории Мэхэна значительное место отведено вопросам военно-морского искусства, он рассматривал в основном политические аспекты войны на море. Мэхэн показал, как и когда возникает морская мощь государства, от чего она зависит и как влияет на исход вооруженной борьбы на морском театре военных действий. На основе анализа значительного исторического материала он вывел некоторые закономерности и сформулировал свой основной закон морской войны. Однако теория Мэхэна является не совсем законченной, поскольку способы достижения господства на море, степени этого господства и их влияние на операции морской войны оста-

лись за рамками проведенного исследования. Эти чисто военные вопросы явились предметом рассмотрения в работе английского адмирала Ф. Коломба.

ВИЦЕ-АДМИРАЛ (1896) Филипп Хоуард Коломб (1831—1899) проходил службу в Королевском флоте в различных должностях, начиная с 1846 года боевой практический опыт приобрел, участвуя в колониальных войнах, которые вела Великобритания, а также в Крымской (Восточной) войне коалиционных сил против России в 1853—1856 гг. Научной деятельностью он начал заниматься, после того как вышел в отставку в 1886 году. Известность ему принесла книга «Морская война, ее основные принципы и опыт», в которой излагались чисто военные прикладные вопросы теории владения морем: сущность морской войны, борьба за обладание морем, дифференциация морской силы, попытки достижения обладания морем с дальнейшей целью, условия, при которых нападение на территорию с моря бывает успешным или неуспешным, — словом, все то, что в наибольшей степени учитывается при планировании и проведении флотских боевых операций.

Сущность обладания морем по Коломбу заключалась в обеспечении «за одной стороной контроля или обладания водной поверхностью»²³. При этом, рассматривая отличия 1, 2 и 3-й англо-голландских войн, Коломб отмечал, что «первая война велась под влиянием идеи», когда обладание морем не представляло первостепенной необходимости. Однако воспользовавшись уроками этой войны, голландцы «всего изменили эту политику при возникновении второй войны и сосредоточились во все время ее, несмотря на заметное превосходство неприятеля, на прямой борьбе за обладание морем». Затем, убедившись в правильности такого подхода, они уже более основательно вели эту борьбу в ходе третьей войны, «в течение которой во все время оставались на ней с лучшим успехом»²⁴.

Существенным во взглядах Коломба является акцент на ведение войны совместными усилиями армии и флота, поскольку они являются наиболее эффективными и способны привести к победе гораздо быстрее, чем раздельные действия флота и армии. При этом вторжение морским путем на территорию противника с целью ее завоевания может происходить лишь при условии разгрома вражеских вооруженных сил — армии и флота, уничтожение последнего следует считать первым этапом. Полного же уничтожения неприятельского флота можно не

добиваться, если будет существовать уверенность в невозможности его противодействия доставке и высадке войск, гарантией чему послужит либо блокада корабельных сил противника в базах, либо создание значительного преимущества на маршруте движения транспортов. Иными словами, это те действия, которые в любой момент могут перерасти в непосредственную борьбу с флотом противника за обладание морем с надеждой на успешный исход.

Коломб выделял несколько степеней господства на море: состояние обеспеченного обладания морем, состояние оспариваемого обладания морем и индифферентное состояние, т.е. такое, при котором ни одна сторона не господствует на море. «Рассматривая три состояния моря как условия успеха или неудачи экспедиций, — писал он, — мы должны заметить, что на командуемом море ни одна из последних не может быть приведена в исполнение слабой морской державой иначе как при помощи уклонения от столкновения с флотом сильнейшей державы; в противном случае мы должны допустить, что море было в состоянии оспариваемого обладания или в состоянии индифферентном. С другой стороны, держава, пользующаяся обладанием морем, никогда не должна терпеть неудачу в предпринимаемых ею атаках до тех пор, пока она не отрезала себя от морских сообщений». Развивая эту мысль, он отмечал, что доставка продовольствия по суше никогда не могла конкурировать с транспортировкой тех же грузов по воде. Даже железнодорожные поезда, уточнял он, хотя и движутся с гораздо большей скоростью, чем пароходы, «давно уже достигли предела этой скорости, тогда как никто не может утвердительно сказать, где предел скорости парохода», кроме того, «железная дорога должна быть еще построена, и провозоспособная площадь ее ограничена; море же всегда готово и беспредельно, как суша». Преимущество водного сообщения перед сухопутным, например, при обеспечении боевых действий десантов, основывается, по словам Коломба, «на усилении войсками и доставке припасов», что выполняется морем «с большей свободой, чем сухим путем». Размышляя над другими сторонами этой проблемы, исследователь приходит к выводу, что «главным следствием усовершенствования в судостроении является затруднение атак, основанных на индифферентности моря». Поскольку «сомнительное обладание морем делается еще более сомнительным, а достаточно обеспеченное — еще более

обеспеченным, то общее следствие выразится в том, что набеги на территорию через море, не находящееся в обладании нападающего, будут становиться реже, но зато будет гораздо больше уверенности в успехе экспедиций, совершаемых державой, надежно обладающей морем»²⁵.

ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫЕ рассуждения, основанные на анализе исторических событий и войн, позволили Коломбу заявить о существовании «самого общего закона: обладания морем необходимо добиваться... сторона, одержавшая верх, неизбежно предпринимает нападение на территорию, успех которого вполне зависит тогда от силы и искусства атаки; при этом сухопутные силы берут на себя активную работу, а морские поддерживают, прикрывают и, так сказать, питают их»²⁶.

Рассмотрев опыт самостоятельных боевых действий парусного флота против укрепленного берегового объекта (порта или острова) и проведя аналогию с использованием парового флота, Коломб пришел к выводу, что победить в такой операции, если флот не будет поддержан достаточной сухопутной силой, невозможно. Он писал, «что один флот бессильен в операциях нападения на территорию и что паровые боевые суда, как и парусные линейные корабли, сами по себе не могут вести территориальную атаку»²⁷. Тем самым флоту при ведении ширококомандных военных действий на суше отводилась роль обеспечивающей силы, главной задачей которой являлось поддержание, прикрытие и питание сухопутных войск. Для завоевания же господства на море необходимо нанести поражение флоту противника. Наиболее отвечающей достижению этой цели формой боевых действий является, по мнению Коломба, генеральное сражение, в котором участвуют главные силы противоборствующих флотов. Однако если первоначально положение дел по стратегическим соображениям понуждало обе стороны к такой дифференциации сил, «какую полагали более всего приспособленной к генеральным сражениям флотов и отчасти наиболее отвечающей целям нападения на торговлю и оборону последней», то в последующем «стратегическое влияние времени было направлено в сторону возможного уменьшения силы, назначенной специально для вышеупомянутой второстепенной цели — атаки и обороны торговли»²⁸. Усиливая логику своих умозрений, Коломб рассматривал появление различных классов парусных кораблей и определил, что естественные условия морской войны лежат в основе дифференци-

ции морской силы, а определяющим фактором этой дифференциации, продолжительной по времени и зависящей в конечном итоге от средств, применяемых для ведения морского боя, и от задач, решаемых флотом, является специфичность действий каждого класса боевых кораблей.

Так называемая теория Мэхэна-Коломба не являлась строго научной, поскольку более узкое толкование этого понятия предполагает высшую, самую развитую форму организации научного знания, дающего целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории. В таком понимании взгляды Мэхэна-Коломба являлись лишь подготовительным материалом для создания целостной научной теории морской войны, а объект их исследования — война на море представлял собой лишь составную часть войны, как состояния системы политических взаимоотношений.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ анализ содержания работ Мэхэна и Коломба (с учетом положений теории войны К. Клаузевица) позволяет сделать обобщения, которые во многом сближают взгляды двух теоретиков. Однако одинаковый ли смысл в понятие «господство на море» вкладывали Мэхэн и Коломб? Есть ли аналог у этого понятия в сухопутной войне?

Мэхэн под господством на море понимал военное господство, которое может привести к длительному контролю над стратегическими центрами морской торговли противника. Мэхэнское военное господство есть не что иное, как, проще говоря, способность воспрепятствовать противнику плавать, сохраняя эту способность за собой. Полное господство, по его мнению, может быть достигнуто лишь после уничтожения вражеского флота или сведения морских сил неприятеля к ничтожному количеству, неспособному вести какие бы то ни было боевые действия, имеющие значимость в общем ходе войны. В это морское понятие Мэхэн вкладывал тот же смысл, что и Клаузевиц в «сухопутную формулу» — лишить противника возможности сопротивляться, а ведь, по сути дела, именно к этому сводится сущность собственно военных действий. И завоевание господства на море, и лишение противника возможности сопротивляться на суше, вынуждающие его подписать любой мир, — средства для достижения неограниченной политической цели. Поэтому у Мэхэна понятие господства на море абсолютно, оно не имеет градации.

Коломб полагал, что господство на море означает обеспечение контроля в морских водах или обладание водной поверхностью, что в сухопутной войне равнозначно захвату территории и сохранению полного владения ею. Территория и водная поверхность, конечно же, при благоприятных условиях могут быть оккупированы, но до тех пор, пока вооруженные силы противника не повержены, говорить о лишении их возможности сопротивляться рано, иными словами, пока морская сила противника не уничтожена, говорить о господстве на море нельзя. Коломб отмечал, что «существующий флот», даже дискредитированный поражением и оказавшийся слабее неприятельского, тем не менее представляет собой силу, достаточную для того, чтобы парализовать действия победоносного флота «как на море, так и против береговых владений»²⁹. При этом он вывел три основные степени обладания морем: индифферентное, оспариваемое и обеспеченное, которое, впрочем, тоже не соответствует по своему содержанию понятию господства на море. Любое из названных состояний, в трактовке Коломба, более соответствует превосходству в силах (временному или постоянному), дающему стороне его имеющей явное преимущество. И лишь «абсолютно полное» обладание морем включает в себе тот же смысл, что и мэхэновское господство на море. Степени обладания морем, плавного перехода одна в другую, не имеют четкого разграничения между собой.

Таким образом, и морская блокада не может являться средством достижения полного господства на море, поскольку лишь временно обеспечивает преимущество одной из сторон, которое в любой момент может быть оспорено блокированным флотом.

И еще напрашивается один важный вывод из теории Мэхэна-Коломба: со времен гребных кораблей мало изменилась сущность задач, решаемых морскими силами в ходе боевых действий. Изменились оценка порядка, определяющего степень влияния каждой из этих задач на исход морской войны, средства ведения морского боя, а в соответствии с ними и тактика действий флота. Например, увеличилась глубина огневой поддержки кораблями сухопутных войск на приморском направлении, повысилась интенсивность повседневной деятельности сил флота и т.д. Но эффективное использование и дальнейшее развитие этих сил невозможно без тесного единства боевой практики с военной наукой. Думается, взгля-

ды Мэхэна и Коломба в деле познания теории господства на море занимают не последнее место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Гареев М.* Роль и место военно-морской науки в общей системе военных наук // Морской сборник. 2003. № 8. С. 39—46; *Капитанец И.* Военно-морская наука — основа возрождения и строительства сбалансированного военного флота России // Морской сборник. 2003. № 4. С. 18—26.

² *Коломб Ф.* Морская война. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2003; *Мэхэн А.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю 1793—1802. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Мэхэн А.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю 1802—1812. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Кладо Н.Л.* Этюды по стратегии. СПб.: Клуб «Реалисты», 1997; Военно-морская идея России: духовное наследие Императорского флота. М.: Русский путь, 1999.

³ *Mahan A. T.* The Influence of Sea Power upon History, 1660—1783. Boston, 1890 (На русский язык переведена в 1895 г. и переиздана в Советском Союзе в 1941 г.).

⁴ Книга была переведена на многие европейские языки, в том числе на русский в 1894 г.; переиздана в 1940 г. Кроме «Морской войны» Коломб написал и другие работы, в частности по вопросам стратегии вышли его «Исследования о морской обороне».

⁵ *Коломб Ф.* Морская война. Ее основные принципы и опыт. М.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940. С. 7.

⁶ Вышла в 1892 г., была переведена и издана в России в 1897—1898 гг.; переиздана в 1940 г.

⁷ *Mahan A. T.* The Interest of the United States in Sea Power. Boston, 1897.

⁸ *Mahan A. T.* Lessons of the War with Spain. Boston, 1899.

⁹ *Mahan A. T.* Problem of Asia and its Effect upon International Politics. Boston, 1900.

¹⁰ *Mahan A. T.* Retrospect and Prospect: Studies in International Relations Naval and Political. Boston, 1902.

¹¹ Цит. по: *Кулаков В.М.* К критике теории морской силы А.Т. Мэхэна // Морской сборник. 1947. № 11. С. 46.

¹² *Mahan A. T.* The Interest of the United States in Sea Power. Boston, 1897. P. 124.

¹³ *Мэхэн.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. М.; Л.: Военмориздат, 1941. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ *Мэхэн.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. С. 178, 179.

¹⁶ *Mahan A. T.* Naval Strategy. Boston, 1911. P. 17, 123.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 175.

²⁰ *Мэхэн.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. С. 431.

²¹ Там же. С. 427.

²² Там же.

²³ *Коломб Ф.* Морская война. Ее основные принципы и опыт. С. 27.

²⁴ Там же. С. 69, 70.

²⁵ Там же. С. 193—195.

²⁶ Там же. С. 294.

²⁷ Там же. С. 343.

²⁸ Там же. С. 75.

²⁹ Там же. С. 111.

**Капитан 1 ранга
Е.Ф. ПОДСОБЛЯЕВ**

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917—1922 гг.

В.В. САВИНКОВ

28 ФЕВРАЛЯ исполняющий должность старшего офицера нашей батареи прапорщик В. передал мне приказание полковника Ростовцева остаться после занятий в бригаде по причине ожидающихся беспорядков. Наш же комбат, назначенный комендантом расположения бригады, избрал себе для поручений и в помощь нескольких офицеров из нашей шестой батареи, в том числе и меня. Кроме нас, насколько помню, каждая батарея командировала еще по офицеру.

Никаких подробностей В. сообщить не мог, да и от Ростовцева я тоже не узнал ничего путного.

Положение мое было не из приятных: я не знал, что делать. Военный бунт во время войны мне казался преступным, а возможность революции и в голову не приходила. После довольно-таки продолжительных и мучительных колебаний я принял самое «интеллигентное» решение: приложить все силы к мирному и безболезненному разрешению мятежа, если бы таковой возник; если же со стороны начальства будут приняты меры к насильственному подавлению бунта — от участия в подавлении отказаться¹.

Повторяю: мне в голову не приходило, что я стою лицом к лицу с долгожданной революцией. Я сробел перед событием, которое сам считал частным и маловажным — перед солдатским бунтом, который, несомненно, так или иначе будет ликвидирован.

Был ли я исключением из общего правила?

Едва ли. Вскоре я убедился в том, что другие еще слабее меня. Революция их испугала, ошеломила, сбила с толку.

Оставшись в казарме, я сейчас же обошел все расположение бригады. Настроение солдат было самое будничное, обычный порядок ничем не нарушался. Я успокоился, решив, что буча поднята начальством на основании каких-либо ложных донесений. Еще больше успокоился, узнав, что Ро-

стовцев отправляется часа на два, как он сказал, домой. А ездил он на самом деле, как я узнал потом, в штаб округа.

Офицеры собрались в канцелярии. Выяснилось, что все держатся того же мнения, что и я, хотя большинство считало, что усмирять «придется» — «заставят». На самом пороге революции офицеры, т.е. те, кто должен был водить солдат и внушать им к себе уважение, знали, что их можно заставить делать то, чего они делать не хотят.

Вернувшийся Ростовцев очень обрадовался, узнав, что в бригаде спокойно. Настал вечер. Мы спокойно стали готовиться к ночи, но часов около 11 я был вызван к Ростовцеву, которому дежурный офицер взволнованно докладывал о начавшихся в бригаде беспорядках: солдаты вышли из бараков и шумят во дворах. Ростовцев немедленно протелеграфировал об этом в штаб округа и послал разузнать подробности дежурного офицера, который вернулся бледный, но уже владея собой. Спокойно доложил об обстановке. В первый дивизион на автомобиле приехали какие-то люди и говорят речи. Толпы солдат увеличиваются, возбуждение растет. Много пьяных: приехавшие привезли с собой спирт (четыре ведра, как было установлено впоследствии). Ростовцев приказал дежурному арестовать приезжих и снова стал звонить в штаб округа.

ПОЧТИ одновременно с уходом дежурного офицера на плацу перед корпусами раздались крики, шум и гул толпы. Ростовцев послал меня узнать, в чем дело. Он был взволнованнее всех.

Спускаясь с лестницы, я пришел к успокоительному решению: прежде всего надо выяснить смысл происходящего, а тогда уже ясно будет, как надо действовать². Думаю, что другим, тревожно прислушивавшимся к шуму на дворе и дожидавшимся моего возвращения, было хуже.

На дворе было темно. Впрочем, постепенно глаза привыкли к тусклому мерцанию снежной ночи. Я разглядел толпу. Она гудела и колебалась, сливаясь с ночью и те-

ряясь в темноте. Где-то в расположении первого дивизиона щелкнуло несколько винтовочных выстрелов.

Меня заметили. Я взобрался на снежный бугорок и попросил кого-нибудь объяснить мне, в чем дело. Вместо ответа за моей спиной раздалось: «Бей его!» Я обернулся и спросил: «Кто крикнул?» Немедленно передо мной был поставлен незнакомый солдат. Несколько рук крепко держали его. Он отказался назваться, и я приказал отправить его на гаупвахту. Рядом со мной какой-то возмущенный голос громко говорил: «Ходят тут всякие, мутят народ... а зачем — сами не знают. Ему бы наkostenять по шеям».

Минут двадцать провел я с солдатами и убедился, что никто равно ничего не знает. Тем не менее уговоры мои действия не имели: толпа расходиться не хотела. Солдаты охотно разговаривали со мной, держались вежливо и прилично, враждебности не проявляли никакой, хотя я находился в районе четвертой батареи, где меня не знали даже в лицо. Таким образом, можно сказать, что против офицерства вообще солдаты настроены не были.

Вернувшись, я доложил Ростовцеву, что причины беспорядков мне установить не удалось и что солдаты настроены миролюбиво.

Между тем бунт разгорался. То и дело слышались выстрелы — пять подряд, целая обойма. Кое-где запылали костры. Гул и рокот толпы на плацу становился сильнее. Изредка над этим гулом проносился отдельный вскрик. Иногда гул вздымался, иногда опадал почти до тишины. И это было особенно жутко.

В казарме нашего корпуса, где жили почти исключительно ездовые, ополченцы и мастера, творилось что-то совершенно невообразимое: каждые несколько минут толпа солдат в панике бросалась к выходу, лавиной катилась по лестнице, с криком и топотом проносясь мимо наших дверей, заставляя Ростовцева и некоторых офицеров чуть ли не дрожать. Понемногу бородачи, стараясь не шуметь, возвращались на места, для того чтобы через несколько минут загрохотать [по лестнице]

¹ Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1.

снова. Дежурный офицер доложил, что солдаты растаскивают оружие. Выстрелы — это стреляют часовые. Чтобы не подводить их под суд, толпа приказывает им выпустить все патроны, что должно означать видимость исполненного долга. После этого часовые разоружаются, печати срываются, замки ломаются и разбираются карабины и револьверы. Пьяных очень много. Приехавшие из Москвы люди рассказывают³, что в Петербурге — революция, царь низложен и власть перешла в руки Государственной думы. Об аресте агитаторов и думать нельзя: попытки ареста только рассердят миролюбиво настроенную толпу. Да и с какими силами предпринять эти попытки?

Ростовцев растерялся. Заикаясь, соединился со штабом округа. На этот раз говорил сам командующий округом генерал Мрозовский⁴. Он приказал немедленно подавить бунт вооруженной силой, которую, пехоту и кавалерию, он тотчас же посылает в распоряжение Ростовцева. При этом Мрозовский « всю ответственность » за последующее « возложил » на Ростовцева, очевидно, думая, что в этом возложении есть какой-то смысл.

Я спросил Ростовцева, правильны ли распространяемые среди солдат слухи? Он сначала стал говорить, что это вздор, провокации, затем сообщил нам о действительно остром положении: в Петербурге серьезные беспорядки, исход которых не известен, так как телефонное и телеграфное сообщение прервано. Произносимая им торжественная тирада о том, что « мы не допустим до революции », очень не шла к безумному от страха лицу и прерывающемуся голосу доблестного защитника монархии.

МЕЖДУ тем шум, выстрелы, паническая беготня не утихали. Отблески костров отражались в окнах, за которыми чувалась уже многотысячная толпа. Я снова был послан к солдатам — успокоить их, « восстановить порядок »⁵.

На этот раз я отправился в сторону первого дивизиона: хотелось повидать агитаторов, посмотреть, что это за люди и, если можно, хоть от них узнать что-либо. Сразу же я оказался в толпе. Расступались, уступали дорогу. Иногда, не глядя на ночь, отдавали честь. По пути меня остановил один из моих фейерверкеров. На вопрос: « Почему он не в казарме? — он ответил, что был послан взводными (фейерверкерами) узнать, в чем дело.

Взводы шестой батареи находились на самом краю расположе-

ния бригады. Поэтому до солдат доносился лишь шум. Горящие костры заставили их думать, что занялся пожар. Из посторонних в бараки не являлся никто, и все — на местах. Я отдал приказание сохранять порядок, из барак не выходить, но быть готовыми и одетыми и прислать мне в канцелярию для связи одного фейерверкера⁶. Я пояснил фейерверкеру, что ни в коем случае не заставляю солдат выступить против своих же, но не хочу тоже, чтобы мои солдаты впутывались зря в неприятные истории. Если же революция, продолжал я, действительно произошла, то нужна не толпа, а команда. Фейерверкер довольным голосом сказал « слушаю », отдал честь (ночью-то) и, повернувшись по уставу, отправился в барак. Солдаты, окружавшие нас во время разговора, расступились и пропустили меня. Многие брали под козырек.

На пути меня остановил какой-то незнакомый фейерверкер и посоветовал не ходить дальше, так как могут убить: « Понаехали всякие люди, кто их знает... ». Однако я все-таки пошел и через несколько минут снова очутился перед густой толпой. Я не знал, как пройти дальше, но раздались голоса: « Дорогу, дорогу, дайте пройти »⁷, и я вошел в толпу. Опять, несмотря на старания, я ничего не смог узнать ни о причинах беспорядков, ни о их цели. Здесь солдаты потребовали, чтобы я разрешил им взять оружие. Раздались голоса, предлагавшие мне взять команду над солдатами и вести их. Долго убеждал я солдат, что разрешить им взять оружие я не вправе, а если бы и имел такое право, то все равно не разрешил бы, так как не знаю, для какой цели оно им нужно. Вести их я, разумеется, отказался, ибо от них же самих не мог добиться, куда и зачем. Несколько раз слова мои прерывались криками: « Бей его! » Однако сами же солдаты с негодованием прекращали эти попытки спровоцировать их. Мне объяснили, что в толпе много переодетых в солдатское. Эти, мол, и мутят. Сколько я ни убеждал солдат разойтись и дожидаться утра в бараках, меня не слушались. Мне стало ясно, что солдаты исполняют чье-то распоряжение и что-то знают, чего не хотят мне сказать, так как не доверяют офицеру, в то же время мне было совершенно ясно, что мое присутствие среди них в эти минуты — единственного офицера, появившегося среди солдат в эту ночь, не считая дежурного офицера, — успокаивало их и располагало ко мне.

Я направился обратно в свою батарею. Проходя мимо гауптвах-

ты, увидел плотную толпу, а над ней освещенного костром бородатого дежурного офицера, размахивающего руками и убеждавшего в чем-то солдат.

На плацу тоже шумели. Конец толпы сливался с ночью, но чувствовалось, что громадный плац полон. Два незнакомых фейерверкера вежливо, но категорически отказывались пропустить меня в толпу, в которой, по их словам, было много пьяных. Они уверяли, что толпа страшно возбуждена и, наверное, меня убьют. « Что только говорят, что говорят, если бы вы только слышали вашбродь », — говорил один из них. « И все переодетые вольные », — добавил другой. « До того дошло безобразие », — продолжал он, — что с гауптвахты арестантов повыпускали, а они-то и галдят, [призывают] расправиться с офицерами ».

На гауптвахте, за исключением сравнительно небольшого числа арестованных в дисциплинарном порядке, содержались самые подлинные преступники — воры, громилы и убийцы. Оба фейерверкера проводили меня, определенно охраняя, до дверей корпуса и, отдав честь, пожелали « счастливо оставаться ».

ВЕРНУВШИСЬ в канцелярию, я застал приехавшего командира бригады полковника Ш., которому и доложил о результатах своего обхода. Старшего офицера В. не было: он ушел поить чаем и устраивать в тепле присланную Мрозовским « вооруженную силу » — полуроту, 75 штыков. Эта полурота, встреченная в бригаде криками « Ура! », ответила тем же. Командующий ею прапорщик смущенно заявил, что его солдаты стрелять не станут и что он такого приказа не отдаст. Ростовцев попробовал было начальственно прикрикнуть на прапорщика, однако ничего из этого не вышло: прапорщик в ответ предложил Ростовцеву командовать самому. Ростовцев после этого потерял всякое присутствие духа: он был уже напуган тем, что солдаты собираются перебить всех офицеров, как передал какой-то фейерверкер. Надо сказать, что это известие угнетающе действовало на всех. Поэтому, когда в казарме снова поднялась паника и бородачи загрохотали мимо дверей, в канцелярии стало тяжело и жутко. Двое офицеров и я решили эту беготню прекратить. Когда мы вошли в казарму, она была почти пуста; несколько запоздалых ополченцев удирали от какого-то человека с винтовкой, странно одетого в полувоенное. Я поднял револьвер и пригрозил, что немедленно его застрелю. Он

мгновенно скрылся. Солдаты были водворены на место, но успокоились только тогда, когда у обеих дверей расположились вооруженные фейерверкеры.

Возвратившись в канцелярию, я нашел в ней многих офицеров нашей батареи, вызванных из города.

Командир бригады разговаривал по телефону с генералом Мрозовским. Последний все еще настаивал на подавлении бунта оружием: он явно не понимал положения. Добродушный и спокойный Ш. лениво передал трубку Ростовцеву. Последний, раскланиваясь перед телефоном и прижимая руку к сердцу, старался толковать командующему округом, что подавать бунт нечем. Между прочим, он сослался на мой доклад и в конце концов — вероятно, по желанию Мрозовского — передал трубку мне, чтобы я непосредственно доложил о виденном. Генерал был явно раздражен, взволнован и не знал, что делать. Когда я передал снова трубку полковнику Ш., Мрозовский приказал последнему (или Ростовцеву, не помню точно, кому именно) послать для усмирения солдат всех офицеров вместе с жандармами, которые сейчас придут в бригаду. Ему было отвечено, что такая попытка привела бы только к одному — гибели всех офицеров.

Вскоре под окнами раздался рев толпы и топот копыт. В канцелярию вошел толстый жандармский штаб-ротмистр и отработал о прибытии в распоряжение командира бригады половины конного взвода в 36 сабель.

Стали совещаться. Жандарм явно не хотел впутываться в скверную и безнадежную историю и даже высказал неуверенность в своих людях. Он воспрянул духом, когда я «разрешил себе» доложить Ш. свое мнение, заключавшееся в том, что первая же капля крови повлечет за собой целые потоки и все кончится избиением офицеров. Командир бригады, лениво полулежа в глубоком кресле, посмотрел на меня одним глазом так, точно хотел сказать «и без тебя, дурака, знаю», и отпустил жандармов. Они уехали под крики «Ура!». Неразбериха и сумятица продолжались всю ночь: только никто ничего не знал. Даже приехавшие из города офицеры привезли лишь неопределенные слухи, довериться коим было невозможно.

НАКОНЕЦ рассвело. Ростовцев собрался с духом, приободрился и решил выйти к солдатам, разумеется, не один, а в сопровождении нескольких офицеров. Толпа стала реже: сол-

даты за ночь утомились, частью разошлись умыться, частью — чай пить. Но все же на плацу их было тысяч до двух-трех. Ростовцева встретили враждебным молчанием. Он заговорил совсем неподходящим к случаю тоном — обычным приказным. Ему ответили бранью и угрозами. В фуражку его ударили снежком. Ростовцев повернулся и сделал движение бежать. Я удержал его за руку. Тихо все вместе пошли мы назад. Вслед Ростовцеву летели снежки. Один влепили старшему офицеру В. и, должно быть, больно, так как он вскрикнул. Опасаясь, что добром эта история не кончится, я повернул назад и прекратил «обстрел». Солдаты извинились, уверяя, что снежок предназначался исключительно одному Ростовцеву, которого они грозились непременно убить. Некоторое время я провел с солдатами, а Ростовцев благополучно скрылся.

В офицерской комнате я нашел почти всех наших офицеров, к этому времени успевших, главным образом пешком, добраться до батареи. Многие привезли подтверждение слухов о происшедшем перевороте. Неожиданно пришел Ростовцев, ранее никогда в нашей комнате не появлявшийся, и заявил, что желал бы ознакомиться с нашим мнением по поводу событий. На наш вопрос он отвечал, что официальных известий о низложении царя не имеет. Один из офицеров доложил, что ему достоверно известно о совершившемся перевороте, а если таковой еще не произошел, то, несомненно, произойдет за минуты на минуту. «В Москве, — продолжал он, — революция. Войска переходят на сторону восставших. Момент не допускает колебаний: либо с восставшим народом против царя, либо с царем против народа». Все офицеры высказались за первое. Ростовцев начал что-то говорить очень путаное о том, что все мы дети одного народа, но что долг присяги обязывает, что он всегда относился к нам по-дружески и надеется и впредь сохранить с нами теплые отношения и т.п. После этого он ушел. Офицеры стали толковать о том, что наконец-то Ростовцеву не миновать скамьи подсудимых.

Через присланного от моего взвода для связи фейерверкера я передал приказание относительно сохранения порядка и спокойствия и также о присылке команды прислуги к одному орудию. Дело в том, что солдаты решили во что бы то ни стало ехать в Москву с пушками поддержать восстание. «Почему нет с нами офицеров?» — кричали они. Мы отвечали, что только что узнали о петербургских

событиях, а я добавил, что ночью не раз пытался что-либо узнать от солдат, но безуспешно. Сейчас же несколько голосов это подтвердили, а один, недалеко от меня стоявший солдат, сознался: «Не веле-но было говорить господам офицерам». Согласно приказанию командира бригады в город должна была отправиться одна шестиорудийная батарея под командою офицеров.

Этому предшествовал инцидент: узнав, что солдаты хотят ехать с пушками, Ростовцев до такой степени возмущился, что даже решил (опять-таки не один, а с офицерами) выйти к солдатам. Он очевидно еще не верил в успех революции. Но лишь только он появился на плацу, как раздался рев: «Вон! Долой!» Прижимая руку к сердцу и раскланиваясь, как давеча перед телефоном, Ростовцев стал уверять солдат в своей неизменной любви к ним и не раз повторил: «Я — ваш отец, вы — мои дети». В результате один из нижних чинов на расстоянии нескольких шагов прицелился из карабина ему в голову. Благодаря вмешательству офицеров Ростовцев и на этот раз ушел благополучно. Надо сознаться: защищали мы Ростовцева единственно из-за того, что убийство его могло послужить началом еще больших беспорядков и кровопролитий.

ПОСЛЕ отъезда орудий я вернулся в канцелярию. Здесь я застал каких-то военных и штатских, присланных, помнится, «революционным штабом». От них мы впервые узнали совершенно достоверно, что переворот действительно произошел, что царь бежал в Псков, что отречение его неизбежно. «Даже если он не отречется, дело не изменится, — говорили нам, — так как власть в руках Государственной думы».

Пригласив офицеров своего взвода, я устроил маленькое совещание, на котором был выработан ряд мер для сохранения порядка и спокойствия во взводе. Я предложил ввести выработанный нами порядок во всей батарее, но это было найдено излишним: командиры других взводов с первого же дня революции начали угодничать перед солдатами, как раньше угодничали перед Ростовцевым. Последнего согласно общему желанию офицеров, разумеется, совершенно совпадавшему с желанием всех солдат батареи, незаметно сплавляли в город: он получил отпуск, а во временное командование батареей вступил прикомандированный к нам для формирования фронтальной капитан.

В этот же день стали известны подробности переворота и переговоров с царем об отречении. По

телефону были сообщены и московские новости: арест генерала Мрозовского и еще кого-то, не помню, когда именно, и сопротивление полиции у Никитских ворот. Появление наших пушек окончательно решило судьбу восстания в Москве, ибо колебавшиеся еще части, узнав о выступлении артиллерии, немедленно перешли на сторону революции и т.д. Все эти новости через присланных для связи я сообщил своим солдатам. Во взводе шли беседы с оставшимися там офицерами. Радость и подъем возрастали. Особенно радовало всех, что революция идет так легко и сопровождается неожиданно малым количеством жертв. Бородачи размечтались о возвращении домой и о земле: война, по их мнению, должна была скоро кончиться и победа на носу. «От измены избавились, — теперь так повалим, что немцу никак не устоять». Это настроение поддерживалось и офицерами, верившими, как и солдаты, что революция устранила главную помеху к окончанию войны. Темные слухи об измене, свившей гнездо не только в правительстве и военном командовании, но и в царской семье (самого Николая II никогда не подозревали), были очень распространены среди солдат и офицеров. Слухи эти часто шли с фронта и подтверждались фактами поистине загадочными. Однако разгадки большинства этих фактов, как я потом убедился, надо было искать не в измене, а в ошибках командиров и условиях боевой обстановки.

ЧАСОВ в пять вечера часовой у одного из входов в барак (мы установили у себя караул и офицерское дежурство) свистком вызвал разводящего. Через несколько минут мне было доложено, что явились «делегаты» и хотят поговорить с солдатами. Я вышел. Около фонаря стояли двое: один — военный, рослый, статный, другой — штатский, маленький. Военный радостно сообщил мне, что оба они — члены совета рабочих и солдатских депутатов и посланы в числе многих других сообщить солдатам о происходящих событиях. Я рад был узнать что-либо новое и, искренне пожал протянутые руки, пригласил гостей в барак. По пути штатский спросил: «Почему солдаты заперты и у входа часовые, как в тюрьме?». Я ответил, что это его не касается и, остановив гостей, спросил, не знают ли они, кто это приезжал в бригаду прошлой ночью и поил солдат спиртом? Военный обещал расследовать это дело и записал себе в книжечку.

В бараке я рассмотрел гостей. Военный был опрятный молодец-

ватый унтер-офицер из полунтеллигентов, по-видимому. Штатский был неимоверно грязен. На засаленный воротник поношенного пальто ниспадали длинные грязные волосы. Из красного, тоже грязного шарфа, торчала длинная тонкая, напоминавшая ошипанную птичью шею. Весь он был щуплый, хилый, с маленьким мужицким лицом-кулачком, обросшим старой нечесаной бороденкой.

Штатский взобрался на стол. Я услышал старые, затасканные по массовкам девятисотых годов слова. Мне показалось, что в 1905—1906 гг. жандармы взяли его на полуслове и что он теперь спешит докончить прерванную несколько лет назад речь. Ни одного живого слова, точно нет и не было войны, точно не совершилось только что гражданский переворот. Я прервал оратора и попросил рассказать нам что-либо о событиях, о которых все мы хотим знать. Он смутился, но исполнил мою просьбу, сдобрив рассказ порцией революционной лирики. Не желая оставлять солдат под впечатлением речи гостя, я взобрался в свою очередь на стол и сказал несколько слов о необходимости строжайшей дисциплины в революционное время. При этом я сослался на «господ депутатов»: они-де подтвердят мои слова. И они их действительно подтвердили. На прощание мы дружески жали друг другу руки, причем «делегаты» выражали живейшее удовлетворение по поводу усмотренного ими единения солдат и офицеров. От них я узнал, что во многих частях Московского гарнизона были насилия над офицерами и убийства.

Вечером вернулись орудия, не все, впрочем, два остались наводить страх на противников переворота и вызывать почтение к сторонникам революции. В этом заключались все функции артиллерии, ибо стрелять с «позиций», если можно так сказать, у Исторического музея по Воскресенской площади она не могла. Позже стали возвращаться разведчики, высланные в город по требованию «революционного штаба». На смену им отправлялись конные патрули под командованием офицеров. Опасаясь повторения событий прошедшей ночи, офицеры наши не ложились, тем более что солдаты все еще не могли успокоиться и многочисленные кучки всю ночь толкались на плацу и на дворах бригады.

Проведя ночь частью на дворах, частью в бараках среди своих солдат, я утром отправился в город во главе разъезда в 30 коней из нашей батареи. Выехали, как и нака-

нуне, в составе шести орудий. За каждым орудием двигались конные разведчики с офицером впереди разъезда.

ОТДАВАЯ какое-то приказание, я несколько отстал от батареи и догнал ее, когда она уже втянулась в проезд бегового ипподрома. Когда я поравнялся с въездом в него, мимо меня просвистела пуля. Стреляли из Варшавского жандармского дивизиона, эвакуированного в Москву и помещенного в каких-то конюшнях и зданиях около бегов. Эти выстрелы повторялись постоянно. Жандармов разоружали трижды. В третий раз в качестве представителя нашей батареи присутствовал при разоружении и я. И все-таки [даже] после двух [предыдущих] тщательных разоружений было найдено много винтовок, карабинов, револьверов и большой запас патронов. В конце концов жандармов перевели с Ходынского поля, а затем отправили на фронт, где вместе с бывшими полицейскими они составили весьма восприимчивый к большевизму элемент.

На Тверской-Ямской наше движение превратилось в триумфальное шествие. Люди всех сословий, женщины и дети кричали: «Ура!», подходили к нам только для того, чтобы посмотреть, какие мы; нам (солдатам) дарили папиросы, спички, иногда давали белый хлеб и пирожки. Солдаты чувствовали себя героями и выпячивали красные банты и тряпки, которыми уже успели украсить. Не имевших красных бантов украшала публика. Какая-то дама была настолько удивлена моим отказом принять от нее красный бант, что даже попросила меня объяснить столь странный отказ.

Чем ближе к центру города, тем гуще становилась толпа ликующего народа. Встречались шествия с красными флагами. Гремела «Марсельеза», звучали старые революционные песни. Колокол Ивана Великого лил вниз свои тяжелые волны. Городские колоколенки отвечали его торжественному голосу. Был праздник, воистину великий праздник.

Орудия заняли какие-то фантастические позиции на Воскресенской и Красной площадях (дымящиеся фитили были бы очень кстати). Стрелять с этих позиций, разумеется, никуда не было возможно. Однако эффект появления пушек был сильнее всякой стрельбы. Начальники разъездов, в том числе и я, от какого-то комендантского адъютанта получили задание охранять порядок и спокойствие, каждый — в определенной части города. На мою долю выпала Рогожская.

Всюду, где мы ни проезжали, наблюдалось ничем не омраченное праздничное, я бы сказал даже восторженное настроение.

Около участка в Рогожской была толпа: отбирали у полиции оружие. Я вошел внутрь. Напуганные полицейские с приставом во главе сдавали с полной готовностью по описи оружие какой-то «комиссии», состоявшей из двух рабочих и одного студента. Я спросил, не было ли насилий? Мне ответили, что не было. Рабочий, житель этого же участка, пояснил, что полиция у них не противодействовала революции, а потому все обошлось мирно.

Оружие было сложено на подводу и под конвоем четырех из моих разведчиков отправлено в арсенал, где и сдано под расписку.

Когда комиссия удалилась, пристав, весьма растерянный и перепуганный, спросил меня, что будет с полицией? Я отвечал, что не знаю.

— А как вы все-таки думаете? — настаивал он.

— Думаю, — отвечал я, — что взяточников и злоупотреблявших положением прогонят, отдадут под суд, а остальных, вероятно, оставят.

— Хорошо бы так, — вздохнул пристав. — Должны же понимать: мы люди маленькие. С нас требуют, мы и исполняем. Мы ведь и сами рады, ведь и наша жизнь была каторжная.

Вскоре я встретился со старшим офицером В., передавшим мне приказание коменданта города отправиться к Таганской тюрьме, где имелись до сих пор еще не освобожденные политические заключенные.

Около тюрьмы скопилось несколько отрядов и автомобилей с солдатами, а также значительная толпа, главным образом рабочие. Вскоре по одному, со скромными узелками в руках стали выходить освобожденные. Толпа и солдаты каждого встречали дружным «Ура!». Какая-то молоденькая женщина со счастливым лицом бросилась на шею выпущенному студенту, старушка недалеко от меня крестилась, причитала, утирала слезы. Дождь и она дюжего, побледневшего в тюрьме парня, вероятно, сына.

Около трех часов я возвращался через Красную площадь. Какие-то пехотные части в полном порядке, с офицерами на местах проходили куда-то, приветствуемые «Ура!» толпы, более чем на половину составленной из серых шинелей. Какая-то барышня тянулась на цыпочках, передавая красную гвоздику для меня и большую коробку папирос для солдат.

В О ДВОРЕ большой Московской гостиницы, где был устроен питательный пункт, ко мне подошел типичный солдатико-ополченец и спросил: «Когда будет смена?» Я сначала не понял. Выяснилось, однако, что в ночь революции полк, в котором служил солдатико, разошелся по городу с оружием в руках. Какой-то офицер, встретив его с тремя товарищами, назвался адъютантом революционного штаба и приказал им держать караул у входа со двора Большой Московской на Тверскую и никого через этот проход не пропускать. Забытые солдаты, ничего не евши, стояли в карауле в течение полутора суток. Солдатико, он был караульным начальником, обращался чуть ли не ко всем офицерам, которых встречал, но добиться не смог ничего. Ему же и его товарищам и в голову не приходило самовольно оставить караул. Я тотчас же отправился в штаб, помещавшийся в Городской думе напротив. Но мне понадобилось больше часу, для того чтобы отыскать лицо, способное распорядиться. Хаос, царивший в этом штабе, меня ошеломил. Правда, это был всего лишь второй день существования штаба, но состоял-то он все-таки из военных, которые претендовали на управление Московской, члены штаба должны были и, конечно, могли прежде всего организовать самый штаб.

Необычайный для таких дней порядок, царивший в Москве, и случай с солдатиком доказывают, что инерция порядка и дисциплины в первые дни революции в массах была сильна. Не много нужно было усилий, думается, для того чтобы удержать эти массы в повиновении. Если бы в эти дни нашлась твердая рука и трезвая голова, не растерявшаяся и подготовленная к событиям, понимающая, что и как надо делать, Россия, может быть, не пала бы до сих пор свою горькую чашу. Но вождя в те дни не было. Думаю, не случайно. Его не могло и, пожалуй, не должно было быть.

Поздно вечером я явился в бригаду и отправился в свой взвод. Солдаты оказались недовольные тем, что просидели в казарме в то время, как во всей бригаде больше не было никаких ограничений: каждый приходил и уходил, когда хотел, никого не спрашиваясь. Пришлось снова толковать им все с самого начала. Распоряжений своих я не отменил, но никогда более не слышал от солдат жалоб. Этому содействовал случай. Ночью (я оставался в канцелярии) ко мне явился посыльный из караула и сообщил, что в расположении батареи появились какие-то подозрительные штатские. Взяв заступающую смену караула, я обошел

часть расположения нашего дивизиона и действительно заметил трех-четырех человек, при нашем приближении бросившихся бежать и скрывшихся в темноте, а может быть, в одном из баряков. Утром караульные рассказали об этом в казарме, и солдаты, не знаю путем коих умозаключений, пришли к выводу, что принятые мною меры были необходимы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колебания и растерянность автора «Записок» можно предположительно объяснить следующими обстоятельствами. Будучи родным братом лидера партии социалистов-революционеров (эсеров) Б.В. Савинкова, а также членом этой партии, он в общих чертах мог знать о подготовке к революции, о том, какие надежды эсеровские руководители возлагали на армию в своей борьбе за власть. Не исключено, что и он сам наряду со многими другими «агентами эсеровского влияния в военной среде» был внедрен в войска для агитаторской работы: сперва в тридцатилетнем возрасте стал юнкером, а затем прапорщиком. Просто он, В.В. Савинков, ожидая революции и лично усердствуя в ее интересах, выполняя партийное поручение, не был посвящен в конкретные планы осуществления переворота в отличие от старшего брата и других лидеров партии. Ну а солдатского бунта, конечно же, мог просто-напросто опасаться ввиду военного положения и не имея конкретных партийных указаний. Вместе с тем, перерабатывая дневники спустя годы после описываемых событий, автор «Записок...» мог проявить и неискренность: что-то утаить, домыслить, приукрасить.

² «Смысл происходящего» — не имел ли автор «Записок» в виду под этими словами ту самую ожидаемую им революцию? И у кого можно было «выяснить смысл происходящего», если не у приехавших на автомобиле незнакомых дежурному офицеру лиц? Не надеялся ли В.В. Савинков именно от них получить для себя инструкции «как надо действовать»?

³ Автор не уточняет, кому «приехавшие из Москвы люди» могли рассказывать обо всем этом, если офицеры, в том числе и автор, сидели, по его же описанию, в растерянности за закрытой дверью кабинета, потеряв контроль над солдатами и ситуацией. Однако можно предположить, что именно В.В. Савинков узнал во время его «разведки обстановки» от «приезжих людей» о революционных событиях.

⁴ **Мрозовский И.И.** (1857—?) — генерал от артиллерии. Командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, гренадерским корпусом; с 1915 г. — командующий Московским военным округом.

⁵ А не знал или в крайнем случае не догадывался ли полковник Ростовцев о двойственной роли в батарее прапорщика Савинкова, приблизив его к себе и именно его отсылая «восстановить порядок»?

⁶ Похоже, что, получив соответствующие инструкции, В.В. Савинков берет ситуацию под свой контроль.

⁷ Оказывается, в солдатской толпе В.В. Савинкова узнают даже не его подчиненные. И не просто узнают, а принимают за своего, оказывают ему знаки внимания и уважения.

Публикация В.А. АВДЕЕВА

• ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ •

ПРАВДА ОБ АРЕСТЕ ГИММЛЕРА

Это событие произошло на тринадцатый день после окончания Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии. Число 13, чертова дюжина, оказалось роковым для одного из самых могущественных и одиозных деятелей гитлеровской Германии — рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Хотя сбежать из поверженного Берлина Гиммлеру удалось, от раслаты он не ушел: его поймали на северо-востоке Нижней Саксонии бывшие советские военнопленные саратовец Иван Егорович Сидоров и рязанец Василий Ильич Губарев.

СИМЕНЕМ Гиммлера связаны не только чудовищные преступления, но и самые таинственные страницы истории «третьего рейха». Даже сам факт ареста рейхсфюрера окутан плотной завесой выдумок и небылиц. Согласно бытующему среди летописцев Второй мировой войны мнению, Гиммлер был задержан частями Второй английской армии.

На последнем этапе войны, когда неотвратимость полного разгрома нацистской Германии стала очевидной, Гиммлер предпринял попытку договориться с США и Великобританией о заключении сепаратного мира. «Капитулировать перед русскими, — говорил он, — нам невозможно, особенно для меня. Против них мы будем сражаться до тех пор, пока Западный фронт не станет фронтом борьбы с русскими»¹. После падения рейха взоры Гиммлера обратились в сторону главнокомандующего британскими оккупационными войсками фельдмаршала Б.-Л. Монтгомери. Теперь именно с ним искал контакты рейхсфюрер. В первую очередь это можно объяснить тем, что и новоиспеченное правительство гросс-адмирала К. Дёница, и штаб-квартира Гиммлера оказались в английской зоне оккупации. Но дело не только в этом. Здесь требуются пояснения. Описывая последние дни рейхсфюрера СС, авторы неизменно представляют его загнанным в угол зверем, который заботился лишь о спасении своей шкуры. Но разве у него было меньше возможностей скрыться незаметно, чем, скажем, у таких фашистских главварей, как М. Борман или шеф гестапо Г. Мюллер? Тайна их исчезновения так ведь и не разгадана. Да и не таков был этот нацистский фанатик, чтобы вот так просто уйти со сцены, просить у кого-то милости, каяться в содеянном. Нет, Гиммлером двигали иные мотивы. Имеются свидетельст-

ва того, что он призывал окружающих к дисциплине и напоминал о наступивших тяжелых временах, когда не годится заботиться лишь о своих личных интересах². И теперь рейхсфюрер проявлял присущую ему настойчивость, добиваясь встречи с Монтгомери. Он не сомневался, что такая встреча состоится. Однако свои истинные намерения и планы Гиммлер держал при себе. И все же из того, что известно о его последних выступлениях и беседах в узком кругу, напрашивается недвусмысленный вывод. Одна из секретарш Гиммлера впоследствии рассказывала, что на прощание шеф поблагодарил ее за службу, посоветовал вернуться домой, в Баварию, и отдохнуть. Они еще встретятся, пообещал он, у них впереди много работы³. А 5 мая, на следующий день после того, как в штабе Монтгомери в Люнебурге был подписан сепаратный акт о капитуляции немецких войск в Северо-Западной Европе, Гиммлер выступил с прощальной речью перед руководителями отделов своего ведомства, высшими чинами полиции и полевых частей СС. По словам его личного секретаря Р. Брандта, рейхсфюрер дал понять, что судьба поставила перед ним новую задачу и решать ее он будет один, но несколько человек могут пойти вместе с ним. Последний его приказ гласил: «Растворитесь в вермахте!» Эсэсовцев снабдили фальшивыми документами, и теперь они превратились в служащих ВМС, ВВС, армейских частей, госпиталей⁴.

Все это можно принять за буффонаду, если бы не одно чрезвычайно серьезное обстоятельство. Еще до победных майских дней премьер Великобритании Уинстон Черчилль дал секретное предписание фельдмаршалу Монтгомери «тщательно собирать немецкое оружие и боевую технику... чтобы легко можно было бы раздать это вооружение германским частям, с которыми... пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»⁵. Фельдмаршал выполнил указание. Уже и война закончилась, а в английской зоне оккупации продолжалась работа по сбору вооружений и сохранению немецких войск в полной боевой готовности. Под надзором Монтгомери возникло новое формирование вермахта со штабом под названием «Норд». При активном участии британских советников-контролеров Монтгомери осуществлял руководство миллионной группировкой бывших гитлеровских войск, готовых в любую минуту выступить против советских частей⁶. Наивно полагать, что все это делалось без ведома и участия Гиммлера. А раз так, то у



рейхсфюрера имелись основания надеяться на приватную встречу с главнокомандующим британскими оккупационными силами в Германии. 10 мая Гиммлер вместе с ближайшими соратниками на четырех автомобилях выехал из Фленсбурга в южном направлении — в сторону дислокации штаба английского фельдмаршала. Перед Эльбой машины пришлось бросить. Через реку переправлялись в рыбацкой лодке. Никто их не задержал, ведь по документам они теперь являлись служащими полевой жандармерии. Что касается Гиммлера, то он пользовался доверием личности на имя Генриха Хитцингера — человека, который незадолго до этого был казнен за поражение. К сбитым накануне усам добавились другие элементы конспирации — черная повязка на левом глазу и кость в руках: больной человек возвращается из госпиталя. По мере продвижения группа постепенно рассредоточивалась. Наконец с Гиммлером остались его товарищ детства врач Карл Гебхардт и личный секретарь Рудольф Брандт. Пешком и на попутках они преодолели десятки километров. Благополучно миновали множество населенных пунктов, без проблем переправлялись через встречавшиеся по пути реки и мосты, не один раз пересекали оживленные трассы. Нигде никто не обратил на них внимания, ни в чем не заподозрил, словно они продвигались не по занятой английскими войсками территории, а путешествовали по нейтральной стране. Наверняка так продолжалось бы и дальше, если бы вечером 21 мая им не встретились на окраине селения Meinstedt* советские солдаты.

А ЧЕРЕЗ два дня, 24 мая 1945 года, английское агентство Рейтер распространило информацию, которую на следующее утро опубликовали все ведущие газеты мира. Специальный корреспондент агентства сообщал, что Гиммлер 21 мая арестован частями Второй английской армии и передан фронтовым органам безопасности. Однако органы эти оказались настолько беспечны, что в ночь на 24 мая во время медицинского осмотра Гиммлер внезапно раздавил зубами стеклянную ампулу с ядом, которая была у него во рту, и через 15 мин скончался. В информации ни слова не говорилось о том, кто поймал рейхсфюрера СС, хотя журналист, аккредитованный при штабе Второй английской армии, не мог не знать, что обер-палача Европы поймали не его соотечественники, а красноармейцы. После освобождения британскими войсками из плена они в ожидании отправки на родину находились в сборно-пересыльном пункте для советских граждан и добровольно участвовали в патрулировании окрестностей. На них-то и наткнулся «увечный» Генрих Хитцингер со своими сопровождающими. Вся эта компания показалась нашим бойцам весьма подозрительной, они ее задержали и сдали затем английским солдатам.

Рейтеровское умолчание об этом факте стало отправной точкой для последующих фальсификаций. С тех пор в книгах об истории и крахе «третьего рейха» повторяется запущенная англичанами дезинформация. Наши историки Д.Е. Мельников и А.Б. Черная пишут по этому поводу: «Гиммлер и его два спутника... вознамерились проскочить английские

посты. Но 23 мая англичане задержали их. Британская военная полиция водворила группу Гиммлера в лагерь 031 около Люнебурга»⁸. Французский историк Жак Деларю утверждает, что Гиммлера никто не ловил, он сам выдал себя англичанам: «21 мая по дороге из Гамбурга в Бремен в толпе беженцев... выделялась небольшая группа мужчин... Близ «Тойфель Мор» толпа остановилась перед английским контрольно-пропускным пунктом. К проходу подошел человек, протянувший военному чиновнику документы на имя Генриха Хитцингера»⁹. Берем другие издания. Гейнц Хёне: «Вместе с верными ему людьми — Олендорфом, секретарем Брандтом, Карлом Гебхардтом и своим адъютантом Гротманом — Гиммлер... попытался незамеченным проскользнуть через британский блокпост. Но британцы оказались на высоте. 23 мая группу Гиммлера схватили...»¹⁰. Лев Безыменский: «Английский патруль задержал на улице в Люнебурге трех неизвестных, как нарушителей комендантского часа, и направил их в лагерь... Никто не считал необходимым допросить задержанных. 24 мая (в этот день Гиммлер был уже мертв. — Авт.) один из них сам явился к начальнику лагеря и доверительно заявил, что он — Генрих Гиммлер и желал бы встретиться с высшими чинами английской администрации»¹¹. Отдадим должное Л. Безыменскому. В сноске он пишет, что, «как выяснилось впоследствии, задержали Гиммлера не собственно англичане, а двое бывших советских военнопленных». Фамилии советских солдат, однако, не называются. А по мнению В. Теплицына, «Гиммлер, пытаясь скрыться по подложным документам из Германии, был арестован на одном из американских пропускных пунктов»¹². Здесь отлучены от дела не только русские солдаты, но и англичане. Ничего по этому поводу не проясняют и энциклопедические издания. Так что же произошло на самом деле? Попытаемся изложить краткую хронологию тех событий.

ГИММЛЕР и два его спутника были задержаны 21 мая приблизительно в 19.30 на окраине селения Майнштедт. Сначала их всех разместили в караульном помещении сборно-пересыльного пункта граждан СССР № 619 в местечке Зеедорф, а на следующий день передали английским властям, которые отправили задержанных в город Бремерфёрде. Еще через сутки их увезли в следственный лагерь 031 под Люнебургом. Вечером 23 мая Гиммлера доставили в разведотдел Второй английской армии в Люнебурге.

Скажем сразу, подлинная история задержания Гиммлера уже давно обнародована в массовой печати. Газета «Известия» в номере за 27 сентября 1964 года воспроизвела и прокомментировала сохранившуюся в архивах запись рассказа одного из непосредственных участников поимки Гиммлера — красноармейца Василия Губарева. Это было ответом на умышленное искажение исторической правды английским журналистом Стэплтоном в статье «Последние часы Гиммлера», которую перепечатала «Неделя» из лондонского журнала «Уикенд». Через некоторое время «Красная звезда» опубликовала корреспондентскую о встрече и беседе с Василием Губаревым, а саратовская газета «Коммунист» — с Иваном Сидоровым. Однако исследователи-историки как бы не заметили этих материалов: ложная информация оказалась на редкость живучей. Вот почему есть необходимость еще раз вернуться к документам.

В архивах ФСБ хранится папка под названием «Де-

* Далее это и другие названия населенных пунктов даются на русском языке в разной транскрипции, как значатся в документах. — Примеч. авт.



● ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ●



И. Е. Сидоров



В. И. Губарев

ло о задержании Гимmlера». Часть документов представляет собой копии (подлинники отправили в свое время в Главное управление контрразведки «Смерш»), другие, и их большинство, являются оригиналами. Когда советской стороне стало известно, что один из задержанных Губаревым и Сидоровым немцев оказался Гимmlером, английскому командованию был направлен запрос начальника советского сборно-пересыльного пункта № 619 майора Годлевского с просьбой подтвердить этот факт. В ответ на него подполковник Проудлок в справке под заголовком «Захват Гимmlера» сообщил: «В понедельник 21 мая 1945 года в 19 ч 45 мин капрал Моррис, его караул из трех англичан и двух русских солдат останавливали (проверяли) подозрительных лиц в деревне Мейнштедт, в 5 км северо-восточнее Зевен. Ими была окликнута группа из 3 человек, одетых в гражданское. Так как документы последних были не в порядке, их арестовали и забрали в караульное помещение лагеря Сидорф. После допроса и проведенной ночи на 22 мая в камерах караульного помещения в Сидорфе группа была взята под конвоем в Бремервурд. Из последующих расследований несомненно установлено, что один из них был Гимmlер. Фамилии двух русских часовых: Губарев и Сидоров»¹³.

Как видим, фамилии красноармейцев оказались англичанам известны. Но справка составлена так, что, хотя среди участников задержания и упоминаются русские, все же их роль в этом представляется если не второстепенной, то в лучшем случае равной с англичанами. Становится понятно, почему в официальных публичных сообщениях советские солдаты вообще не назывались.

Полученную от Проудлока справку вместе с другими документами майор Годлевский 4 июня 1945 года отправил уполномоченному СНК СССР по делам репатриации генерал-полковнику Ф.И. Голикову, сопроводив всё рапортом, в котором указывалось, что в местечке Майнштедт действовал вооруженный патруль в составе английских солдат и двух красноармейцев. «Дозорные т. Губарев и т. Сидоров патрулировали по улице (в то время как англичане пили кофе в помещении), в это время показались из лесу три немца. Тов. Губарев окликнул их, они не остановились, т. Губарев выстрелил из винтовки, заставил их остановиться. Задержанные были сданы ан-

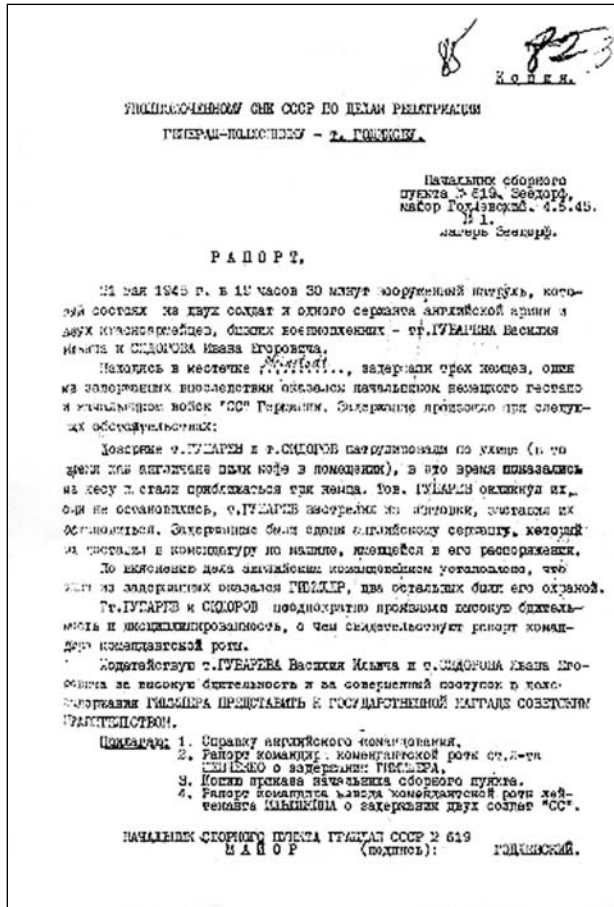
лийскому сержанту... По выяснении дела английским командованием установлено, что один из задержанных оказался Гимmlер...»¹⁴.

Здесь внимание привлекает интересная деталь: русские солдаты патрулировали, а англичане пили кофе. Когда познакомишься с другими документами папки, то невольно создается впечатление, что любители кофе вообще больше занимались застольем, чем патрулированием. В упомянутой публикации «Коммуниста» за 3 октября 1964 года приводится живой рассказ Ивана Егоровича Сидорова, где вещи названы своими именами: «В Майнштедте англичанам не очень-то хотелось бродить с винтовками по улицам; дом, во двор которого въехала машина, казался не из бедных, и здесь, судя по всему, можно было приятно провести время. Так и договорились — первыми начнут патрулирование русские, а англичане, раздобыв у хозяина вина и закуски, уселись за стол...».

Надо отметить, что майор Годлевский ходатайствовал о представлении Губарева и Сидорова к государственной награде «за высокую бдительность и совершенный поступок в деле задержания Гимmlера». При этом от подчеркивал, что они неоднократно проявляли высокую бдительность и солдатскую хватку¹⁵. Красноармейцы были отмечены специальным приказом и каждый премирован пакетом Красного Креста¹⁶. Советские инстанции проявили живой интерес ко всему, что произошло. Сидорова и Губарева отвезли в советскую зону оккупации. В городе Штеттин (Щецин), где находилась одна из структур по делам репатриации советских граждан, красноармейцы дали показания. Сразу же после этого заместитель начальника отдела репатриации 2-й ударной армии по политчасти майор Мухалев послал докладную записку (рапорт) начальнику политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по репатриации полковнику Логунову. Изложив в ней суть дела, Мухалев делает вывод: «Гимmlер был пойман не англичанами, как об этом сообщила английская печать, а бывшими красноармейцами-военнопленными Губаревым и Сидоровым»¹⁷.

Небезынтересно ознакомиться и еще с одним документом. Это показание участника ареста Генриха Гимmlера, бывшего военнопленного, освобожденного войсками союзников, красноаремец Сидорова Ивана Егоровича. Текст приводится без изменений.

«21 мая 1945 года в составе английского и русского патруля мы приехали в 9 часов утра в деревню Майнштедт. В составе патруля было шесть английских солдат во главе с капралом, фамилию которого не помню, от русской роты — я и Губарев. С разрешения капрала я и Губарев пошли патрулировать парой. В 10 час. утра мы приходили выпить кофе, в 13 час. пообедали и снова вдвоем с Губаревым ушли в обход. Вечером, в 19 час., мы пришли снова в дом, где были английские солдаты, курили, разговаривали и пили кофе. Нам они сказали: «Еще рано, поедем в 19 час. 30 мин. Хотите — отдохните или пройдитесь еще». Я и Губарев решили еще раз пройти на окраину деревни. Пошли по окраине деревни. Вскоре я увидел, что на дороге из кустов вышли три немца. Шли они кустами и намеревались пересечь дорогу и снова уйти в лес. Мы стали кричать, но неизвестные продолжали двигаться вперед. Тогда мы побежали за ними. Губарев выстрелил в воздух. Один немец остановился, но двое продолжали двигаться к



Копия рапорта начальника сборного пункта граждан СССР № 619 майора Годиковского генерал-полковнику Ф.И. Голикову

лесу. Губарев снова властно крикнул и знаком показал: «Стой! Идите все сюда». Мы оба взяли немцев на мушкет. Тогда они остановились. Мы подошли к ним. Один из задержанных, оказавшийся впоследствии Гиммлером, был одет в сероватый плащ офицерского покроя, брюки гражданские, ботинки солдатские, на голове — черная шляпа, левый глаз перевязан черной повязкой. В руках он держал палку — костыль. Плащ был наглухо застегнут. На руке были часы с компасом. Двое других были одеты в такие же плащи, в ботинках, без головных уборов, пилотки немецкие лежали в карманах. Знаками мы спросили у них английские документы. Все трое по-русски не разговаривали. Я знаю несколько немецких слов и понял, что они отвечают, что документов у них нет. Всех трех мы доставили в деревню, в дом, где были английские солдаты. Это было приблизительно в 19 часов 30 минут. Английские солдаты высочили и стали спрашивать у задержанных документы. Один из сопровождающих Гиммлера подал какую-то бумажку, потом такую же бумажку подал Гиммлер. Документы были с фотокарточкой, на немецком языке. Капрал не мог прочитать документы, и стали совещаться, как поступить. Задержанные жестами и отдельными словами пытались объяснить, что идут из госпиталя. Гиммлер показал на завязанный глаз и

на левую ногу, на костыль и пытался убедить солдат, что он больной. Английские солдаты спросили у нас: «Отпустить надо, они больные?». Но я и Губарев знаками показали: «Нет, надо отправить в лагерь». В лагере мы сдали задержанных английскому офицеру и переводчику. Сопровождали до лагеря на машине я, Губарев и два английских солдата. Когда привезли в лагерь, то всех трех задержанных, по распоряжению английского офицера, посадили на гауптвахту. Перед этим переводчик задал несколько вопросов, посмотрел документы и перевел английскому офицеру. Перевод мы не поняли из-за незнания английского языка. Нас переводчик подробно расспросил, при каких обстоятельствах мы их поймали.

Дня через три мы снова были назначены патрулями. На площади собрались 16 русских, ожидали машину. Пришли сюда тот же английский офицер и переводчик. Переводчик спросил: «Кто 21 мая привел трех человек немцев?» Я ответил: «Я». Губарев тоже ответил: «Я». Записал наши фамилии, имена, отчества, город, где мы родились. Потом спросил: «Вы знаете, кого вы привели?» Мы ответили: «Нет». Тогда переводчик нам объяснил: «Тот, у которого был перевязан глаз, — это Гиммлер — начальник госпиталя. Его отправили в другой город, там он во время допроса отравился и умер».

После этого в лагере среди русских людей и среди английских солдат шло много разговоров о том, кто поймал Гиммлера. Нас об этом спрашивали старший лейтенант Шевченко, старший лейтенант в роте (фамилию не знаю), командир отделения Титаренко. Когда прибыли новые группы английских солдат, они показывали снимок Гиммлера из английской газеты (помещен был его снимок в форме), помещенный по случаю его ареста. Наши ребята в ответ на это показывали на меня и говорили: «Вот кто поймал Гиммлера».

Это все, что я могу показать по настоящему вопросу. Правильность показания подтверждаю. Сидоров»¹⁸.

То же самое в аналогичном документе поведал и Василий Ильич Губарев.

Такова истинная картина задержания и ареста рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

ОТ ТОМ, что произошло после передачи Гиммлера английским властям, свидетельствует капитан Том Сильвестр¹⁹, возглавивший гражданский следственный лагерь 031, расположенный под Люнебургом. По словам Сильвестра, в два часа полудни 23 мая в лагерь прибыл конвой с группой немцев из Бремерферде. Часа через два капитану доложили, что среди прибывших есть три человека, которые требуют немедленной встречи с начальствующим офицером. Первым в кабинет вошел «маленький, болезненного вида человек с черной повязкой на левом глазу». Он снял повязку, надел очки, и Сильвестр тут же узнал его, а тот спокойно представился: «Генрих Гиммлер». Сильвестр вызвал вооруженную охрану и послал за офицером из разведки. Было дано сообщение в штаб-квартиру 2-й армии. Вечером сюда прибыл начальник разведки при штабе фельдмаршала полковник Майкл Мэрфи, который после недолгой беседы увез Гиммлера в следственный центр штаб-квартиры. Гиммлер добивался специального обхождения и «настаивал на том, что у него есть письмо к генералу Монтгомери. Однако полковник Мэрфи не припоминает, чтобы он такое письмо когда-нибудь видел...»²⁰.



● ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ●

Опустим подробности описания обыска и осмотра Гиммлера с целью найти капсулу с ядом и предотвратить самоубийство. Поняв бесперспективность встречи с Монтгомери, рейхсфюрер внезапно разгрыз спрятанную за щекой капсулу с цианистым калием и умер.

Поистине символическое совпадение: именно в тот день, когда Гиммлер покончил с собой, было арестовано правительство Дёница. Случайное ли это совпадение? Незаконно созданное при участии «повитух» из Вашингтона и Лондона, новое германское правительство вызвало, естественно, резкое неприятие с советской стороны. В союзную Контрольную комиссию поступал протест за протестом. Наконец И.В. Сталин дал поручение наркому иностранных дел В.М. Молотову ускорить отправку советской делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров²¹.

Это и сделали. Союзники вынуждены были выполнить настоятельные и справедливые требования советской делегации. Но можно представить, какое настроение царило в штабе британских оккупационных войск, где вынашивались совсем иные планы. Как тут не понять полковника Мэрфи, его нервозность и напускную грубость при виде Гиммлера, который, наоборот, был расположен к разговору в надежде о встрече с Монтгомери. А случись ожидаемая Гиммлером встреча, кто бы дал гарантию, что еще не остывший от смертельных схваток и восставляющий под покровительством западных союзников силу и мощь вермахт с растворившейся в нем гиммлеровской ратью не был бы использован в качестве ударной силы в военном конфликте, который не исключался в условиях резко меняющейся политической обстановки в Европе. Ведь только в конце 1945 года, опять же по настойчивому требованию Советского Союза, появился план роспуска германских войск.

Что же касается наших героев, то они были доставлены в Москву. Около двух месяцев находились в отделе репатриации, потом их перевели в Московский военно-пересыльный пункт, располагавшийся на Стромынке, в доме 32. Здесь они, опять же добровольно, несли привычную охранную службу в качестве стрелков. В ноябре 1945 года сотрудник «Смерша» майор Лаврентьев во всей форме произвел новый допрос Губарева и Сидорова в качестве свидетелей. Его интересовало, когда, где и при каких обстоятельствах они попали в плен, когда были освобождены, чем занимались в сборно-пересыльном пункте Зеедорф. Особый упор был сделан на приметы задержанных 21 мая немцев и на то, откуда известно, что один из них — Гиммлер²². Если учесть обстановку того времени, то кажущиеся сегодня удивительными и необоснованными недоверчивость и крайняя осторожность сотрудника «Смерша» представляются не такими уж излишними. Упомянутый «Норд» все еще действовал, собиравание немецких войск с целью использования в войне против Советского Союза продолжалось. Идеи Гиммлера живы, и почему не усомниться в смерти его самого? С другой стороны, зарубежная информация о верхушке рейха нередко оказывалась заведомо ложной. Например, о Гитлере в июне 1945 года было опубликовано два сообщения: согласно одному он скрывался на

подводной лодке, согласно другому — прятался в Ирландии.

Сидоров и Губарев снова обстоятельно ответили на все вопросы. Конечно же, этот допрос ничего нового к уже известным сведениям не прибавил, как, впрочем, и не убавил. Этим, к сожалению, все и закончилось. Материалы, ценнейшие свидетельства исторического акта, осели в секретных архивных хранилищах на долгие годы.

Вместо заключения хотелось бы сказать несколько слов о наших героях. До чего же схожи жизненные пути этих двух людей. Оба сельяне. Иван Сидоров вырос на саратовской земле, Василий Губарев — на рязанской. Оба служили ездовыми: первый — в минометном полку, второй — в артиллерийском. Боевое крещение Сидоров получил в Белоруссии. Но воевать пришлось недолго. 17 августа 1941 года под Гомелем попал в плен. Спустя три недели в плену оказался и Губарев, воевавший на Украине, под Запорожьем. В фашистской неволе оба прошли через несколько лагерей. Испытали на себе всю нечеловеческую жестокость гиммлеровской системы рабства, уготованной для советских военнопленных. Там выдерживали далеко не все. Сидоров и Губарев выжили благодаря природному здоровью и силе воли. Наград они за поимку Гиммлера никаких не получили, но и репрессиям за нахождение в плену не подверглись, что уже само по себе было наградой. В 1946 году оба были уволены в запас. Сидоров обосновался в Саратове, работал на разных предприятиях. Губарев вернулся на родную Рязанщину, потом перебрался под Тулу, стал горняком. У обоих были семьи. Переписывались, ездили друг к другу в гости. Оба покинули этот мир, так и не дождавшись достойного признания своих заслуг перед Родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шелленберг В. Мемуары. Минск: Родиола-плюс, 1998. С. 433.
- ² Мэнвелл Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 378.
- ³ Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС. Смоленск: Русич, 2002. С. 535.
- ⁴ Там же. С. 533—534.
- ⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1974. Т. 2. С. 407—408.
- ⁶ Секретная миссия «Норда», или Тайное оружие Черчилля // Воен.-истор. журнал, 1993. № 6—8.
- ⁷ Мэнвелл Р., Франкель Г. Указ. соч. С. 337.
- ⁸ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М.: Политиздат, 1988. С. 371.
- ⁹ Делдрю Ж. История гестапо. Смоленск: Русич, 1993. С. 455.
- ¹⁰ Хёне Г. Орден «Мертвая голова». Смоленск: Русич, 2002. С. 567—568.
- ¹¹ Безыменский Л. Конец одной легенды. М.: Советская Россия, 1986. С. 179—180.
- ¹² Теллицын В. Отто Скорцени, или Коммандос — опасное ремесло. Смоленск: Русич, 2002. С. 402.
- ¹³ Архив управления ФСБ РФ по Саратовской области (АУФСБ РФ СО). Ф. 14. Оп. 5. Д. 979. Л. 86.
- ¹⁴ Там же. Л. 85.
- ¹⁵ Там же. Л. 85.
- ¹⁶ Там же. Л. 87.
- ¹⁷ Там же. Л. 91—92.
- ¹⁸ Там же. Л. 93—95.
- ¹⁹ Мэнвелл Р., Франкель Г. Указ. соч. С. 337—338.
- ²⁰ Там же. С. 340.
- ²¹ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 399.
- ²² АУФСБ РФ СО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 979. Л. 108—112.

А.И. СИМОНОВ



В НИКОЛАЕВСКОМ ИНЖЕНЕРНОМ УЧИЛИЩЕ

В. М. ДОГАДИН

Дополнительный класс

1 СЕНТЯБРЯ начались занятия в дополнительном классе. В этом году кроме изучения теоретических предметов мы должны были сделать несколько проектов, в том числе по фортификации и архитектуре.

Революционные события 1905 года не могли не отразиться на жизни нашего училища. Юнкера всегда любили читать газеты, предпочитая из них прогрессивные: «Русь», «Русское слово», «Наша жизнь». Я прочитал произведение Чернышевского «Что делать?», которое тогда было чуть ли не запрещенным. Попадали мне в руки и издаваемые за границей газеты, такие, как «Колокол» и «Революционная Россия». Приносил их мой товарищ Меркулов, и мы с ним читали их ночью в уборной при свете камина. Газеты были малого формата, напечатаны очень мелким шрифтом на папиросной бумаге. Однако я в них ничего не понимал, видел только, что они очень резко критиковали царя и правительство. Воспитываясь в кадетском корпусе и инженерном училище, я совсем не соприкасался с бытом рабочих и крестьян и о судьбе обездоленных людей знал только из литературных произведений.

Нам было известно, что некоторые из наших товарищей юнкеров участвуют в каких-то кружках, бывают на сходках. Однако большинство юнкеров училища, всецело занятое учением и ставившее своей основной целью закончить образование, чтобы стать инженерами, к вопросам политики относилось довольно безразлично. Замечая, что отдельные товарищи увлечены революционной деятельностью, эта часть юнкеров не только им не мешала, а даже сочувствовала, не считая, впрочем, их героями, хотя хорошо знала, что за подобные вещи они могли быть привлечены к ответственности.

Забастовки все усиливались, приобретая всеобщий характер. Особенно ощутимо было их действие, когда забастовали железнодорожники, а на улицах Петербурга погасло освещение.

Настроение у всех было подавленное. И вдруг вечером 17 октября 1905 года пришедшие из города юнкера сообщили об издании Манифеста, возвещавшего об учреждении Государственной думы и разрешавшего свободу печати и собраний.

Дежурный офицер капитан В.А. Критт, узнав об этом от юнкера, забыл про официальность взаимоотношений, в восторге обнял его и воскликнул: «Да понимаете ли вы, что случилось!»

На другой день утром все юнкера и слушатели академии были собраны в Георгиевском зале для молебна, перед которым наш законоучитель священник А. Темисмеров прочитал проповедь о даровании свободы, заметив при этом, что к свободе «надо подходить

с чистыми руками». Едва он закончил говорить, перед строем выступил генерал Саранчев со словами: «Я должен напомнить, что военные политикой не занимаются». Своей краткой речью он сконфузил священника и подавил наше праздничное настроение.

В скором времени политическая обстановка страны еще глубже затронула нашу жизнь. Вечером 7 ноября юнкера 1-й роты получили письмо от своего ротного командира капитана Н.В. Нордгейма, в котором он поздравлял их с ротным праздником, приходившимся на 8 ноября (День архангела Михаила). Письмо было подписано: «Ваш бывший ротный командир». Юнкера были крайне удивлены, почему их ротный командир стал вдруг «бывшим»? Положение разъяснилось, когда на другой день наш ротный командир капитан Е.Ю. Бем внезапно собрал в классе юнкеров дополнительного курса.

Войдя в класс, он быстро взошел на кафедру и возбужденно обратился к нам со словами: «С нашим начальством служить невозможно!» Этим обращением он нас просто огушил. Он всегда был с нами строг и официален, и вдруг такая бунтарская фраза. Далее Бем рассказал, что произошло с капитаном Нордгеймом. Оказывается, дело было так.

Незаметно перед этим в газете появилось письмо, в котором автор предлагал соорудить в Петербурге памятник в честь декабристов. В последующих номерах печатались письма людей, просивших присоединить и их подписи к первому письму о памятнике. Под одним из писем стояла подпись: «Гвардии капитан». Командовавший гвардейским корпусом князь Васильчиков, решив выявить автора письма, обратился с этой целью в редакцию газеты. Однако там отказались открыть тайну псевдонима.

Тогда князь задумал произвести письменный опрос всех офицеров гвардии. Так как наши ротные командиры тоже числились по гвардии, к ним явились посланные с предложением подписать заявление о том, что они вышеупомянутого письма в газету не посылали. Капитан Бем подписал это заявление, не задумавшись, а Нордгейм подпись свою поставить отказался. Когда же Бем спросил его, почему он не подписывает, Нордгейм сказал, что в этом он усматривает сыск, что если это заявление будет предложено подписать лицу, которое действительно послало письмо в редакцию, ему либо придется сознаться в этом, либо подписать заявление и, значит, стать подлоем. Об отказе капитана подписать заявление было доложено великому князю генерал-инспектору по инженерной части, а тот приказал уволить Нордгейма со службы в запас.

Капитан Бем считал действия в отношении Нордгейма несправедливыми и возмущенно апеллировал к нам, юнкерам дополнительного курса. Мы единодушно признали факт несправедливости начальства и заявили, что при таком положении дел не желаем оставаться больше в стенах училища. Капитан Бем с удовлетворением выслушал нас, а мы тут же начали писать рапорты. Мы, юнкера дополнительного курса, как упоминалось выше, имели законное право требовать производства в офицеры, но одновременно всем классом подать рапорты не могли, так как это подошло бы под статью «действия скопом» (т.е. бунт), когда число участников бывает не менее семи человек. Поэтому решено было ежедневно подавать рапорты не от семи или более товарищей, а от шести, что гарантировало бы нас от обвинения в «действиях скопом». Мы произвели жеребьевку, чтобы установить, кому в какую очередь подавать рапорт о производстве. Судьбе угодно было назначить мне подавать рапорт в последнюю очередь.



● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ●

В первый день после того начальство получило первые шесть рапортов с просьбой о производстве в офицеры. В следующий день у начальства было еще шесть таких рапортов, а затем еще шесть. Наша демонстрация и ее причина стали ясны всем.

Уже в день нашей беседы с капитаном Бемом юнкера дополнительного курса послали меня с двумя товарищами в качестве делегации к капитану Нордгейму, чтобы выразить наше сочувствие и уважение. Мы явились вечером к нему на квартиру, но не застали его дома. На другой день он пригласил нас троих в обособленную комнату при дежурке, чтобы поблагодарить за визит к нему. «Вам, вероятно, очень интересно знать, действительно ли я послал то письмо в редакцию газеты?» — спросил он нас. И, не ожидая ответа, сказал: «Да, это я сделал».

Сведения о событиях в нашем училище быстро проникли в печать, и уже 11 ноября в газете «Русь» и в «Нашей жизни» появились заметки с подробным описанием всего того, что у нас случилось. Кто был автором их, мы не знали, но весьма возможно, что это был кто-нибудь из наших товарищей, занимающихся политикой. На нашем собрании юнкеров дополнительного курса, между прочим, присутствовал юнкер Волянский, хотя он тогда был в старшем классе, и все настаивал, чтобы мы выставляли свои «требования». Как я узнал позднее, он был в числе революционеров. Мы никаких требований не выставляли, но между собой говорили, что следовало бы сместить начальника академии генерала Саранчева.

Параллельно с распространением известий о подаче рапортов начались воздействия на нас со стороны преподавательского и административного состава. Первым выступил преподаватель по строительному искусству полковник Сокольский. Придя в класс на лекцию, он неожиданно обратился к нам с вопросом: «Что случилось?» Мои сотоварищи побудили меня осветить обстановку. Мне было довольно трудно изложить экспромтом происшедшие события, но, видимо, ему и так было все достаточно ясно. Он стал напыщенно говорить о том, что в стране бушует шторм и что только армия, подобно утесу, сопротивляется напору волн, а мы своими действиями расшатываем эту прочную до сего времени скалу. Однако его речь не произвела на нас никакого впечатления. Выступали и другие лица с убеждением взять обратно рапорта, говорили, что нам угрожают солдатские шинели, т.е. направление на службу солдатами.

Вскоре и начальник академии генерал Саранчев приказал нам построиться в классе и резкими словами стал упрекать за наши действия. «Вы не хотите слушать великого князя? — кричал он, покраснев и потирая лоб рукой. — Вы хотите сесть рядом с ним, чтобы самим распоряжаться?» Мы не могли отвечать ни на один его вопрос, так как стояли в строю. «Пусть ваши фельдфебели явятся ко мне, чтобы заявить о вашем согласии взять рапорты обратно, а я буду ждать в конференц-зале», — выкрикнул он и ушел. После его ухода из класса у нас даже никаких дискуссий не возникло. Все единодушно сразу решили, что все остается по-старому. Об этом мы с фельдфебелем 1-й роты Лаврентьевым пошли доложить генералу Саранчеву.

«Я не понимаю, причем тут вторая рота? — спросил он меня, когда мы доложили ему о неизменном решении наших товарищей-юнкеров. — Ведь капитан Нордгейм командовал не второй, а первой ротой?» «Вопрос о справедливости важен для всякого», — ответил я ему. Мне кажется, что вторая рота действовала даже активнее, чем первая, потому что, во-

первых, к протесту побудил нас именно командир нашей роты, а, во-вторых, у нас товарищеская спайка была крепче, чем в первой роте.

Наконец в одну из больших перемен с призывом к нам, юнкерам дополнительного курса, обратился мощный инспектор классов подполковник В.В. Яковлев (в советское время генерал, заслуженный деятель техники, доктор технических наук), который побудил нас изменить свое решение. Отличаясь отменным красноречием, способностью быстро, без запинок произносить речи, он с горячностью стал говорить: «Господа! Что вы делаете?! Одумайтесь! Наши враги хотят воспользоваться этим моментом, чтобы закрыть академию и училище! Пожалейте нашу альма-матер! Кстати, имеются данные, что ваши желания будут исполнены» (хотя мы о своих желаниях нигде не заявляли). Юнкера попросили его подтвердить правильность этого сведения, что он охотно сделал.

Обращение подполковника Яковлева заставило нас задуматься. Поразмыслив, мы пришли к соглашению прекратить подачу рапортов с требованием о производстве в офицеры, ранее же поданные потонули где-то в делах канцелярии. Вскоре стало известно, что заявление Яковлева об исполнении наших желаний было верным.

В двадцатых числах ноября я получил на свое имя открытку, которая поставила меня в тупик. Во-первых, открытка пришла из Вены, т.е. из-за границы, во-вторых, подписана она была: «Федор Иванович». Несколькими раз с недоумением перечитывал я товарищами эту открытку, пока кто-то из нас не воскликнул: «Да это Зубков пишет, ведь мы его в шутку называли по имени нашего инспектора классов Зубарёва!» Зубков уведомлял меня, что едет за границу изучать иностранные языки. Это нас тоже удивило, так как мы считали, что он мало интересовался языками и в настоящее время должен служить офицером в Киеве, а не разъезжать по заграницам.

Обстоятельства, заставившие Зубкова очутиться в Вене, выяснились лишь некоторое время спустя. Поскольку человек этот — личность незаурядная, а судьба его необычна, я считаю нужным посвятить ему несколько строк в своих записках. Борис Павлович Зубков поступил в наше училище из 2-го Оренбургского кадетского корпуса, большинство воспитанников которого, как я уже упоминал, интересовались вопросами политики. Зубков не был исключением. В августе 1905 года он из старшего класса вышел в офицеры в 14-й Саперный батальон, стоявший в Киеве, а 18 ноября вместе с подпоручиками Жаdanовским и Барановым, одновременно с ним вышедшими из нашего училища, возглавил восставших понтонеров и саперов Киевской бригады.

Произошло столкновение с правительственными войсками, во время которого тяжело раненный в грудь Жаdanовский попал в руки властей и был приговорен к расстрелу, замененному вечной каторгой, где пробыл до революции, а затем вскоре погиб в одном из столкновений в Крыму, защищая советскую власть. Зубков и Баранов бежали за границу, и, прибив в Вену, Борис Павлович прислал мне так озадачившую нас открытку.

Нелегко дались Зубкову первые годы пребывания на чужбине без необходимого материального обеспечения. Приходилось подметать улицы, браться за всякую другую работу, чтобы добыть себе пропитание. Однажды ему удалось устроиться заведующим русским киоском на выставке в Турине, в котором, между прочим, были представлены и наши кавказские мандарины. Иностранным посетителям казалось чудом, что в «стране белых медведей» растут субтропические



фрукты, и потому было немало желающих попробовать мандарины из России. Не имея таковых в запасе, Зубков не мог удовлетворить просьбы посетителей. Но вот однажды на выставку зашли знатные американцы и попросили Зубкова продать русский мандарин с экспозиции. Он отказал, тогда они стали повышать предлагаемую цену и дошли чуть ли не до 25 долларов. Когда Зубков наотрез отказался продать мандарин и за эту сумму, раздраженные американцы не захотели осматривать павильон и покинули выставку. Руководители павильона потребовали, чтобы Зубков не отбивал своими действиями посетителей, и научили его добывать для продажи желающим мандарины на итальянском базаре. Борис Павлович вынужден был пойти на это. Теперь, когда к нему обращались с просьбой попробовать русский мандарин, он вынимал из-под прилавка итальянский и продавал его за 1 лиру вместо той ничтожной цены, которую сам платил на рынке. К закрытию выставки у него скопилось 40 000 лир. Однако, что легко добывается, то нередко так же быстро исчезает. Пробираясь во Францию пешком через Швейцарию, Зубков остановился ночевать в гостинице, где стал играть в карты с неизвестным человеком. На утро карман его был пуст.

В дальнейшем Зубков выучил французский язык настолько, что стал даже думать по-французски, окончил институт в Льеже и материально неплохо устроился. Он сильно скучал по Родине, но смог вернуться в Россию только в начале революции, пробыв в эмиграции 12 лет.

В 1925 году мы с ним совершенно случайно встретились в Москве и установили дружеские семейные отношения (по его личному признанию, он и его жена испытывали чувство благоговения перед моей покойной женой Марией Васильевной).

24 ноября, как всегда, торжественно праздновалась годовщина со дня учреждения нашего Инженерного училища. В этот день приказом начальника академии и училища я был произведен в фельдфебели и поэтому отправился в гости к Никитиным уже в новой форме. На погонах у меня красовалась одна поперечная широкая серебряная нашивка, вместо ремня я теперь подпоясался красным кушаком, бескозырку сменила фуражка с козырьком, а тесак — пашка через плечо. Новая форма произвела фурор: наши барышни, видимо, неплохо разбирались в значении перемен в форме.

24 декабря начались рождественские каникулы, а вечером, когда мы собрались идти в церковь на богослужение, стало известно, что генерал Саранчев переведен на должность начальника пехотной дивизии. Перевод с должности начальника Инженерной академии, конечно, нельзя было назвать повышением, особенно если принять во внимание, что дивизия стояла в Прибалтийском крае. Это событие доставило нам полное удовлетворение, так как вполне совпадало с нашими желаниями во время нашего возмущения 8 ноября. Значит, полковник Яковлев был тогда прав в своем намеке.

В апреле состоялись выпускные экзамены в нашем дополнительном классе. По окончании последнего экзамена я в коридоре у преподавательской комнаты ждал момента, чтобы войти в нее и переписать баллы, поставленные комиссией товарищам. Вдруг из комнаты вышел командир батальона полковник Коваленко и, заметив меня, подошел ко мне со словами: «Ну, поздравляю вас!» — «Покорнейше благодарю, господин полковник!» — ответил я. — «А знаете, с чем я вас поздравляю?» — «Никак нет, господин полковник!» — «С тем, что вы окончили училище первым».

Это известие было для меня неожиданным, хотя в своем втором отделении я приблизительно знал, насколько успешно учусь по сравнению с товарищами, какие же баллы были у юнкеров первого отделения, мне не было известно. Средний балл у меня оказался равным 11,84. Фельдфебель первой роты Лаврентьев отстал от меня по сумме баллов всего на 0,01 балла.

После экзаменов нас, выпускников, с необходимым числом руководителей направили в лагерь на практику — прокладывать железнодорожную колею. Хотя эти занятия были обязательны, отметок за них решили не ставить. Это обстоятельство, а также выезд из стен училища, как на дачу, и прекрасная весенняя погода превратили занятия и для руководителей и для учеников в приятное времяпрепровождение. Солидные профессора и преподаватели после обеда с вином выходили поиграть на солнышке в городки, а потом на глазах юнкеров победивший тонный полковник Коллонтай при перемене городков ехал верхом на побежденном полковнике Кононове.

Однажды утром, когда мы группами занимались в поле работами по прокладке железной дороги, ко мне подъехал начальник академии и училища генерал Крюков и поздравил меня. Оказывается, конференция приняла решение высечь мое имя на мраморной доске. В связи с этим на стене эллиптического зала, в самом верху одной из мраморных досок появилась надпись: «1906 г. Владимир Догадин», а во второй строке — «Василий Лаврентьев».

Затем предстояло решать вопрос о распределении нас по войсковым частям. Обычно в предыдущие годы окончившим юнкерам предъявлялся список имеющих вакансии в точном соответствии с личным числом выпускников. В назначенный день в присутствии начальства, их вызывали по очереди (в зависимости от количества полученных баллов), и они выбирали для себя место службы. Поэтому лучшие ученики имели возможность получить лучшие вакансии, а последние ученики попадали в батальоны, стоящие, например, в местечках Олита или Гура Кальвария, считавшиеся самыми скверными.

Для нас сделали почему-то исключение: заранее спросили, в какую часть каждый из нас желал бы идти служить?

Мы составили требуемый список, в соответствии с которым нам и были предоставлены вакансии. Благодаря этому распределение вакансий прошло просто и без волнений. Выбирая вакансию первым, я получил назначение в Киев, в 4-й понтонный батальон, в который и мечтал выйти, так как служба в лейб-гвардии Саперном батальоне требовала больших личных средств, да и в академию из него отпустили лишь через четыре, а не через два года.

Хотя война с Японией уже кончилась миром, подписанием в Портсмуте, выпускники офицеров из училищ производились все еще раньше срока, т.е. вместо осени — весной. Наше производство было назначено на 2 мая 1906 года.

В этот день утром мы приехали в Царское село. Для доставки нас во дворец были поданы на вокзал придворные экипажи в виде линеек, запряженных парой белых лошадей с кучерами и лакеями на козлах, одетыми в красные ливреи с пелеринами, отороченными галунами с орлами. На головах у них были треуголки.

Одновременно с нами прибыли и юнкера дополнительных курсов артиллерийских училищ. Нас построили в две шеренги по учебным классам с фельдфебелями на правых флангах.

Вскоре прибыл военный министр генерал-лейтенант А.Ф. Редигер, великий князь Петр Николаевич



• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

и другие начальствующие лица. Воспользовавшись временем до прибытия государя, юркий фотограф Оцуп стал делать снимки выстроившихся юнкеров, а на все попытки отогнать его только отмахивался своей шляпой или рыжей шевелюрой, вызывая смех у присутствующих высоких особ и юнкеров. Он на этом рассчитывал хорошо заработать, так как, конечно, многие хотели бы приобрести себе эти памятные фотографии.

Вскоре прибыл государь с государыней Александрой Федоровной. Она осталась в стороне, а он, поздоровавшись с нами, стал обходить фронт. Проходя мимо фельдфебелей, государь обращался к ним с вопросами, спросил и меня: «В какой батальон вы вышли?» — «В 4-й понтонный батальон, ваше императорское величество». — «Это не в Киеве он стоит?» — спросил государь, показывая тем свою исключительную память. Военный министр и другие лица поспешили угодливо ему ответить, как бы желая помочь мне. Но я, конечно, нашелся сам спокойно сказать: «Так точно, в Киеве, ваше императорское величество». Как раз этот момент фотограф Оцуп запечатлел на большой фотографии, которая долго у меня хранилась.

Обойдя фронт, государь жестом велел раздать каждому юнкеру приказ о производстве, отпечатанный в типографии. Затем обратился к нам с краткой речью, в которой сказал, чтобы мы хорошо служили и заботились о подчиненных, закончив словами: «Поздравляю вас офицерами!»

По отбытии государя великий князь Петр Николаевич собрал нас вокруг себя и обратился к нам со словами, в которых выразил благодарность за хорошее учение, а также за то, что внимательно и добросовестно выполняли его требования. Закончил он фразой: «В лице ваших фельдфебелей я крепко жму ваши руки». И этот момент рукопожатия зафиксировал фотограф, а потом сделал большой снимок группы всех юнкеров Инженерного училища, произведенных в офицеры с Петром Николаевичем в центре.

Затем во дворце нам было приготовлено прекрасное угощение с винами, причем ели мы стоя у стола. Тем же порядком возвратились в стены Инженерного замка, где нам было отведено изолированное от юнкеров помещение. Там мы начали облачаться в непривычное для нас офицерское обмундирование, абсолютно новое. По качеству все, вплоть до белья, значительно превосходило то, что мы носили юнкерами.

Это обмундирование готовилось в течение всей зимы в лучшей мастерской Петербурга по нашему выбору на сумму в 500 рублей. Шитье производилось с исключительной тщательностью, чтобы на сюртуке или мундире не было ни малейшей складочки или впадинки. Поэтому закройщики нас страшно мучили примерками: они добивались совершенства, чтобы не потерять выгодного оптового заказчика и на следующие годы, так как отлично сшитый сюртук всегда привлекает в себе всеобщее внимание.

С непривычки не все удавалось надеть сразу. Трудно было прикреплять крахмальные воротнички и манжеты, возникал вопрос, как надеть брюки со штрипками при надетых ботинках с прибитыми шпорами? Наконец все было надето, проверено перед зеркалом, и можно было выходить на улицу.

Трудно передать то ощущение радости, граничащее с восторгом, которое мы испытывали, когда шли по улице. Казалось, что обновление произошло не только с внешней стороны, но и в душе, ведь мы перестали быть бесправными существами и

превратились в людей, облеченных правами, доверием и вниманием общества. Нам не только казалось, на нас действительно все смотрели, потому что наш внешний вид привлекал к себе взоры всех встречных. «Вот идет вновь произведенный», — говорили глаза прохожих.

По неписаной традиции в этот день выпускникам прощались многие проступки. Обычно вечером молодые офицеры устремлялись в ресторан, где шумно праздновали свое производство. Рассказывали, что в предыдущем году один из таких очень скромных молодых офицеров под воздействием вина дошел до такого состояния, что появился в зале ресторана, забыв застегнуть брюки. Одна из постоянных посетительниц быстро подбежала к нему и устранила непорядок в костюме.

Наш выпуск юнкеров оказался каким-то особенным: никто из нас не пошел в ресторан, и наши старшие товарищи офицеры, любившие посмотреть, как веселятся вновь произведенные, на этот раз оказались разочарованными. Что послужило причиной такого отказа от традиционного веселья в этот исключительный день — трудно сказать. Может быть, в этом играло роль общее настроение, порожденное неудачами войны, из-за последствий которой мы, в частности, должны были ехать сразу на службу, а не домой в отпуск, а также революция, в ходе которой по адресу офицеров сыпалось немало упреков (часто незаслуженных), а может быть, просто скромность и серьезность моих сотоварищей.

Я и мои ближайшие друзья, в том числе Кандельки и Феттер, решили этот вечер провести в компании наших барышень в квартире Никитиных. Получив по 25 рублей в виде аванса в счет причитающихся сумм, мы отправились в магазин армии и флота, где закупили вина и различных закусок и с этими покупками явились к Никитиным.

Наша неопытность в обращении с винами сразу сказала: не успели мы сесть за стол, как самую младшую нашу барышню — Сонечку пришлось срочно вести погулять по саду, так как у нее закружилась голова, да и у нас в головах зашумело. Домой мы возвратились часа в 3 ночи, проведив предварительно наших барышень на извозчиках до их квартир.

В первый день производства я получил от училища в виде награды за успешное окончание курса несколько книг. Самыми большими из них были те, что мне не удалось получить за окончание корпуса: «Путешествие наследника Цесаревича» в трех огромных томах великолепного издания, выданное мне за то, что окончил училище первым, затем три больших тома с атласами «Материалы для истории инженерного искусства, составленные Ласковским», вручаемые первым четверем ученикам, и, наконец, книга «История Инженерного училища», выдаваемая десяти лучшим по строевой подготовке. На книгах имелись каллиграфически исполненные надписи: «За отличные успехи бывшему фельдфебелю 2-й роты, ныне подпоручику 4-го Понтонного батальона». Так началось формирование моей личной библиотеки. К сожалению, все эти ценные книги погибли в крепости Брест-Литовск во время Первой мировой войны.

Используя до конца возможность пребывания в Петербурге, попрощавшись с друзьями и договорившись с ними увидеться вновь, я отправился на службу в Киев.

Публикация З.Д. ЯСМАН

КОНКУРС

Криптограмма «Адмирал П.С. Нахимов»

Ключевые слова:

Задания

О	Д	И	Н		И	З		В	Е	Л	И	К	А	Н	О	В
15	4	9	14		9	1		6	3	12	9	11	8	14	15	6
Р	У	С	С	К	О	Г	О		Д	У	Х	А				
32	29	31	31	11	15	5	15		4	29	27	8				

Определите «ключ» для расшифровки заданий и текста: в таблице в незаполненных клеточках проставьте буквы и соответствующие им числа. В заданиях и тексте замените числа соответствующими буквами.

А		В	Г	Д	Е		З	И		К	Л		Н	О	
8		6	5	4	3		1	9		11	12		14	15	
Р	С		У		Х										
32	31		29		27										

6	.	8	32	30	3	13	15	6	%,	31	3	6	8	31	30	15	16	15	12	20	/	6	15	1	
12	17	/	15	31	30	8	14	3	30	31	17	/	6	3	25	14	21	13	/	29	11	32	8	6	
15	4	29	30	/	16	15	13	9	14	8	30	20	31	17	/	14	21	14	3	,	16	32	24	21	
16	29	,	9	/	13	3	2	4	29	/	14	9	13	9	/	6	31	3	5	4	8	9	3	31	
15	7	8	27	32	8	7	32	15	5	15	/	14	8	27	9	13	15	6	8	!,,	/	31	14	9	
30	,	14	/																			7	14	9	12
31	8	9	9																			29	15	3	/
8	6	4	/																			4	/	13	14
6	30	15	15																			3	9	/	8
3	31	32	5																			30	/	32	32
31	3	15	15																			/	6	29	15
/	25	7	30																			16	15	31	4
8	3	,	31																			32	/	31	14
14	30	21	15																			15	6	11	21
15	15	6	32																			6	3	9	10
32	/	8	16																			15	11	27	/
15	10	30	,																			1	9	/	4
7	3	12	15																			5	/	12	29
15	12	15	5																			12	6	3	27
/	3	16	15																			8	3	30	/
17	30	,	32																			24	11	15	9
8	9	17	7																			8	15	16	/
14	14	12	15																			30	6	9	16
32	8	15	4																			20	/	31	32
3	32	16	/																			31	31	3	15
13	27	/	17																			17	/	10	17
9	/	8	13	9	/	15	11	13	15	32	5	/	15	14	14	3	7	15	31	15	/	9	,	6	
32	27	6	15	11	9	12	29	11	/	6	15	14	9	15	6	/	9	13	8	14	3	13	9	9	
16	9	30	19	,	6	15	11	9	14	30	9	23	8	1	/	15	5	3	/	8	14	3	13	12	
31	3	7	.	21	12	9	31	/	3	21	14	14	3	6	15	32	11	15	31	/	15	5	3	/	



1. Село Вяземского уезда Смоленской губернии, где 23 июня 1802 года в семье отставного секунд-майора Нахимова Степана Михайловича родился сын Павел — будущий великий флотоводец, герой Крымской войны — 6, 15, 12, 15, 25, 3, 11.

2. Адмирал, известный русский мореплаватель, разработавший программы обучения гардемарин в Морском кадетском корпусе, в который в 1815 году был зачислен и по окончании которого в 1818 году был произведен в мичманы П.С. Нахимов — 9/.28/.11, 32, 29, 1, 3, 14, 24, 30, 3, 32, 14.

3. Фрегат, на котором в 1822—1824 гг. под командованием М.П. Лазарева П.С. Нахимов участвовал в кругосветном плавании — «11, 32, 3, 10, 31, 3, 32».

4. Океан, в котором во время кругосветного плавания отличился П.С. Нахимов при спасении матроса, упавшего за борт указанного выше фрегата — 30, 9, 27, 9, 10.

5. Подразделение, которым командовал лейтенант Нахимов на корабле «Азов» во время сражения в Наваринской бухте 8 октября 1827 года — 8, 32, 30, 9, 12, 12, 3, 32, 9, 10, 31, 11, 8, 17/7, 8, 30, 8, 32, 3, 17.

6. Награды, которые получил лейтенант Нахимов за отличия в указанном выше сражении:

- а) 15, 32, 4, 3, 14/31, 6, 17, 30, 15, 5, 15/5, 3, 15, 32, 5, 9, 17/25, 3, 30, 6, 3, 32, 30, 15, 10/31, 30, 3, 16, 3, 14, 9;
- б) 8, 14, 5, 12, 9, 10, 31, 11, 9, 10/15, 32, 4, 3, 14/7, 8, 14, 9;
- в) 5, 32, 3, 25, 3, 31, 11, 9, 10/15, 32, 4, 3, 14/31, 16, 8, 31, 9, 30, 3, 12, 17;
- г) 28, 32, 8, 14, 26, 29, 1, 31, 11, 9, 10/15, 32, 4, 3, 14/16, 15, 25, 3, 30, 14, 15, 5, 15/12, 3, 5, 9, 15, 14, 8;
- д) 25, 9, 14/11, 8, 16, 9, 30, 8, 14 — 12, 3, 10, 30, 3, 14, 8, 14, 30, 8.

7. Захваченный у турок корвет, командиром которого был назначен и в короткие сроки сделал его образцовым П.С. Нахимов — «14, 8, 6, 8, 32, 9, 14».

8. Орден, которого в 1830 году был удостоен П.С. Нахимов за усовершенствование указанного выше корабля — 31, 6, 17, 30, 15, 10/8, 14, 14, 21/6, 30, 15, 32, 15, 10/31, 30, 3, 16, 3, 14, 9.

9. Фрегат, которым в 1831—1833 гг. командовал П.С. Нахимов — «16, 8, 12, 12, 8, 4, 8».

10. Адмирал, эскадра которого совершила плавание по Балтийскому морю в 1833 году. Во время этого плавания, командуя указанным выше кораблем, П.С. Нахимов благодаря своим знаниям, энергии и мужеству при шторме и густом тумане спас всю эскадру — 28/.28/.7, 3, 12, 12, 9, 14, 31, 5, 8, 29, 1, 3, 14.

11. Строящийся линейный корабль, командиром которого в 1834 году был назначен капитан 2 ранга П.С. Нахимов и который вооружался под его надзором. В этот корабль он вложил всю душу, командовал им много лет до самого своего производства в контр-адмиралы в 1845 году — «31, 9, 12, 9, 31, 30, 32, 9, 17».

12. Орден, которым за усердную службу был награжден П.С. Нахимов в 1842 году — 31, 6, 17, 30, 15, 5, 15/6, 12, 8, 4, 9, 13, 9, 32, 8/30, 32, 3, 30, 20, 3, 10/31, 30, 3, 16, 3, 14, 9.

13. Корабли 1-й бригады 4-й флотской дивизии, на которых в 1845—1852 гг. П.С. Нахимов держал флаг:

- а) «11, 8, 5, 29, 12»;
- б) «17, 5, 29, 4, 9, 9, 12».

14. Должность, на которую в 1852 году был назначен П.С. Нахимов — 11, 15, 13, 8, 14, 4, 29, 18, 23, 9, 10/16, 17, 30, 15, 10/28, 12, 15, 30, 31, 11, 15, 10/4, 9, 6, 9, 1, 9, 3, 10.

15. Чин, в который в 1852 году был произведен П.С. Нахимов — 6, 9, 26, 3 — 8, 4, 13, 9, 32, 8, 12/31/29, 30, 6, 3, 32, 2, 4, 3, 14, 9, 3, 13/14, 8, 25, 8, 12, 20, 14, 9, 11, 15, 13/4, 9, 6, 9, 1, 9, 9.

16. Дивизия, переброску которой из Севастополя в район Анакрии в сентябре 1853 года (когда близилась война с Турцией) блестяще осуществила эскадра Черноморского флота под командованием П.С. Нахимова — 30, 32, 9, 14, 8, 4, 26, 8, 30, 8, 17.

17. Орден, которым был награжден П.С. Нахимов за замечательную победу русского флота — полный разгром турецкой эскадры при Синопе 18 ноября 1853 года — 31, 6, 17, 30, 15, 5, 15/5, 3, 15, 32, 5, 9, 17/6, 30, 15, 32, 15, 10/31, 30, 3, 16, 3, 14, 9.

18. Флагманский корабль П.С. Нахимова в Синопском сражении — «9, 13, 16, 3, 32, 8, 30, 32, 9, 26, 8/13, 8, 32, 9, 17».

19. Турецкий адмирал, формально командовавший турецкой эскадрой и попавший в плен после разгрома турок в Синопском сражении — 15, 31, 13, 8, 14 — 16, 8, 24, 8.

20. Английский советник, фактически командовавший турецкой эскадрой в Севастополь потрапанной в Синопском сражении русской эскадры в условиях ноябрьского шторма второй победой П.С. Нахимова, не менее славной, чем синопская — 6/8/11, 15, 32, 14, 9, 12, 15, 6.

21. Вице-адмирал, сподвижник П.С. Нахимова, назвавший переход в Севастополь потрапанной в Синопском сражении русской эскадры в условиях ноябрьского шторма второй победой П.С. Нахимова, не менее славной, чем синопская — 6/8/11, 15, 32, 14, 9, 12, 15, 6.

22. Один из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, где упоминается имя вице-адмирала начальника штаба Черноморского флота В.А. Корнилова, ставшего осенью 1854 года после высадки англо-франко-турецкой армии в Крыму фактическим руководителем обороны Севастополя — «31, 3, 6, 8, 31, 30, 15, 16, 15, 12, 20/6/4, 3, 11, 8, 7, 32, 3/13, 3, 31, 17, 26, 3».

23. Выдающийся русский военный инженер, осуществлявший инженерные работы в осажденном Севастополе, сыгравший важную роль в том,

что главная база русского Черноморского флота героически продержалась 349 дней и ночей — 19/9/30, 15, 30, 12, 3, 7, 3, 14.

24. Военно-инженерные сооружения, которые использовал П.С. Нахимов при обороне Севастополя:

- а) 16, 12, 8, 6, 29, 25, 9, 3/13, 15, 31, 30, 21;
- б) 7, 12, 9, 14, 4, 8, 2, 9;
- в) 31, 30, 32, 3, 12, 11, 15, 6, 21, 3/15, 11, 15, 16, 21.

25. Контр-адмирал, герой Синопского сражения и обороны Севастополя, который при обороне Севастополя 1854—1855 гг. командовал 4-й оборонительной дистанцией; награжден орденом Св. Георгия 3-й степени — 6/9/9, 31, 30, 15, 13, 9, 14.

26. Орден, которым был награжден П.С. Нахимов в 1855 году после смерти В.А. Корнилова, когда стал фактическим руководителем обороны Севастополя (не имея на это официального права) и примером для его защитников — 7, 3, 12, 15, 5, 15/15, 32, 12, 8.

27. Контр-адмирал, которому в 1855 году П.С. Нахимов передал эскадру, когда был официально назначен командиром Севастопольского порта и военным губернатором Севастополя — 16/13/18, 27, 8, 32, 9, 14.

28. Герои обороны Севастополя: матрос — 9/4, 9, 12, 9, 3, 14, 11, 15; унтер-офицер — 8/3, 12, 9, 31, 3, 3, 6;

квартирмейстеры — 28/1, 8, 9, 11, 15 и 16/11, 15, 24, 11, 8;

бошман — 8/32, 21, 7, 8, 11, 15, 6.

29. Как называют место, где покоится прах адмирала П.С. Нахимова? — 31, 15, 7, 15, 32/25, 3, 30, 21, 32, 3, 27/8, 4, 13, 9, 32, 8, 12, 15, 6.

В зашифрованном тексте на рисунке — извлечение из книги «Русские полководцы» серии «Великие русские».

Автор криптограммы полковник в отставке А.С. ЖДАНОВСКИЙ

Уважаемые читатели!

Победитель этого конкурса получит приз — книгу: Как создавался атомный подводный флот Советского Союза / Н.В. Усенко, П.Г. Котов, В.Г. Реданский, В.К. Куличков. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2004. 541 с., ил. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения) и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограммы «Главная огневая сила советских Сухопутных войск в Вели-

кой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 10) — в № 3 (март); «Маршал Советского Союза Л.А. Говоров» (№ 11) — в № 4 (апрель); «Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский» (№ 12) — в № 5 (май); на викторину «К 100-летию создания подводных сил России» (№ 1) 2006 года — в № 6 (июнь); на криптограмму «К 90-летию Брусиловского прорыва» (№ 2) — в № 7 (июль).

Ответы на криптограмму «К 60-летию победы на Дальнем Востоке» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 9).

Ключевые слова: 1. Маньчжурия, Корея, Южный Сахалин, Курильские острова; 2. О. Ямада; 3. А.М. Василевский; 4. С.П. Иванов; 5. а) Р.Я. Малиновский; б) К.А. Мерцков; в) М.А. Пуркаев; 6. Х. Чойбалсан; 7. Н.Г. Кузнецов; 8. И.С. Юмашев; 9. Н.В. Антонов; 10. Стратегическая перегруппировка сил и средств с Западного театра военных действий на Дальний Восток; 11. Прага; 12. Третий Белорусский; 13. Первый Восточно-Маньчжурский; 14. Пятый; 15. Забайкальская, Примамурская, Приморская; 16. Харбин, Чангунь, Гирин (Цилинь), Унги (Юки), Наджин (Расин), Чхонджин (Сейсин); 17. Чансыр — Долунь — Дабаньшан — Таоань, западнее Бухэду; 18. а) Владивосток; б) Хабаровск; 19. Л.К. Попов, П.И. Зырянов, А.А. Никифоров, М.И. Шишкарёв; 20. Юки, Расин (Наджин); 21. Сунгарийское; 22. Чанчунь, Мукден, Харбин, Гирин, Пхеньян, Дальний, Порт-Артур; 23. Двадцать пятая; 24. М.Н. Цуканова; 25. Шестнадцатая; 26. Н.А. Вилков, П.И. Ильичев; 27. а) Р.Я. Малиновский, М.В. Захаров, С.П. Иванов, И.И. Масленников, Н.Г. Кузнецов, И.С. Юмашев; б) А.М. Василевский, А.А. Новиков, А.Г. Кравченко, Н.И. Крылов, И.А. Плиев, В.Н. Леонов. **Текст:** «Советские войска на Дальнем Востоке осуществили Маньчжурскую, Южно-Сахалинскую наступательные операции и Курильскую десантную операцию. Маньчжурская наступательная операция включала операции: Хингано-Мукденскую, Харбино-Гиринскую и Сунгарийскую. Результатом стал полный разгром японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах».

Победителем этого конкурса стал Денис Непарко, студент 5 курса Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Береза).

Он получает приз — книгу: Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана / Пер. с англ. Л.А. Изоревского. М.: Центрполиграф, 2004. 348 с.

Поздравляем!

Сведения об авторах номера

АВДЕЕВ Валерий Александрович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

БАБКИН Михаил Анатольевич — доцент Южно-Уральского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Челябинск)

БОБРОВ Михаил Александрович — докторант Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (п. Монино Московской обл.)

ВЕЩИКОВ Петр Иванович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ГРАДОСЕЛЬСКИЙ Василий Васильевич — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

ГРИБОВСКИЙ Владимир Юльевич — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, капитан 1 ранга запаса, кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГРЕКОВ Николай Владимирович — профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, доктор исторических наук (г. Омск)

ДЬЯЧЕНКО Тамара Леонтьевна — заведующая отделом диорам Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Москва)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

КАПИСТКА Владимир Васильевич — старший преподаватель Военной академии МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КИРМЕЛЬ Николай Сергеевич — старший преподаватель кафедры журналистики Военного университета МО РФ, подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

КОЗЛОВ Денис Юрьевич — главный эксперт Экспертного центра Аппарата министра обороны РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович — начальник военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

МОРОЗОВ Станислав Вацлавович — докторант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (г. Юбилейный Московской обл.)

НОВИКОВА Ирина Николаевна — доцент кафедры факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ПОДСОБЛЯЕВ Евгений Феликсович — начальник кафедры военной истории Морского корпуса Петра Великого — Санкт-Петербургского военноморского института, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

РУСАКОВА Александра Юрьевна — редактор отдела музейного хранения Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (Москва)

СИМОНОВ Александр Иванович — участник Великой Отечественной войны, член Союза журналистов России (г. Саратов)

ШАВЕЛКИН Анатолий Михайлович — начальник кафедры противовоздушной обороны Общевоинской академии Вооруженных сил РФ, полковник, кандидат военных наук, доцент (Москва)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ЯСМАН Зинаида Даниловна — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Материалы номера рецензировали: кандидат философских наук А.Р. Ефименко (Российский государственный военный архив); посланник в отставке Ю.В. Иванов (Историко-документальный департамент МИД РФ); кандидат исторических наук И.В. Карпеев (Российский государственный военно-исторический архив); кандидат исторических наук генерал-майор А.В. Кирилин (Военно-мемориальный центр ВС РФ); доктор исторических наук, профессор полковник А.В. Кириллов (Общевойсковая академия ВС РФ); доктор военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); В.Н. Кузленков (Российский государственный военный архив); кандидат политических наук полковник В.В. Ларченков (Военный университет МО РФ); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат исторических наук В.А. Мартынов (Историко-документальный департамент МИД РФ); кандидат педагогических наук адмирал В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант В.И. Останков (Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ); полковник запаса В.А. Семидетко (Военно-мемориальный центр ВС РФ); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов; доктор исторических наук, профессор А.А. Чернобаев (Российская академия государственной службы при Президенте РФ); А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его должность, фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи, не заказанные редакцией, не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (495) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

Компьютерная верстка — В.А. ГОРОХОВСКИЙ

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 157-84-50(факс), 157-87-19.

Сдано в набор 20.12.2005
Подписано к печати 31.01.2006
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж 5100 экз. Зак. 208

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2006.

ВСЕСТОРОННЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ И ПРОБЛЕМ ЕЕ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ



▲ Русские войска в Париже



Приятным подарком стало выступление на вечере ансамбля русской песни «Русичи» и барда-журналиста Виктора Леонидова



▲ Президент кино клуба «Русский путь» кинорежиссер С.Л. Зайцев

Потомки офицеров и солдат Русского экспедиционного корпуса
Москва, Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 16 ноября 2005 г.

В БИБЛИОТЕКЕ-ФОНДЕ «Русское зарубежье» (БФРЗ) состоялось открытие кино клуба «Русский путь», на котором присутствовало более 200 человек. Открыл встречу директор Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» В.А. Москвин. Он подчеркнул, что 2005 год в деятельности коллектива стал годом особо торжественных событий: 10-летия библиотеки, открытия Дома русского зарубежья, основания киностудии и кино клуба под общим названием «Русский путь». Президент кино клуба – лауреат премии Национальной академии кинематографии «Золотой орел» Сергей Зайцев рассказал о задачах кино клуба, основной из которых является всестороннее освещение произведений киноискусства, отражающих историю России и освещающих проблемы ее духовного развития.

В попечительский совет кино клуба вошли заслуженные и известные деятели российского искусства, литературы, военные историки, научные и общественные деятели.

Работа кино клуба началась демонстрацией документального фильма кинорежиссера Сергея

Зайцева «Погибли за Францию», о премьерном показе которого уже рассказывалось на страницах нашего журнала (Трагедия Русского экспедиционного корпуса // Воен.-истор. журнал. 2003. № 7). Фильм посвящен судьбам участников Русского экспедиционного корпуса, сражавшихся во Франции в 1916–1917 гг. Перед его показом к зрителям обратился драматург и публицист, главный редактор газеты «Новости Союза кинематографистов» Дмитрий Салынский. Давая высокую оценку фильму, он отметил, что жертвы России в пользу человечества всегда были огромны, и это серьезный урок, о котором мы не должны забывать.

В отличие от предыдущих показов фильма «Погибли за Францию», нынешний был уникален, так как впервые в России собрались более 20 потомков солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса, их дети, внуки и правнуки: Ю.М. Ефимов, Ю. Иванова, Ю.П. Изюмов, В.Г. Кикнадзе, Ю.В. Копылов, С.Б. Кузьмина, Н.Р. Малиновская, Б. Морозов, С. и А. Невские, Ф.Г. Никитина, Р.В. и А.П. Соколовы, В.И. Фомин, С.И. Ябуров, Г.И., Л.Н. и

К. Ясновы. Поднявшись на сцену, они коротко рассказали о судьбах своих предков, поблагодарили создателей ленты, особенно Сергея Зайцева, которому удалось не только осветить в фильме многие ранее неизвестные страницы прошлого России, но и организовать в настоящее время подобную встречу, имеющую огромное значение для сохранения исторического наследия нашего Отечества.

В дальнейшем кино клуб «Русский путь» планирует демонстрировать фильмы режиссеров, темой работ которых является военная история России: Б. Крицинина, Т. Карповой, А. Осипова, С. Мирошниченко, Е. Цымбала, Ю. Шиллера, Б. Лизнева, Е. Шаталиной и др. В стенах кино клуба также будут проходить лекции и семинары специалиста по истории русского и зарубежного архивного кино Р. Янгирова.

О работе кино клуба «Русский путь» и премьерном показе фильма Ольги Дыховичной «Мария Бочкарева. Зовущая на смерть» читайте в номере на с. 20.

Публикацию подготовила А.Ю. РУСАКОВА

23 февраля — День защитника Отечества



В.М. Сибирский

▲ За Будапешт. Подвиг парламентаря Остапенко
Художник В.М. СИБИРСКИЙ. 1974 г.

▼ Броневой щит Родины
Художник В.М. СИБИРСКИЙ 1982 г.



Победа (посвящается А.Д. Макушину)
Художник В.М. СИБИРСКИЙ. 2005 г.



▲ Герой Советского Союза А.С. Егоров — командир партизанской бригады
Художник В.М. СИБИРСКИЙ. 2005 г.



мов, разведчики во главе с лейтенантом С.Е. Сорокиным и бойцы группы капитана В.Н. Макова, а также младший сержант П.Н. Пятницкий, сраженный на ступенях рейхстага. Все они в составе группы в нижней части полотна как бы нацелены на последний рывок к цитадели фашизма.

К 9 мая 1995 года, когда Центральный музей Великой Отечественной войны широко распахнул свои двери, роспись живописного полотна была завершена и представлена на суд посетителей. Более чем десять лет эта работа В.М. Сибирского вы-

зывает неизменный интерес ветеранов и школьников, россиян и иностранцев.

К 60-летию Великой Победы Вениамин Михайлович завершил новый цикл картин о Великой Отечественной войне. Все они были представлены на вернисаже в Московском доме национальностей. А совсем недавно В.М. Сибирский завершил еще одну работу: выполнил композицию исторических портретов и картин для комплекса «Школа высшего полководческого искусства» в Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Народными по праву зовут тех художников, в творчестве которых отражаются непреходящие ценности бытия. Это всецело можно отнести к работам Вениамина Михайловича Сибирского, которому в День защитника Отечества — 23 февраля 2006 года исполняется 70 лет.

Иллюстрации из кн.: Самсонов М.И., Скоробогатова Т.П., Кузина М.Е. Вениамин Михайлович Сибирский. Народный художник РСФСР Живопись. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1986. 48 с., ил.; Народный художник России Вениамин Михайлович Сибирский. Каталог выставки «Великая Отечественная война в произведениях Вениамина Сибирского». Живопись / Авт.-сост. Т.П. Скоробогатова. М.: Грошев-дизайн, 2005. 24 с., ил.

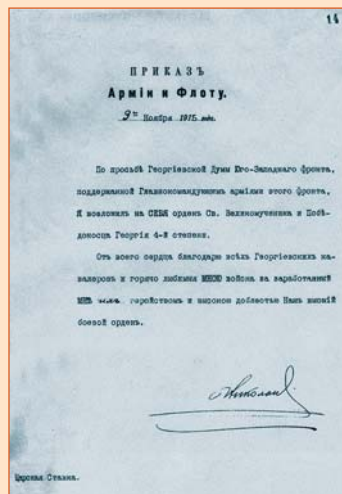
«СВИДЕТЕЛЬСТВО И НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ»

Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия

Из фондов Российского Государственного военно-исторического архива (Москва)

Плакат, выпущенный в честь кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени летчика В.М. Ткачева 1915 г.

Приказ армии и флоту императора Николая II о возложении на себя ордена Св. Георгия 4-й степени 9 ноября 1915 г.



Высочайшая грамота о пожаловании ордена Св. Георгия 2-й степени генералу от инфантерии Н.В. Рузскому 22 октября 1914 г.



«Военно-исторический журнал» продолжает публикацию материалов книги «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920», подготовленной коллективом сотрудников Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) под общим руководством ответственного составителя В.М. Шабанова*. Публикуемые иллюстрации относятся к истории ордена и награждениям в годы Первой мировой войны. Алфавитный список кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, награжденных за отличия, является итогом специального научного исследования, проведенного сотрудниками РГВИА при содействии специалистов других архивов и финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Подобные списки публикуются впервые. Выявление проводилось по документам федеральных архивов: Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива Военно-морского флота. Кроме исследования архивных документов были изучены официальные органы Военного министерства – журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид» за 1914—1917 гг., в которых публиковались сведения о награжденных и описания подвигов Георгиевских кавалеров.

Судьбы большинства Георгиевских кавалеров времен Первой мировой войны сложились трагически. Многие из этих достойнейших офицеров погибли в Гражданскую войну, были уничтожены в последующие годы или умерли в изгнании. Публикация полного списка Георгиевских кавалеров 1914—1918 гг. является данью памяти незаслуженно забытым героям России.

Публикацию подготовил капитан 3 ранга В. Г. КИКНАДЗЕ

По вопросам приобретения книги обращаться по телефонам: 8(495) 267-44-62, 8-903-568-53-54

* Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.: Русский мир, 2004. 928 с.



Генерал-лейтенант В.К. Витковский, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени



Нагрудные знаки пехотных полков, награжденных орденом Св. Георгия:

- а – 20-го Галицкого;
- б – 30-го Полтавского;
- в – 52-го Виленского;
- г – 32-го Кременчугского;
- д – 53-го Волынского



Встретились

Художник В.В. МАЗУРОВСКИЙ. 1915 г.

ПРИСУЩЕЙ РОССИЙСКОМУ ВОИНУ НЕУСТРАШИМОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОЛГА СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ»



Георгиевские кавалеры 10-го понтонного батальона. Сидят: подполковник В.П. Пышненко, капитан В.В. Болдырев, штабс-капитаны А.П. Сахновский и В.П. Образцов. Стоят: подпрапорщики А. Цыцельский, А. Хитрук и Л. Пентый 1916 г.

Памятный жетон с надписью: «Первый в России памятник и бульвар 2-й Отечественной войны. г. Вязьма, 1916 г.»

В атаку

Фрагмент картины художника В.В. МАЗУРОВСКОГО. 1915 г.



Представители военного духовенства Юго-Западного фронта, в том числе награжденные наперсным крестом на Георгиевской ленте Май 1917 г.



Захват германских автомобилей Художник П.В. ВЛАДИМИРОВ. 1915 г.



Нагрудный знак с надписью: «Действ. Член Союза Георг. кавал.» 1917 г.



Почтовая открытка, выпущенная в Нью-Йорке к 200-летию ордена Св. Георгия Художник К. ПОДУШКИН. 1969 г.

